ISSN 0131–0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1989

ВЫШЕ, ВЫШЕ́, ВЫШЕ́!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (3211)

4—11 ФЕВРАЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Взлет. (См. в номере фотовернисаж Леонида Зинкевича «Мгновения, мгновения...»)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 16.01.89. Подписано к печати 31.01.89. А 08811. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 35. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

28—29 января в Москве состоялась учредительная конференция Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Конференция приняла Устав и резолюцию, выбрала правление, рабочую коллегию и трех сопредседателей из членов общественного совета — Ю. Н. Афанасьева, А. М. Адамовича и Ю. Ф. Карякина.

РОЖДЕНИЕ «МЕМОР

риала»

Открытие учредительной конференции Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» несколько раз срывалось, а дважды объявленные сроки переносились. Буквально за несколько дней до ее начала, когда многие делегаты из отдаленных регионов страны уже ехали в поездах и летели в самолетах, из некоторых газет и журналов снимались материалы и запрещалась сама рубрика «Мемориал». И все-таки субботним утром 28 января делегаты собрались в большом зале ДК МАИ для того, чтобы по-деловому провести учредительную конференцию, обсудить и принять Устав общества, выбрать правление, ревизионную комиссию, принять резолюцию конференции. А параллельно вести обсуждение проблем историко-просветительского движения.

От каждого времени остаются следы, памятники, представления, которые доходят до потомков. Без них не понять прошедшую эпоху, без них не воскресить в памяти народа героев, тиранов и жертв.

Но мы не ставим перед собой задачу создания только памятников жертвам сталинизма, говорили делегаты конференции. Мы должны работать так, чтобы даже воздух вокруг памятников стал иным, чтобы прошлое не могло повториться.

История страны рассыпана по судьбам. Задача «Мемориала» — собрать эти крупицы. Их миллионы, но без восстановления правды о каждом трудно вернуть народу прошлое. Пристально внимание «Мемориала» к сталинизму, но ведь сталинизм из чего-то вырос и во что-то перерос.

В последнее время говорят о суде над Сталиным. Говорили об этом и делегаты конференции. Но если суд общественный и моральный уже начался, то суд юридический мог бы стать очистительной силой для всего общества.

Учредительная конференция приняла Устав, избрала руководящие органы. «Мемориал» — это поиск истины. И в далекой истории, и в сегодняшней жизни. «Мемориал» — это и работа в архивах, и записывание рассказов репрессированных, и создание памятников. Демократизация всего нашего общества — вот сверхзадача «Мемориала».

Вспомним же всех поименно, почтим невинно пострадавших и поможем живым!

Семен ЯНОВСКИЙ,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото)

НА СЛОВАХ — ДЕМОКРАТИЯ, А НА ДЕЛЕ? ●
ДАН ПРИКАЗ ЕДИНО МЫСЛИТЬ... ●
НАЛОГ НА БЕЗДЕТНУЮ СТАРОСТЬ? ●
«СКОРОХОД», ПЕРЕДОВИК И... ДЕФИЦИТ ●

■

В недавнем прошлом невозможно было представить, что на нашу беду могут вот так отозваться не только друзья, но и «загнивающий» класс — капиталисты, как отозвались они на беду в Армении. Теперь-то мы знаем причину: это наши добрые инициативы, это горбачевская поступь в устремлении к миру.

А недавнее прошлое свежо в памяти. Бывало, зайдешь на кухню, где висит радиоприемник, и хочется выключить его: только о ракетах, взрывах, о конфронтации. «Господи,— приговаривает настрадавшийся от войны человек, — все перенесли бы, только б не было ее, проклятой». Крепло убеждение, что теперь-то жить можно, слава богу, холодильник не пуст, живем не в землянках, а на плечах не фуфайка. И благодарил страдалец Леонида Ильича за мудрую политику (мыслимо ли, сорок лет без войны), за умелое сдерживание капиталистов.

Теперь вот прозрели. Оказывается, и ракет можно сократить в полтора-два раза больше, и противостояние ослабить выводом десяти тысяч танков. Невольно возникает вопрос: откуда это взялось, если мы не миллионеры? В ушах до сих пор звучит неприятное слово: Пентагон. А пора бы и с нашего Министерства обороны спросить, откуда взялись такие непомерные аппетиты и почему не было серьезной попытки умерить их. Что это за сокрытое ведомство — армия и будет ли оно подотчетно народу, который содержит ее? Пора бы сообщить, чем располагаем мы, а чем — они за океаном. Снятые таинства сблизят народы и пробудят активность у советского человека.

Н. КАЛИНИН,
член СП СССР
Мценск Орловской области

■

Возмущен обвинением Н. С. Хрущева в уничтожении русской, да и не только русской деревни (письмо В. Вилина, «Огонек» № 2). Вопреки утверждению автора письма (цитирую: «даже Сталин, со своими зверскими, чудовищными методами не сумел убить русскую деревню») убийцей русской, да и не только русской деревни является именно он — «отец народов». Сталинский режим превратил сельских тружеников в полном смысле в бесправных крепостных. Они не имели даже паспортов, самовольный уход из деревни приравнивался к трудовому дезертирству и грозил тюремным заключением. Вот почему при Сталине из деревни не бежали! О нищете и голоде деревни в сталинскую эпоху написано достаточно, не буду повторяться.

Только при Хрущеве крестьяне получили наконец паспорта и права полноправных советских граждан. Хрущев много сделал для подъема сельского хозяйства, пришедшего в полный упадок при Сталине. Конечно, за 5—7 лет Никите Сергеевичу не удалось догнать Америку, несмотря на его горячее желание и проводимые мероприятия, иногда и ошибочные, а зачастую и доведенные до абсурда окружающими его подхалимами, как, например, было с внедрением кукурузы до самого Архангельска.

Что же касается оттока народа из деревни и ее запустения, то это уже явилось результатом застойного периода. Так, например, с 1970 по 1981 год доля сельского населения в РСФСР сократилась с 38 до 29 процентов, то есть почти на четверть. Этому процессу способствовала также практика привлечения сельского населения в города по лимиту.

После десятилетнего пребывания Хрущева у власти прошла четверть века. Срок вполне достаточный для восстановления и расцвета сельского хозяйства, если даже и допустить, что оно было Хрущевым развалено. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что в нынешнем далеко не блестящем положении в сельском хозяйстве виноват Хрущев. Очевидно, надо искать виновников застойных явлений в экономике, в том числе и в сельском хозяйстве, среди нас самих.

М. РАЗДЬЯКОНОВ
Москва

■

Давайте обсудим такой вопрос. У меня в семье горе: в возрасте одиннадцати лет погиб сын, утонул. Других детей у нас с женой не было. Я думаю, не стоит объяснять, в силу каких причин жена не смогла больше забеременеть. И вот уже пять лет мы оба платим пресловутый налог за бездетность, и так будет продолжаться до моего 50-летия и до 45-летия жены. Мне сейчас уже 47 лет, а жене 43 года. Скажите, пожалуйста, в чем мы виноваты перед государством, что у нас не смогло быть больше детей?

Мы и так травмированы и достаточно обижены судьбой, что в старость входим без детей. Это самая страшная боль, когда задумываешься о будущем. Но каждый месяц тебе напоминают об этом при получении зарплаты, так как в ведомости есть специальная графа. Поймите, мне не жаль денег, просто чувствую себя униженным этим обложением, да еще в таком возрасте. Не говорю уже о состоянии жены, которая после смерти сына поседела за одну ночь.

Вот мне бы и хотелось задать вопрос Министерству финансов СССР: неужели подобный сбор так существенно пополняет казну? А не задумывались ли чиновники, что этим обложением они унижают человеческое достоинство?

О. АКИМОВ,
патологоанатом
Салехард Тюменской области

■

В нашем полумиллионном городе Иванове есть одна действующая православная церковь — Преображенский собор. В праздничные и воскресные дни в нее набивается столько народу, что верующие стоят при открытых дверях, на сквозняках, плотной стеной. Вмещает храм больше двух тысяч человек. В праздники же количество прихожан удваивается, а то и утраивается, люди давятся в притворах. Может быть, статистика здесь и неуместна, но за полгода (и это только за праздничные службы) произошло 64 несчастных случая, в том числе с переломами, сотрясением мозга. А уж сколько раз вызывали в храм «Скорую помощь»...

23 ноября прошлого года в Москве Совет по делам религий вопреки отказу местных городских властей зарегистрировал вторую религиозную общину православных христиан и рекомендовал обеспечить ее молитвенным зданием. Имелась в виду Введенская церковь. Построена она в 1907 году, освящена в 1912-м, а закрыта в 1935 году. Молитвенная площадь ее — 580 квадратных метров, и месторасположение ее удобное. С 1938 года в церкви находится архив. Под архив выстроено девятиэтажное здание. Но с августа, то есть с момента подачи заявления верующих о регистрации, отделочные работы в новом архивном здании прекратились. С ноября наша родившаяся община висит в воздухе, так как местные власти не дают даже временного помещения на территории Введенского храма. Мы понимаем, что для освобождения храма от архивных документов нужно помещение и время, но для освобождения нескольких комнат из пристроек требуется только желание, которого наше местное руководство не имеет. Обращались мы к председателю горисполкома. Нам ответили, что новое девятиэтажное здание не вмещает архивные документы. Предложили Ильинскую церковь в местечке Воробьево, которая находится в 11 километрах от центра, и к тому же по площади меньше действующей, о которой говорилось выше. Там нет ни двора, ни ограды, вплотную подступают дома. Такое же положение и в бывшей Казанской церкви.

Вот и получается, что вроде бы никто открыто нас не притесняет, а в то же время проблемы наши не решаются. Половинчатые меры, разве это демократия?

Члены общины Л. ХОЛИНА, В. ТУВИН, Л. ЗОЛОТУХИНА, М. ПИЛЕНКОВА, Т. АЛЕКСЕЕВА и другие
(всего три тысячи подписей)
Иваново

■

Исследовал я тему борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью органов НКВД — МВД БССР в период с 1943 по 1950 год. В плане историческом — это белое пятно в истории республики. И что же? Пришлось писать письмо на имя министра внутренних дел. Его резолюция была лаконична: прошу оказать помощь. Разрешение министра предстояло выполнить тому самому человеку, который мне накануне отказал, а теперь вот под давлением резолюции вынужден допустить меня к архивам. Помощь оказали, но как? Все дела, содержащие материалы отдела по борьбе с детской беспризорностью, работы детских приемников-распределителей, полковник МВД просматривал лично, и если, по его мнению, какие-то документы мне не только нельзя исследовать, но и видеть, они исчезали в огромных конвертах. Вот такая помощь... Как говорили раньше, жалует царь да не жалует псарь. Вроде и не отказано, но на деле ни шагу вперед. Доказываю, что в стране перестройка, а мне в ответ: «Архив у нас ведомственный, закрытый... Пусть гриф «секретно» снимут те, кто его ставил».

Совершенно согласен с мнением Б. Илизарова, высказанным в статье «Об архивах и тайной борьбе за сохранение их «тайн» («Огонек» № 2). Пора общественности активно вмешаться в эти вопросы. Она, кстати, вмешивается, но получает ответы типа: «идет большая работа по пересмотру устаревших инструкций», «многие фонды поступают в свободный доступ» и т. д. Так ли на самом деле или это маневр, чтобы успокоить общественность?

Н. СМЕХОВИЧ,
ассистент кафедры истории КПСС Минского пединститута имени Горького

■

Незабвенный Козьма Прутков давно предложил «Проект: о введении единомыслия в России». Прозорлив был! И сегодня мало ли к чему может привести демократия, если будут разные мнения! Вот, например, в Ворошиловградском пединституте имени Т. Г. Шевченко раньше все шло так хорошо. Скажет министерство увеличить набор — увеличим. Откажут в средствах на ремонт — промолчим, а на строительство и просить не будем. А результат каков?! Обеспеченность учебными площадями менее 30 процентов. В коридорах занятия идут.

А как раньше приказы исполнялись! Можно было ввести пропускную систему, которая конкурировала с аналогичной системой военных объектов. И для ее обеспечения ежедневно освобождать от занятий по две группы студентов. Можно было и преподавательский хор сколотить. Тут, правда, некоторые отпирались. Ссылались на то, что у них нет голоса. Но упоминание о том, что кое-кому хотелось бы получить звание старшего преподавателя или доцента, а без участия в хоре, где поет ректор, это будет трудно, все расставило по местам. Правда, кафедра философии заупрямилась...

Ах уж эта кафедра! С нее все и началось. Отказалась пропагандировать статью Нины Андреевой, даже в конфликт с райкомом вошла. После этого в мае в институте был создан Комитет поддержки перестройки. Надеялись, что он сам по себе умрет. Надеялись, что устанут они. Так нет же! Не умирает! То письма пишут в адрес XIX партконференции или в Верховный Совет, то с разными вопросами пристают к начальству, то свои проекты предлагают. Сомкнулась кафедра со студентами, которые создали ассоциацию молодых историков. Стали собирать деньги в фонд Мемориала жертвам сталинских репрессий. На всех досках объявления повесили. Конечно, попытались их урезонить. Вызвали по одному членов группы «Гласность» вышеназванного комитета. Раньше это безотказно действовало! А теперь в ректорском кабинете препираются. Намеки отказываются понимать о несовместимости такой деятельности с научной работой.

И вот тогда возникла идея приказа № 79—0Д/1 о введении единомыслия, то есть, извините, о едином языковом режиме. Приказ, кажется, удался. Особенно считаю удач-

ным это словосочетание — «языковой режим». С одной стороны четкое, а с другой — многозначительное. Напоминает, что режимы бывают разные.

Итак, приказ № 79—0Д/1 гласит:

Проверкой, проведенной в институте, установлено, что на досках объявлений ректората, парткома, профкома, комитета комсомола, факультетов вывешиваются информационные материалы с нарушениями правил единого языкового режима, эстетики оформления деловых документов, что не соответствует ГОСТу «Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов». ГОСТ — 6 38-72.

В связи с установленным приказываю:

1) Все информационные материалы, вывешиваемые на досках объявлений ректората, парткома, профкома, комитета комсомола института, должны полностью соответствовать правилам единого языкового режима, требованиям ГОСТа и визироваться зав. канцелярией Онищук Л. А.

2) Вся информация, вывешиваемая на досках объявлений факультетов, должна согласовываться и визироваться деканами факультетов.

Копии этих документов должны храниться в течение месяца соответственно у зав. канцелярией Онищук Л. А. и деканов.

Контроль за соблюдением настоящего приказа возложить на проректора по учебной работе Данильева А. А.

Ректор института ЩЕРБИНА Н. Ф.

Прозорлив, прозорлив был Козьма Прутков, когда писал, что единственным материалом для мнения может быть только мнение начальства.

И. Ф. КОНОНОВ,
доцент кафедры философии, член координационного совета Комитета поддержки перестройки Ворошиловградского пединститута

■

Если рассмотреть постановление Совмина СССР от 29 декабря 1988 года о регулировании отдельных видов деятельности кооперативов с точки зрения демократии, то Совет Министров СССР опять оказался не на высоте, как это уже случилось весной прошлого года с печально известным драконовским подоходным налогом на кооперативы. Смысл сегодняшнего постановления также противоречит понятиям о правовом обществе, перестройке, гласности.

В перечень запрещенных видов деятельности включены, например, и такие: издательская деятельность по выпуску произведений науки, литературы и искусства, организация общеобразовательных школ, производство и демонстрация кино- и видеопродукции. Запрещены и другие виды деятельности в области культуры, способные реально и быстро демонополизировать поиск истины в обществе, дать независимость и самостоятельность мышления, наконец, дать нам всем «больше социализма».

Постановление многое, завоеванное перестройкой, приравняло к изготовлению оружия, наркотиков, ядов, взрывчатки и к манипуляциям с драгоценными материалами, как в недобрые старые времена. Если жесткий контроль над оружием, ядами, наркотиками действительно необходим любому цивилизованному обществу как мера его защиты, защиты культуры, то запрет на активную деятельность в области самой культуры, на поиск истины, интеллект, информацию, прогресс вызывает недоумение. Интеллект общества — единственное спасение любой нации от любого режима, будь то сталинизм, царизм, фашизм или просто бандитизм. Диктатура невежества слишком дорого всеми нами оплачена и не только в советский период, и не только в России. Счета этой диктатуры мы продолжаем оплачивать и по сей день.

Евгений КИСЕЛЕВ,
рабочий
Саратов

■

В еженедельнике «Аргументы и факты» (№ 41 за 1988 г.) приводятся данные Госкомстата СССР об обследовании жизненного уровня семей пенсионеров. Сообщается, в частности, что московский пенсионер в среднем тратит из своих доходов (надо понимать — пенсии) на лекарства всего 2,6 процента. Однако за среднестатистическим здоровяком-пенсионером Госкомстата не видны конкретные расходы больного пенсионера на покупку лекарств в аптеке. А расходы эти значительно выше.

Прилагаю к письму оттиск статьи «Стоимость лекарств в бюджете больного и возможности ее снижения», напечатанной мной в журнале «Здравоохранение Российской Федерации». Это первое и, насколько мне известно, пока единственное исследование на эту тему, опубликованное в отечественной научной медицинской литературе. Как видно из таблицы, стоимость месячного курса амбулаторного лекарственного лечения при хронических заболеваниях составляет отнюдь не 2,6 процента, а от 17,66 до 27,7 процента пенсии. В моей практике эта стоимость иногда перешагивала даже за 40 процентов. Расчет производился из пенсии от 100 до 132 рублей. А если речь идет о лечении инвалида третьей группы по общему заболеванию, у которого нет полного трудового стажа? Пенсия у него всего-навсего 26 рублей (см. те же «Аргументы и факты»). Или о колхознике? У него — 40 рублей.

Как видим, траты на лекарства у пенсионеров серьезные. К сожалению, статистики и социологи пока что мало занимаются подобными проблемами, я же как врач сталкиваюсь с этим ежедневно. Убежден, что новый Закон о пенсиях должен учесть конкретные расходы пенсионера на лекарства.

В. РОВИНСКИЙ
Москва

■

Наша улица стала Ворошиловской, соседняя — Возрождения (в честь известной книги Брежнева), а на административном корпусе санатория установлена дорогостоящая мемориальная доска в честь выдающегося полководца Ворошилова.

На доске написано, что санаторий назван в честь Маршала Советского Союза, советского, партийного, государственного и военного деятеля, одного из активных строителей Вооруженных Сил СССР, выдающегося полководца Ворошилова Климента Ефремовича (1881—1969 гг.), дважды Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда, принимавшего активное участие в строительстве санатория, в организации его дальнейшей работы.

И это в наши дни, когда стала доступной правда о преступлениях Сталина и его окружения.

В. СЕЛУЯНОВ
Сочи

■

Только что услышала по радио страшную информацию: в Элисте двадцать семь малышей, едва достигших двух лет, заразились вирусом СПИДа. И это случилось не где-нибудь, а в нашей советской больнице, по вине врачей, медсестер, тех, кто по долгу службы обязан лечить. Очень хорошо помню слова В. И. Покровского, президента Академии медицинских наук, сказанные в вашем журнале: «Можно ли заразиться в больнице, поликлинике? В общем-то нет. Есть инструкции по стерилизации шприцев, других медицинских инструментов...» И далее подробно, как нужно кипятить шприцы, о том, что это трудоемкая работа, и если медсестра недобросовестный человек, то она может отступить от инструкции. Проблему недобросовестности частично могут снять одноразовые шприцы, но... Закончил он словами: «Мы действуем по пословице: «Гром не грянет — мужик не перекрестится». Мы понимаем, что миллионы, сэкономленные сейчас, через пять лет обернутся миллиардами убытков».

Так не пора ли нам перестать экономить там, где речь идет о человеческих жизнях, тем более, что мы все, в том числе и тов. Покровский, это понимаем? Почему дети-крохи должны расплачиваться за преступные деяния нашего Минздрава? Гром грянул...

Попутно хочу сказать вот о чем. На днях телевидение передавало передачу о СПИДе. Обстоятельную и серьезную работу сделал автор и ведущий А. Гурнов. Так вот, закончилась она в половине первого ночи. Передачу, которую должен видеть каждый, молодежь особенно, показали ночью, как показывали когда-то в пасхальные дни бойкие эстрадные программы. Опять ханжество на телевидении? Ханжество, потому что речь, в частности, идет о проституции, гомосексуализме, а мы всеми силами хотим показать, что нашему обществу эти явления не свойственны.

В. КУЗНЕЦОВА,
мать двух детей
Фрязино Московской области

■

В последнее время стал широко внедряться новый и, как нам объясняют, весьма прогрессивный метод распределения товаров повышенного спроса, то есть дефицита. Дефицит распределяется непосредственно на предприятиях, которые заключают договоры с магазинами. К сожалению, осчастливить могут не все предприятия. Одна из причин — малая численность работающих. Например, семьсот человек для счастья, оказывается, маловато... Увы, выбор места работы оказался роковым, сделал нас гражданами второго сорта.

В программе ленинградского ТВ «600 секунд» нам рассказали, что партия импортных сапог (кажется, австрийских) доставлена на объединение «Скороход». Что ж, работники обувного предприятия лучше, чем кто бы то ни было, знакомы с качеством своей продукции и явно предпочитают австрийскую (я, кстати, тоже).

Распределение дефицита между первосортными гражданами — дело тоже непростое. Учитываются, насколько мне известно, и стаж работы, и участие в общественной жизни, и т. д. и т. п. Случается, что к выделенному размеру подбирают передовика. Безусловно, очень хорошо, когда человек без лишних затрат времени может приобрести нужные товары, сдать вещи в химчистку, обувь — в ремонт. Но это хорошо, когда в магазинах полные прилавки. Загляните в мебельный — все на предприятия, в обувной — по договорам... Стоило ли так много говорить о «Березках» и тут же создавать новые? Люди привыкли, что где-то что-то выделяют, распределяют, носятся, доставая талоны, и не видят в этом ничего неестественного. Суть не в том, достойны или нет работники «Скорохода» носить красивую обувь. Суть в том, что каждый советский человек на свои честно заработанные рубли должен иметь возможность купить (купить, не получить где-то) то, что ему нужно, и это не должно зависеть от места работы, естественно. Иначе, как мне кажется, временные трудности со снабжением могут затянуться, а выдача дефицита передовикам производства к праздникам станет нормой.

Н. ИЛЮХИНА
Ленинград

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

РЕШАЮТ ИЗБИРАТЕЛИ

Наши читатели, очевидно, помнят репортаж «Дети Шарикова» («Огонек» № 3) — о неудачной попытке проведения собрания по выдвижению кандидатом в народные депутаты СССР по Свердловскому территориальному избирательному округу № 21 города Москвы главного редактора журнала «Огонек» Виталия Коротича. Сказался недостаток опыта у инициативных групп. К тому же «постарались» молодцы из «Памяти».

Инициативные группы и их сотни добровольных помощников не отступились от использования еще одного шанса, предоставленного перестройкой,— права выдвижения кандидата по месту жительства.

Недавно такое собрание состоялось в зале Научно-методического центра ВЦСПС. Его организаторы предусмотрели большой наплыв избирателей. Они заранее позаботились о резервном вместительном помещении в институте «Гипромез» — благо он в полукилометре от первого зала. Позже выяснилось, что в обоих собраниях участвовало около 1950 избирателей — почти четыре положенных кворума!

Было обсуждено восемь кандидатур — три из них были выдвинуты здесь же, на собрании. Но основное соперничество разгорелось между двумя — Ю. В. Скоковым, генеральным директором НПО «Квант», и В. А. Коротичем. Оба они выдвинуты кандидатами в народные депутаты от нескольких трудовых коллективов. На этот раз избиратели, сторонники Ю. В. Скокова, решили рекомендовать его в качестве альтернативной кандидатуры и по месту жительства. Обсуждение продолжалось в течение четырех часов. Объективные счетные комиссии подвели итог: В. А. Коротич — 1709 голосов, Ю. В. Скоков — 218. Признаны недействительными 19 бюллетеней.

Инициативные группы попросили через «Огонек» выразить признательность администрации и общественным организациям Научно-методического центра ВЦСПС и «Гипромеза», предоставившим помещения для проведения собраний. Особая благодарность адресована добровольным помощникам — агитаторам, а также избирателям, исполнившим в тот вечер свой гражданский долг. Надеемся на дальнейшее взаимопонимание и поддержку: ведь кампания вступает в решающий этап.

Боевики из «Памяти» на сей раз были бессильны...

ПРОШУ СЛОВА!

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Артак ЧИБУХЧЯН

ПРОМЕДЛЕНИЕ

Я врач-кибернетик, пока живу в Москве.

7-го декабря утром я говорил по телефону с родным Дилижаном, узнал, что все здоровы... когда я положил трубку, там уже шло землетрясение. Это я понял потом.

Я дозвонился до Дилижана и узнал, что там живы, а после связь прервалась. Вечером сказал жене, что вылетаю. Но справедлива была и такая мысль: нельзя, чтобы добровольцы массово ворвались в Ленинакан, надо ехать организованно. Стал искать, где записывают врачей. В штабе в Колпачном переулке говорят: врачи уже не нужны, оставьте свои координаты и отправляйтесь восвояси.

Это была первая глупость или, точнее, дезинформация, с которой я столкнулся. Как не нужны? Оказалось потом: нужны, не хватает! Кто дал такое сообщение? Хорошо, что я ни минуты не верил: «Время» показывало разрушения три секунды, их было достаточно, чтобы представить себе картину; во-вторых, сколько бы ни старались, за два дня насытить город врачами невозможно. Третье, что заставило меня пренебречь указаниями штаба,— то, что я армянин.

Вечером восьмого наша группа собралась во Внукове, и в Ереване были около четырех утра. (В Москве я лишь сменил дубленку на плащ и взял пару носков, был в костюме.) С рассветом сидели в Як-40 — самолет был напичкан людьми, рвущимися в Ленинакан. Все говорили только о том, как там. Как человек, формально посторонний для политической борьбы, могу сказать, что в этот день я слышал лишь разговоры о несчастье и ни слова о Карабахе. Мне это запомнилось...

Из ленинаканского аэропорта добрались до здания бывшей Первой больницы.

Один из корпусов уцелел. Там работали воронежские, волгоградские медики. Наверху была комната, куда складывали ампутированные руки, ноги. Ребята попросили меня помочь убрать. Я собрал, упаковал, попросили солдат сжечь.

Мы составили список прибывавших с указанием специальности и примечанием: готовы выполнять любую работу. Скоро наш посланник вернулся из штаба. «Там сказали: делайте, что хотите».

Около меня остановилась «Волга» с рацией.

— Врач? Садись.

Со мной был мой товарищ, который мог водить машину. Тот, кто был в ГАЗ-24, оказался заведующим горздравотделом Сурджяном. Он довез нас до станции «Скорой помощи», сказал: вот вам доктор. После я узнал, что у этого человека под обломками роддома осталась беременная жена. А он на своем посту делал все, что мог и должен,— так я его увидел из народа, снизу, как говорится.

Главврач станции «Скорой помощи» доктор Торосян, работавший день и ночь, отвел нас к машине, сказал: поезжайте. И хотя я стал было предупреждать, что я врач-кибернетик, я понял, что буду здесь работать, если понадобится, и медсестрой, и фельдшером. Потом, в Москве, мои знакомые врачи удивлялись, как я мог **рискнуть** сесть на «Скорую».

С бригадой я выехал в Ленинакан.

Я знал, что Ленинакан — самый красивый город Армении, но я не видел его прежде, а теперь увидел.

Я стал работать в этом мертвом городе. И я думаю, что так, как увидели трагедию мы, врачи, мало кто увидел. Ведь люди все тяжелое врачу говорят.

Все, кто появлялся в Ленинакане, не могли сдержать слез. Очень тяжело было. И было такое чувство, что все без исключения делают все, что могут, исчерпывая запасы сил.

Но когда работаешь на «Скорой», видишь много и поневоле начинаешь анализировать.

...Я вернулся в Москву с тяжелым чувством, которое было значительно сильнее усталости и даже тяжелее переживаний от увиденного. Несколько дней я искал, перед кем выговориться. Я пошел в редакцию журнала «Родина», но мне предложили записать собственные воспоминания и принести их. Меня это не устроило. Какие у меня воспоминания? Я хотел встретить человека, который задал бы мне один вопрос: все ли было там правильно организовано? И я бы ответил на этот вопрос. Итак, я задаю его себе сам.

...В стационаре врачей хватало, на мой взгляд. Но на «Скорой» не хватало остро. Кто дал неверные сведения об обеспеченности Ленинакана медиками?! Не было врачей, которые могли бы просто ходить среди народа.

Развернутой сети госпиталей, о которой нам также рассказали в Москве перед нашим отлетом, я не увидел.

А что я видел? Сразу по началу моей работы на «Скорой» я увидел, что из завалов людей вытаскивают в основном добровольцы, организованные в бригады по пять человек. Непрофессионалы, они набирались опыта на ходу, другими словами — ценой человеческих жизней...

Есть элементарные правила спасения людей из-под обломков разрушенных зданий. Явление, называемое в медицине «синдромом сдавления», стало известно после лондонских бомбардировок: если прежде, чем вызволять человека из завала, не наложить жгута на сдавленную конечность, да просто не перевязать веревкой, человек может умереть. Это знает медик, прошедший подготовку на военной кафедре. Но обычному человеку, рвущемуся поскорее приподнять балку, упавшую на другого, не может прийти в голову, что он своими усилиями, по сути, убивает спасаемого.

Возвращаемся мы из аэропорта за очередным пациентом. Видим: на дороге танцует мужчина. Машет нам.

— Ребята, только что нашли моего племянника, он живой! Я думал, что потерял всех, всю семью, всю родню, но чудо: племянник жив, я только что слышал его голос, мы только что поднимали панель, но снова опустили, не хватило сил. Сейчас поднимут, вытащат!

Мы сразу все поняли, но подождали, пока панель поднимут. (Было уже трупное окоченение.) Этот взрослый

человек, минуту назад слышавший голос родного человека, сделался невменяемым, забыл, кто он такой... Мы сделали исключение: довезли труп до дома, там стали приводить в чувство окружающих. Может быть, тогда я стал утверждаться в мысли, ради которой все это рассказываю...

Итак, первые профессиональные спасатели, как это увидел я, появились в Ленинакане 10-го. Вернее, десятого я услышал: работают горноспасатели из Караганды. А пятнадцатого увидел. Как раз расчищали очередной завал, там была живая женщина. Спасатели уперлись в тупик, дальше шла панель. Тогда они позвали карагандинцев. Я слышал, как возмущался горноспасатель. Он говорил, что их шестьдесят восемь человек и, кажется, все работают на одном завале, а надо распределить их так, чтобы профессиональный спасатель руководил добровольцами. Так он говорил при мне. Кто должен был это знать заранее?

Для осуществления управления всегда необходима работающая обратная связь. Это принцип управления, это закон.

В Ленинакане мне не удалось встретить примера работающей обратной связи. Либо — я говорю о девятом, о десятом декабря — не осуществлялось вообще управления. Не знаю... Я не могу понять, почему сразу после трагедии в городе работало так мало машин «Скорой помощи»!

А ведь с момента землетрясения до 15-го шел поток живых, которых надо было срочно транспортировать, отвозить к самолету, в больницу. Машин нужно было минимум пятьдесят и то при условии вполне открытых для скорого движения дорог, когда на каждой улице стоит солдат или милиционер с рацией. Иначе даже ста машин было бы недостаточно.

Я отвечаю за свои слова: девятого декабря и десятого, и, возможно, одиннадцатого в Ленинакане, запруженном автомобилями, металось, пробиваясь в аэропорт и обратно, мизерное, явно недостаточное число «Скорых».

Это недостаточное число можно оценить одним счетом — ценой человеческих жизней. Другого счета в Ленинакане не было, вы знаете.

И эту оценку я могу провести, пусть примерно, приблизительно. Я считаю, что наглядность, пусть даже страшная, сейчас нужна.

Для того, чтобы доставить больного из города в аэропорт, порой у нас уходило три часа. Три, без преувеличения. Кто-то из нашей бригады покидал машину, шел впереди и расталкивал другие машины. Так, протиснувшись к самолету, мы возвращались за новым пациентом, который зачастую уже не дожидался нас... В сутках 24 часа. Работая круглосуточно, одна машина в сутки могла отвезти к самолету восемь больных. А машин было мало. Считайте. Потом пришли десять «Скорых» из Грузии, спасибо...

А как вызывали «Скорую»? Мы просто курсировали по городу, кто остановит — тому мы и нужны.

Лекарства. В первые дни не хватало перекиси водорода. Из обезболивающих, кроме анальгина, ничего! Промедол появился после. Первое импортное лекарство я увидел 12—13-го. Раньше всех появились французы, и я разговорился с французским врачом Аветистом Тер-Григоряном. Он сказал: мы были готовы вылететь седьмого. Они появились позже, поздно, но появились...

...зато в Ленинакане не оказалось опытных или даже каких-нибудь провизоров, фармацевтов, и лекарства, которым цены нет, распределялись в аэропорту студентами: кто посвободнее, открывал справочник Машковского и искал международное название того или иного лекарства.

Я встретился с доктором из Коми. Они восьмого или девятого вылетели на самолетах со своими кранами, со своими «Скорыми», докторами, медикаментами. Они были вполне обеспечены для работы. Они прекрасно работали. Большая им благодарность. Благодарность всем, всем, кто помог, кто пытался помочь. Студенческая бригада из Первого медицинского, москвичи, открыла аптеку прямо на площади, помощь оказывали в палатке, а кто посвободнее, брал сумку и ходил по городу, по палаткам. Они сами нашли верный способ принести максимальную помощь, а когда пришли новые «Скорые», пересели в них. Одного парня звали Бухарин, я запомнил, спасибо, прекрасные ребята.

...но сколько врачей сидели практически без дела! Не могло это мне просто показаться, нет. По-моему, в стационаре особенной работы не было — именно в те первые, начальные дни, о которых я только и твержу, потому что постфактум все было сделано, решительно всякая помощь поступила.

Но промедление, промедление. Вот о чем я не могу забыть.

Наша медицина медлительная, то есть плохо справляется со своими обязанностями и в мирное, неспешное время. Это все знают. Одно из страшных доказательств — детская смертность. Там, где необходима срочная, четкая, абсолютно отлаженная до механистичности работа всех,— там сбои.

Наивно было бы предположить, что в экстремальной ситуации эта слаженность возникнет сама собой, даже при самом сильном сердечном порыве всех к спасению пострадавших. Но — предположили же!

Должен был существовать подготовленный, работающий, всегда на ходу, механизм.

Его не было. Был аврал. Сработала авральная привычка.

До землетрясения в Ленинакане действовал комендантский час. Потом его не стало. На первый взгляд гуманно: у людей горе, каждый не может оторваться от руин собственного дома, ждет, сам пытается что-то сделать. (Я уже говорил, что от этих неумелых попыток мы многих живых недосчитались, это гуманно?)

Я, врач, упрашивал, умолял, кричал, чтобы люди отошли подальше от завала, не мешали работать, не пылили, не раскачивали камни. Мы тратили на это время... Изо дня в день мы расталкивали людей, расталкивали поток машин, теряя, теряя, теряя.

Почему в городе появились мародеры? Почему люди обезумели? Почему их невозможно было оторвать от своего разрушенного дома? Почему родственник, не зная пустякового правила спасения, нечаянно убивал родственника? Почему люди вдруг стали хвататься за свое добро? Почему в людях стала появляться пассивность, апатия? Почему трупы лежали прямо на улицах? Почему одна «Скорая» за сутки спасала восьмерых максимум?

Я не диктую воспоминания! Но я помню, как мы работали в завале. Панель качается, дышит, сыплется из нее песок. Дальше из нас мог пройти лишь Артур Арутюнян, он похудее. Он дошел до больного, сделал ему укол. Еще: делаем искусственное дыхание ребенку.

Пока везли в аэропорт, он два раза помирал, дважды откачивали. Скальпеля не нашли — для венесекции использовали маникюрные ножницы. А в вертолете ребенок скончался.

В этот же вечер достали другого. Умер — откачали. Еще раз умер — откачали. Довезли до реанимации.

— Вы же труп привезли.

— Он минуту назад дышал!!!

Я взялся делать массаж сердца. Сделал искусственное дыхание. Подключили аппарат искусственного дыхания — ожил.

На следующий день скончался.

Доктор, я был с грязными руками пять дней. Потом появилась специальная эмульсия. Потом...

Потом появилось многое. Почти все. Поначалу не было. И я подсчитал цену промедления. Слишком многие погибли, хотя мы могли бы их спасти. Вытащить, вывезти, оживить.

Это цена промедления и цена неверно понимаемой «гуманности», помешавшей сразу предпринять решительные шаги, известные медицине еще со времен Пирогова, то есть с Крымской войны!

Сначала, скажем, немедленное введение военного положения, и я уверен, что шаг в такой ситуации был бы понят правильно.

Затем — организация военно-медицинской помощи согласно существующей науке — ОТМС (организация и тактика медицинской службы).

Все остальные мелочи, или «тонкости», досаждавшие нам в работе либо даже создававшие определенную опасность эпидемий,— это действительно мелочи, которые, несомненно, не возникли бы, будь в городе установлен жесткий порядок военного времени.

Да, согласен: военное управление неминуемо приводит к развалу, упадку экономики... в конце концов. Но не в самом начале. В самом начале — прямо противоположное. Скачок. Феномен, известный всем, никого уже не ставящий в тупик, не обманывающий обещаниями будущего процветания.

Временно, на считанные дни, на две, три недели овладеть ситуацией, близкой к панической, блокировать эпидемию паники, неразбериху, дезорганизованность — вот чего можно мгновенно добиться при помощи введения военного положения. Практически это: очищенные от ненужных машин, освобожденные от толп улицы. Улицы, свободные для спасительного курсирования санитарного, медицинского, аварийно-спасательного транспорта. Это — скорейшая наладка связи, четкая организация снабжения. Это правильная организация спасательных работ — самое главное!

Мародерство появилось потому, что плохие люди свободно расхаживали повсюду, наблюдая переполох, брошенные вещи, застывших, оцепеневших владельцев брошенного имущества, вещи, раздаваемые без учета нуждающихся.

В любом учебнике военного врача упоминается походная кухня. Она появилась на седьмой день. На шестой день начали вывозить грязь, начали чистить город. Врачи «Скорых» без чьей-либо санкции стали давать людям, работающим на завалах, антибиотики пролонгированного действия — при военном положении до этого додумались бы сразу, таков эффект военного положения, такова наука, у истоков которой стоит, повторяю, Пирогов.

Эвакуацию как таковую я увидел лишь на пятые сутки.

Не знаю, была ли паника среди управленцев. Народ, знаю, работал, работал много, бессонно. Но народ не знает науки организованного спасения.

Если этой науки у нас вообще не существует, если гражданская оборона у нас — фикция, то надо отстранить от дел руководителей гражданской обороны. Давайте создавать эту оборону заново.

— Дайте лекарства!

— Нету.

— Так вот же лежат!

— Тогда бери.

— Где иглы к разовым шприцам?

— Наверное, упаковка была красивая... Кто-то утащил.

С тринадцатого декабря мы, врачи «Скорых», стали требовать сердечные средства, но не просто валерьянку. Нужны были лекарства, необходимые при поражении мозгового кровообращения, сосудорасширяющие.

— Зачем тебе?

— Думаю, что у людей могут начаться инфаркты, инсульты.

— Да..?

Мы набирали на выезд бинты, мазь Вишневского, синтомициновую, потому что вдруг догадались, что сейчас-то и пойдут к нам люди с застарелыми, загноившимися царапинами, на которые прежде не обратили внимания. Наша работа была работой квалифицированного фельдшера. Фельдшера, который — не побоюсь сейчас обидеть кого-то — не обязан и не должен думать, выполняя свои обязанности в военное время, каковым являлось время с седьмого декабря в Ленинакане. Он не должен разбираться в международных названиях необходимых ему лекарств. Шприц-тюбик номер один, номер два, номер три. Тут и врач не должен думать.

Кто-то должен подумать заранее, задолго и думать долго: все обдумать! Открыть заново учебник со страниц военно-крымской кампании...

— Как ты рискнул работать на «Скорой»?

Действительно, как я рискнул?

Я рассказываю: вот мы в аэропорту, при нас сюда же французы подвозят больную. Она чистенькая, промытая, капельницы, все, что надо, капает, под ней специальная пленка, сверху специальная пленка.

Мне говорят: да, есть и такая, слышали, пленка: одной стороной заворачиваешь — греет, другой завернешь — холодит. Израильтяне привезли.

Наши медикаменты, необходимые при массовых ранениях,— разговор отдельный, может быть, еще более тяжелый. Я хотел, на мой взгляд, сказать о самом главном и требовать рассмотрения ситуации промедления. Может быть, со строгостью судебной.

Вернулся в Москву. Никак не мог прийти в норму. Все думал. Вдруг почувствовал: к науке своей охладел. Надеюсь, это пройдет.

После возвращения всех моих друзей-медиков из Армении мы собрались вместе, проанализировали пережитое и решили обратиться с предложением — создать при Совете Министров СССР и Советах Министров союзных республик ассоциации врачей-спасателей. Могли бы раз в год собираться на сборы для повышения квалификации с тем, чтобы в нужный момент могли бы оказаться в зоне бедствия и оказать квалифицированную помощь.

Последние трагические события в Грузии подтверждают, что это надо делать немедленно.

Последние трагические события в Таджикистане требуют этого!

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

НАПРАВЛЕН ПОСЛОМ...

С Николаем Григорьевичем ЕГОРЫЧЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ

В начале беседы я попросил Николая Григорьевича объяснить, как он согласился в свои шестьдесят восемь лет поехать послом в Афганистан. Ведь в наше время это, пожалуй, наиболее трудная страна как в военно-политическом, так и во всех других отношениях. А освобождение от работы уже через семь месяцев — не означало ли оно, что такое решение было опрометчивым.

— Я расценил предложение ехать послом в Кабул (оно, кстати, было для меня совершенно неожиданным) как особое доверие Центрального Комитета партии. В беседе с руководством я даже сказал, что, если бы мне предложили поехать в благополучную страну, я бы наверняка отказался, тем более, что занимаемая мною в то время должность первого заместителя председателя Торгово-промышленной палаты СССР меня вполне устраивала.

В Афганистане время как бы спрессовано. Все семь месяцев там пришлось работать без выходных, по 14—15 часов в сутки...

— И постоянная опасность...

— Да, это тоже было. Считаю, что за это время кое-что полезное все-таки удалось сделать. В частности, первые 50 тысяч советских военнослужащих были выведены из страны до 15 августа без единой потери. Однако развитие обстановки в Афганистане после достижения женевских договоренностей пошло, к сожалению (и не по нашей вине), по наиболее неблагоприятному для республики пути. И хотя наша страна удовлетворила все просьбы афганского руководства как по укреплению обороноспособности афганских вооруженных сил, так и в экономическом плане, жизнь потребовала активных, в том числе и неординарных, дипломатических шагов с нашей стороны в поддержку мирного политического урегулирования афганской проблемы. Именно так я расценил направление первого заместителя министра иностранных дел Ю. М. Воронцова послом в эту страну.

Моя деятельность в Кабуле была оценена руководством ЦК КПСС положительно, а президент Наджибулла наградил меня орденом Апрельской революции и в своей речи по этому поводу очень высоко охарактеризовал мое короткое пребывание в Республике Афганистан.

Так что работу в этой стране считаю достойной страницей, которой я завершил свою трудовую биографию перед уходом на пенсию. Что же касается трудностей, то я принадлежу к той категории людей, жизнь которых сложилась не просто, но очень интересно.

За время нашего разговора Николай Григорьевич не раз по разным поводам говорил: «мое поколение», «на плечах моего поколения», «мое вырубленное войной поколение». Чтобы было понятнее, что он имел в виду, я попросил его рассказать о себе.

Егорычев из коренных москвичей. Родился в Строгино, бывшей деревеньке ближнего Подмосковья, давшей ныне имя одному из районов столицы. Его отец умер, когда Николаю Григорьевичу было всего десять месяцев, оставив на руках матери шестерых детей. Жили бедно, голодновато. Мама умерла, когда ему было семнадцать. Но старшие сестры были уже замужем и помогли брату окончить десятилетку. Ровно пятьдесят лет назад он поступил в МВТУ имени Баумана, хотел стать инженером. Когда осенью 1941-го МВТУ было эвакуировано в Ижевск, 82 студента училища (в их числе и Егорычев) ушли добровольцами в 3-ю Московскую Коммунистическую дивизию. Его взвод истребителей танков бросили защищать мост через канал Москва — Волга, что на Ленинградском шоссе у деревни Химки, совсем рядом с его родным домом. В этом месте немцы подошли к столице ближе всего, но в город так и не прорвались.

После разгрома немцев под Москвой дивизия, в которой воевал Егорычев, была переброшена в район Селигера, где в это время шли жестокие сражения. В первом же бою 21 февраля в его стрелковой роте из 138 человек осталось в строю всего 38. Семьдесят — убито, тридцать — ранено. В том бою тяжело ранило политрука, и Егорычева, еще комсомольца, назначили вместо него. Кандидатом в члены партии в первый раз его принимали пятого марта 1942 года.

— Помню,— рассказывает Николай Григорьевич,— в самый разгар заседания парткомиссии команда: «В ружье!» Оказывается, немцы пошли в атаку. Уже на ходу слышу: «Есть предложение принять!» И голоса в ответ: «Принять!» Так я стал кандидатом в члены партии, но кандидатскую карточку вручить не успели: через три дня меня ранило. К тому дню в нашей роте осталось всего пять человек от тех 138, которые совсем недавно прибыли на Селигер.

Летом после госпиталя он снова попал в тот же район, но в другую часть. Тут его в августе приняли в кандидаты во второй раз.

А через несколько дней снова ранило.

По возвращении из госпиталя были другие бои на том же Северо-Западном фронте. Потом на Курской дуге, при форсировании Днепра в районе Переяслава-Хмельницкого. Вместе со своим Первым Украинским он наступал на запад. Победу встретил под Дрезденом, демобилизовался в звании лейтенанта в январе 1946 года уже из Вены.

И сразу в Москву, в МВТУ.

Восстановился на четвертом курсе. Вскоре был избран секретарем факультетского бюро. Через год стал комсоргом ЦК ВЛКСМ всего вуза. Потом освобожденным секретарем парткома.

— Постоянно не хватало времени,— вспоминает теперь Егорычев.— Диплом готовил урывками, за счет отпусков. После его защиты решил заняться диссертацией. Вечером после работы в парткоме часа на полтора-два (и не каждый день, разумеется) удавалось вырваться в лабораторию. И дело вроде бы пошло.

И тут вызывают в МГК партии, говорят: «Будем рекомендовать вас секретарем Бауманского РК». Я туда-сюда, объясняю, что готовлю диссертацию, а мне: «Надо». Знаете, как это у нас: НАДО! Через полтора года, сразу после XX съезда, избрали первым секретарем райкома. Проработал в этой должности почти день в день четыре года и был утвержден инспектором ЦК КПСС.

В начале 1961-го меня избрали вторым секретарем Московского горкома партии, а в ноябре 1962-го — первым секретарем МГК.

— На этом посту вы проработали до июня 1967 года. Честно скажу (я это время хорошо помню), ваш уход был для многих неожиданным. Дела в Московской партийной организации шли тогда вроде бы хорошо, что не предвещало никаких осложнений, да и само ваше перемещение с этого поста не сопровождалось никакими предшествовавшими и последующими постановлениями, официальными объяснениями или «закрытыми» письмами для партактива, которые тогда практиковались. Правда, неофициальных разговоров хватало. Но хотя они по нашей давней, испытанной временем традиции и несут обычно достаточный объем информации для размышления, все-таки не всегда в них все бывает точно и логично. Так что в то время многим не было ясно, что же все-таки произошло. У вас был конфликт с Брежневым?

— Конфликта как такового не было. Просто у нас были разные взгляды на методы и практику партийного руководства. Но опять-таки это не носило характера резких противоречий. Все было гораздо проще и в то же время сложнее... В двух словах и не объяснишь...

— А если не в двух?.. Я понимаю, Николай Григорьевич, что вам не особенно приятно вспоминать те события. Но прошло уже более двадцати лет, а время, как известно, лечит подобные раны. Только поэтому я и осмеливаюсь спрашивать вас об этом. К тому же читатели «Огонька» хотят получить информацию из первых рук. Думаю, они имеют на это право...

— Что касается, как вы сказали, раны, то я не чувствовал ее ни тогда, ни позже. Ведь меня не снимали с работы. Я сам, по собственной инициативе подал заявление и был готов к любой другой работе. И сейчас лишний раз убеждаюсь, что поступил тогда правильно. Хотя это был очень крутой поворот в моей жизни. Поворот трудный. Ведь к тому времени я сложился как партийный работник, а мне пришлось перестраиваться на инженерно-административную работу. И вот в это время я по-настоящему оценил, как много дало мне МВТУ.

Но чтобы было понятно, как все произошло, нужно вернуться ко времени, когда Первым секретарем ЦК КПСС был еще Никита Сергеевич Хрущев, с которым мне пришлось некоторое время довольно плотно работать.

— Каково ваше мнение о нем?

— Никите Сергеевичу природа дала очень много. Однако беда его заключалась в том, что он не получил хорошего систематизированного образования. Именно поэтому некоторые сложные явления он понимал упрощенно. Но что характерно: как человек толковый, он быстро схватывал суть вопроса. К тому же ему помогал в работе его огромный житейский опыт.

Бесспорно то, что это был крупный партийный и государственный деятель. Однако до XXII съезда партии был один Хрущев, после XXII съезда это стал уже совсем другой человек. До XXII съезда (это конец 1961 года) с ним можно было обсуждать и решать вопросы. Он умел выслушивать собеседника. На съезде Никита Сергеевич получил очень хорошую поддержку абсолютного большинства делегатов. И, как мне кажется, сделал неправильные для себя выводы. Переоценил себя. Его будто подменили. Он возомнил, что все знает. Считал свое мнение непогрешимым... начал сосредоточивать всю полноту власти в своих руках.

— Но ведь главная поддержка Хрущеву была оказана партией все-таки летом 1957 года, когда группой Молотова, Маленкова, Кагановича он был даже снят с поста Первого секретаря ЦК партии...

— Они не имели права его снимать, так как не они его назначали, а Пленум ЦК КПСС. И то, что партия тогда возмутилась, осудила их, лишний раз показывало, что после XX съезда в наших рядах были совсем иные, чем прежде, настроения. Партия была на подъеме. В ее низовых организациях прошло острейшее обсуждение состояния внутрипартийных дел, наметился возврат к ленинским нормам партийной жизни. И когда группа Молотова, Маленкова, Кагановича и других попыталась опять все вернуть к сталинским временам и методам, партия не приняла такой поворот. Это было правильное решение, и Хрущева поддержали справедливо.

Став лидером, Никита Сергеевич сделал много полезного и интересного в развитии народного хозяйства страны. Например, содействовал внедрению в строительство железобетона, что позволяло перейти на индустриальные методы, в том числе в жилищном строительстве. Он дал толчок развитию космонавтики. Ему принадлежала идея освоения целины. Конечно, сегодня обо всем этом можно спорить: правильным было то или иное решение или нет. Совсем недавно многие инициативы Хрущева приписывались Брежневу. Но не об этом речь. Скажу только, что многие из начинаний тех лет стали этапом в развитии той или иной отрасли хозяйства, всей страны. Освоение целины было героической кампанией, которая, может быть, велась и не совсем так, как следовало, может быть, в ней было слишком много шума, но тогда мы накормили страну. Ведь во времена Хрущева практически не закупался хлеб за границей.

Критиковали его и за кукурузу. А ведь она и сейчас занимает прочное место в производстве зерна и особенно силоса. Ругают его за неказистые пятиэтажки. Но для того времени они были единственной возможностью дать мощный импульс разрешению острейшей жилищной проблемы.

Что было плохо у Хрущева — он был человеком крайних суждений. Если железобетон, то не нужны никакие другие строительные материалы, даже кирпич. Если кукуруза, то долой с полей овес, сеяные травы и прочие кормовые культуры. Если развивать химию, то за счет металлургии.

И в международных делах он повел себя не лучшим образом: осложнил отношения с КНР, США, разорвал их с Албанией, в известной степени подтолкнул гонку вооружений. А чего стоят все эти «кузькины матери», которыми мы стали стращать мир...

— Вы видите объективные причины такой метаморфозы личности Хрущева?

— На мой взгляд, все это случилось потому, что после XX съезда партии нам не удалось закрепить все достигнутое в борьбе с культом личности. Даже Хрущев, инициатор и лидер этой борьбы, продолжая нести на себе груз культа личности, сам в какой-то степени отошел от нее, клюнул на лесть, проявил слабость к высшим наградам. Путь к звездам Брежневу открыл своим примером Хрущев. Ведь у него их было четыре. Леонид Ильич довел их до пяти. К октябрю 1964 года волюнтаризм Хрущева стал тормозом нашего движения вперед.

— Что вы имеете в виду, если исходить из вашего личного опыта?

— Ну, скажем, идея ликвидации личных подсобных хозяйств в деревне. С нею он забежал вперед, посчитав, что вопросы производства продуктов питания уже решены полностью и можно переходить к более производительному труду в крупных хозяйствах и незачем заниматься мелкими, где велики затраты ручного труда, где продукция стоит дорого и так далее. И мы таким образом потеряли один из источников обеспечения страны мясом и молоком.

Или другой пример. В последние годы он очень осложнил отношения с Академией наук СССР. На одном из Пленумов ЦК КПСС, в 1964 году, он бросил даже реплику, что такая, мол, Академия наук нужна была царю, а нам она не нужна. Стоило большого труда уговорить М. В. Келдыша, в то время президента АН СССР, не подавать в отставку.

Никита Сергеевич пытался перевести на село Тимирязевскую академию, что, я думаю, было крайне неверным решением. Когда молодой человек приезжает учиться в Тимирязевку из деревни в Москву, то его воспитывает, учит не только вуз, но и сама столица, крупнейший культурный центр страны. Перевести академию куда-нибудь за четыреста — пятьсот верст от столицы значило лишить студентов всего этого. Да и профессура не поехала бы в село. Уж если говорить честно, то тогда практически все, кто имел отношение к решению этого вопроса, просто саботировали. И городская парторганизация сделала все, чтобы Тимирязевка осталась в Москве.

Потом, помните, эта чехарда с кадрами? Одни Никите Сергеевичу нравятся, другие не нравятся. Этих перемещали сюда, этих — туда. Или печально известные встречи Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией Москвы... Тогда нам, московскому руководству, пришлось выдержать сильное давление сверху, чтобы не допустить расправы с теми, кого Никита Сергеевич критиковал на этих встречах. Да, много было всего. Во всяком случае, после XXII съезда наш лидер сильно изменился в худшую сторону. И главная беда заключалась в том, что он не выдержал испытания властью, фактически стал отходить от коллективных методов руководства, не пресекал славословия, которое все безудержнее раздавалось в его адрес. Печать превратилась в вотчину Хрущева. Стало ясно, что набирает силу новый культ. Поэтому было вполне логично и обоснованно, что на октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК Хрущев был освобожден с поста Первого секретаря.

— В последнее время в нашей печати, и в «Огоньке» в частности, появилось несколько публикаций, где снятие Хрущева с его высоких постов расценивается как переворот, осуществленный группой Брежнева, переворот, который произошел не спонтанно, а готовился планомерно, довольно продолжительное время, причем роли каждого участника этого «заговора» (в воспоминаниях используется и такой термин) были заранее распределены, каждый знал, с кем он должен побеседовать, кого должен убедить голосовать на Пленуме против Хрущева...

— Да, я читал эти воспоминания... Что сказать? Дело вовсе не в «заговоре» против Хрущева, а в том, что он сам вел дело к своему освобождению, что ЦК, избранный на XXII съезде партии, нашел в себе силы освободить своего Первого секретаря, не дав возможности разрастись его ошибкам. Но, разумеется, Пленум надо было готовить, а это дело непростое, в известной мере опасное. Однако большинство членов ЦК были внутренне готовы к такому обсуждению, в чем я лично убедился, когда беседовал накануне Пленума с членами ЦК Келдышем, Елютиным, Кожевниковым, Костоусовым и некоторыми другими. Могу лишь добавить, что сам Брежнев в начале октября очень напугался, узнав о том, что Хрущев обладает какой-то информацией на этот счет, и никак не хотел возвращаться из ГДР, где находился во главе делегации Верховного Совета СССР.

— Вы помните, как это происходило?

— Конечно. В начале октября Никита Сергеевич уехал отдыхать в Пицунду, откуда перед заседанием Пленума его вызвали в Москву. На заседании Президиума ЦК ему откровенно сказали о допущенных им ошибках, сообщили, что вопрос о его освобождении будет вынесен на решение Пленума. Выслушав предъявленные претензии, Никита Сергеевич особенно и не пытался оспорить критику в свой адрес. Убедившись, что большинство присутствующих выступили против него, подал заявление об освобождении с поста Первого секретаря. К этому времени в Москву стали собираться члены ЦК. Четырнадцатого октября прошел Пленум, где Хрущева и освободили, как было сказано в постановлении, «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья».

Сам он на Пленуме присутствовал, но не выступал. Просто было зачитано его заявление, Суслов сделал доклад, и вопрос поставили на голосование...

— Кто-нибудь выступал еще?

— Нет, никто...

— Странно. Столько претензий накопилось к Хрущеву, и вдруг никто не захотел высказать их в открытую...

— Думаю, что такое желание было у многих. Я, например, был готов к выступлению. Но перед самым Пленумом мне позвонил Брежнев, который был в то время на положении второго секретаря ЦК, и сказал: «Мы тут посоветовались и думаем, что прения открывать не следует. Хрущев заявление подал. Что же мы его будем добивать? Лучше потом, на очередных Пленумах, обстоятельно обсудим все вопросы, а то, знаешь, сейчас первыми полезут на трибуну те, кого самих надо критиковать»...

— В каком смысле?

— Знаете, есть такая категория людей, которые уж очень «любят» начальство, а как только руководитель теряет пост, первыми начинают его втаптывать в грязь, выслуживаясь перед новым...

Помню, я спросил Брежнева: «А как другие считают?»

«Говорят, что можно обойтись без выступлений». «Ну хорошо,— согласился я.— Пусть будет так, однако, если потребуется, то я к выступлению готов». Тезисы выступления были при мне.

— Все-таки, Николай Григорьевич, получается какая-то неожиданная ситуация: снимается с поста лидер партии, возглавлявший ее в течение одиннадцати лет. К этому лидеру имеется много претензий за его субъективизм, волюнтаризм и так далее. И вдруг те, кто имеет возможность высказать эти претензии, решают промолчать. Я понимаю: критиковать уже свергнутого вождя, когда за свою критику ты не будешь подвергнут гонениям, не очень красиво. Китайцы говорят: не нужно быть героем, чтобы подергать за хвост мертвого тигра. Но ведь, критикуя Хрущева, можно было выступать не столько против самого Никиты Сергеевича, сколько против системы отношений, которая позволила расцвести его субъективизму, волюнтаризму, вела к новому культу.

— С этим трудно спорить. Но так вы рассуждаете через двадцать четыре года после октябрьского Пленума, когда уже известно, куда привели страну восемнадцать лет правления Брежнева, когда мы знаем о его провалах во внутренней и внешней политике, о коррупции и моральном падении ряда приближенных Леонида Ильича. А тогда, осенью 1964 года, мы искренне верили в порядочность Брежнева и близких к нему людей, в то, что, добиваясь освобождения Хрущева, эти люди руководствуются лишь высокими партийными интересами, желают добра партии и стране. Так думал и я. Теперь я понимаю, что был наивным, что Брежнев преследовал одну цель — занять место Хрущева. Но это стало ясно потом. И это дорого стоило партии и стране. Разумеется, каждый из нас, членов ЦК того времени, несет ответственность за такое развитие событий, которое привело к застою.

Теперь, по прошествии стольких лет, ясно и то, что Брежнев не зря был против выступлений на Пленуме. Во время прений под горячую руку могло быть высказано много такого, что потом связало бы ему руки. А у Леонида Ильича в голове, очевидно, уже тогда были другие планы.

— Наверное, Николай Григорьевич, вы снова скажете, что я подхожу к событиям того времени с сегодняшними мерками, но меня всегда удивляло, что тогда лидером партии был избран Брежнев. Ведь не было у него никаких особых заслуг или авторитета, чтобы быть избранным на такой высокий пост.

— Леонид Ильич — лидер? Он никогда не был лидером ни до, ни после октябрьского Пленума. Так уж сложилось, что, когда освобождали Хрущева, другой кандидатуры, достойной этого высокого поста, просто не оказалось. В узком кругу друзей я тогда говорил: Брежнев не потянет...

— А кто, на ваш взгляд, мог бы «потянуть»?

— Я называл Косыгина. Мне возразили: «Косыгин — администратор, хозяйственник, а не партийный деятель». «Зато,— говорю,— он один из самых старых членов в составе руководства партии, и у него, таким образом, большой опыт партийно-государственной работы».

Думаю, что в то время я был прав...

— Хорошо, Николай Григорьевич, вы высказывались в пользу Косыгина в кругу друзей. А разве нельзя было с этим предложением выступить прямо на Пленуме?

— Конечно, было можно. Но в то время я не очень хорошо знал Брежнева, и меня убедили, что он не слабее Косыгина. Кроме того, я исходил и из того положения, что главное не в том, будет ли Первым секретарем Косыгин или Брежнев, а в том, чтобы руководство ЦК строго придерживалось в своей работе ленинских принципов коллективного руководства. Кроме того, я убедился, что большинство членов ЦК, с кем мне пришлось общаться, выступало за Брежнева. Он ведь внешне старался быть очень обаятельным человеком. Многие до сих пор считают, что он был этаким добрячком, хотя на самом деле это было не так.

— Думаю, бывают случаи, когда для пользы дела следует идти наперекор большинству...

— Согласен, такие случаи бывают, но в тот кон-

Окончание на стр. 28.

ПАЛИТРА

ПАРАБОЛЫ ЖИЗНИ

Со времени предыдущей выставки московских скульпторов Владимира Лемпорта и Николая Силиса прошло... тридцать лет!

Что значит для художника тридцать лет ждать встречи со зрителем? Что он должен испытывать, когда не в переносном, а в буквальном смысле уничтожают его произведения? В 1965 году с фасада концертного зала Дома-музея П. И. Чайковского в Клину было срублено отбойным молотком огромное керамическое панно «Музыка» — удивительно пластичная, легкая, поистине музыкальная композиция Лемпорта и Силиса. Она не понравилась очередной комиссии как «не имеющая воспитательного значения».

Шли годы. Лемпорт и Силис работали. За это время ими сделано около тысячи скульптур, оформлено более двух десятков монументальных объектов, как, например, Библиотека имени Карла Маркса в Ашхабаде, Русский драматический театр в Уфе, гостиница «Турист» в Ростове-на-Дону, ряд научных институтов в Сибири, здания советского посольства в Нигерии и Греции. Сейчас скульпторы заканчивают макет оформления Московского института нефти и газа имени Губкина.

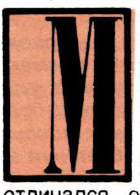
На первой выставке их было трое — Лемпорт, Сидур, Силис. (О работах Вадима Сидура «Огонек» рассказал в 1987 году, № 31.) На последней выставке, прошедшей недавно,— двое. И впервые за свое многолетнее творческое содружество Лемпорт и Силис предстали перед зрителем каждый в отдельности. Всех поразило, какие они разные! Не случайно экспозиция выставки была построена так, что располагающиеся в разных частях зала работы одного скульптора клином вторгались на территорию другого, и это словно скрепляло обоих авторов в единое целое.

Почему Лемпорт и Силис работают вместе? Когда встретились? Что думают они друг о друге и о собственном творчестве? Мы попросили рассказать об этом самих скульпторов.

Владимир Лемпорт (справа) и Николай Силис в своей мастерской.
Фото Виктора УСКОВА.

Владимир ЛЕМПОРТ:

«МОЙ ЧАС, КОГДА Я РАБОТАЮ...»



Мне теперь трудно представить себя осенью 1945 года, когда мы встретились с Николаем Силисом в Строгановском училище. Кажется, я был худ, безбород, в потрепанной офицерской шинели, прихрамывал, опираясь на палку, и старался спрятать в карман не совсем послушную после ранения руку. Я мало отличался от других фронтовиков, поступающих в МВХПУ. Вадим Сидур тоже ходил в офицерской шинели, жидкая бородка еще не прикрывала на его лице отсутствие половины челюсти, а вот Николай Силис был белозуб и трогательно юн, почти подросток. Но и он получил от войны свое, в блокадном Ленинграде. У большинства из нас не было ни жилья, ни обуви, ни хлеба... Поступил Силис на отделение мастеров по камню, но вскоре благодаря своим успехам был переведен на основной курс.

Из жизни того времени, хочешь не хочешь, вспоминается наш первый учитель — Георгий Иванович Мотовилов, заведующий кафедрой скульптуры.

Ему было лет 56, высокого роста, похож на Микеланджело, но без перелома носа. Ходил он в рваном вигоневом свитере, стоптанных бурках. В училище он ворвался, как свежий ветер: «Долой строгановский лепщицкий стиль, Сандуновские бани и все такое прочее. Будем заниматься настоящим монументальным искусством! Скульптура — это не ползание по поверхности, а сложный процесс вхождения одного объема в другой. Бурдель говорил: «Если хотите оживить глиняную скульптуру, то ударьте ее кулаком в живот...»

В 1947 году «особые люди» стали изыскивать в нашем мирном МВХПУ космополитов, то есть врагов народа и советского искусства. Как в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту», механический пес нюхал, нюхал и указал на Георгия Ивановича Мотовилова. Мы понимали, что ему грозит увольнение или даже арест. Небольшая группа энтузиастов, в том числе и мы с Силисом, бросилась на защиту. Побежали к некоему Земскову, готовящему общеучилищное собрание, где космополиты должны были публично каяться и разрывать свои одежды. Мы вопрошали: «Почему Мотовилов — космополит?» Земсков отвечал весьма оригинально: «А где у него звание? Награды? Нет? Значит — космополит. Пусть кается, пусть себя публично покритикует, и мы, может быть, оставим его в училище, но не зав. кафедрой, естественно».

Георгий Иванович, когда мы (позор!), волнуясь за него, посоветовали хоть немного покритиковать себя для проформы, твердо ответил: «Мне не в чем каяться!»

Отстояли мы Мотовилова, но для него самого то подлое время не прошло бесследно. Однажды мы увидели у Мотовилова медаль лауреата Сталинской премии. Вучетич с группой скульпторов, среди которых был и наш Мотовилов, сделали барельеф — к Сталину стекаются несметные толпы ликующего народа.

С тех пор Георгий Иванович перестал ходить в своем вигоневом свитере. На улице его можно было встретить в габардиновом пальто и сером берете. Вскоре ему присвоили звание профессора. Земсков уже не пытался нападать на него, но от нас Мотовилов словно отгородился. И все-таки теперь я скажу — заслуги Мотовилова остаются незыблемыми для всех строгановцев первого послевоенного выпуска. Он приучил нас работать, не считаясь со временем. Заложил основу монументальности. Он раскрыл принципы рельефа и приемы декоративности, отучил от аллегорических композиций, от пошлой виньеточности и слащавости. Его поведение в тот трудный год показало нам, что такое настоящий русский интеллигент. Почти забытый сейчас, он был личностью яркой. Его собственные работы знают, наверное, немногие. Но москвичи моего поколения помнят, что дом на улице Горького, где мастерская скульптора Коненкова и магазин «Армения», венчался огромной фигурой балерины. Ее автор — Мотовилов. Архитектурно скульптура была вполне на месте, и, когда ее убрали, стало много хуже. А сняли ее из-за чьей-то стыдливости: вдруг Пушкин (он тогда стоял на Тверском бульваре) поднимет голову, что он там увидит?

Фигуру балерины разрушили, хотя она простояла без всякого вреда для Пушкина и нашей морали десятка два лет. Так же поступили и с другой работой Мотовилова на ВДНХ. Защитить свои произведения скульптор не мог, к тому времени он уже умер...

Что еще вспомнить из жизни училища? 1949 год. Однажды нас в общежитии разбудили по тревоге и отправили на разгрузку и выгрузку скульптур. Это были не Венеры и Аполлоны, а фигуры и бюсты, изображающие товарища Сталина,— подарки МВХПУ в честь семидесятилетия вождя. Венер и Аполлонов спустили в подвалы, а в залах музея разместили подарки. В это же время закрыли музей скульптора Голубкиной. Еще раньше — Нового западного искусства. Словом, учиться и развиваться стало не по чему. Заказов у нас с Димой Сидуром и Колей Силисом тоже, естественно, не было.

За время учебы мы испробовали работу «на хозяина», имеющего заказ, но не обладающего способностями, мастерством и просто трудолюбием. Это был «негритянский» труд.

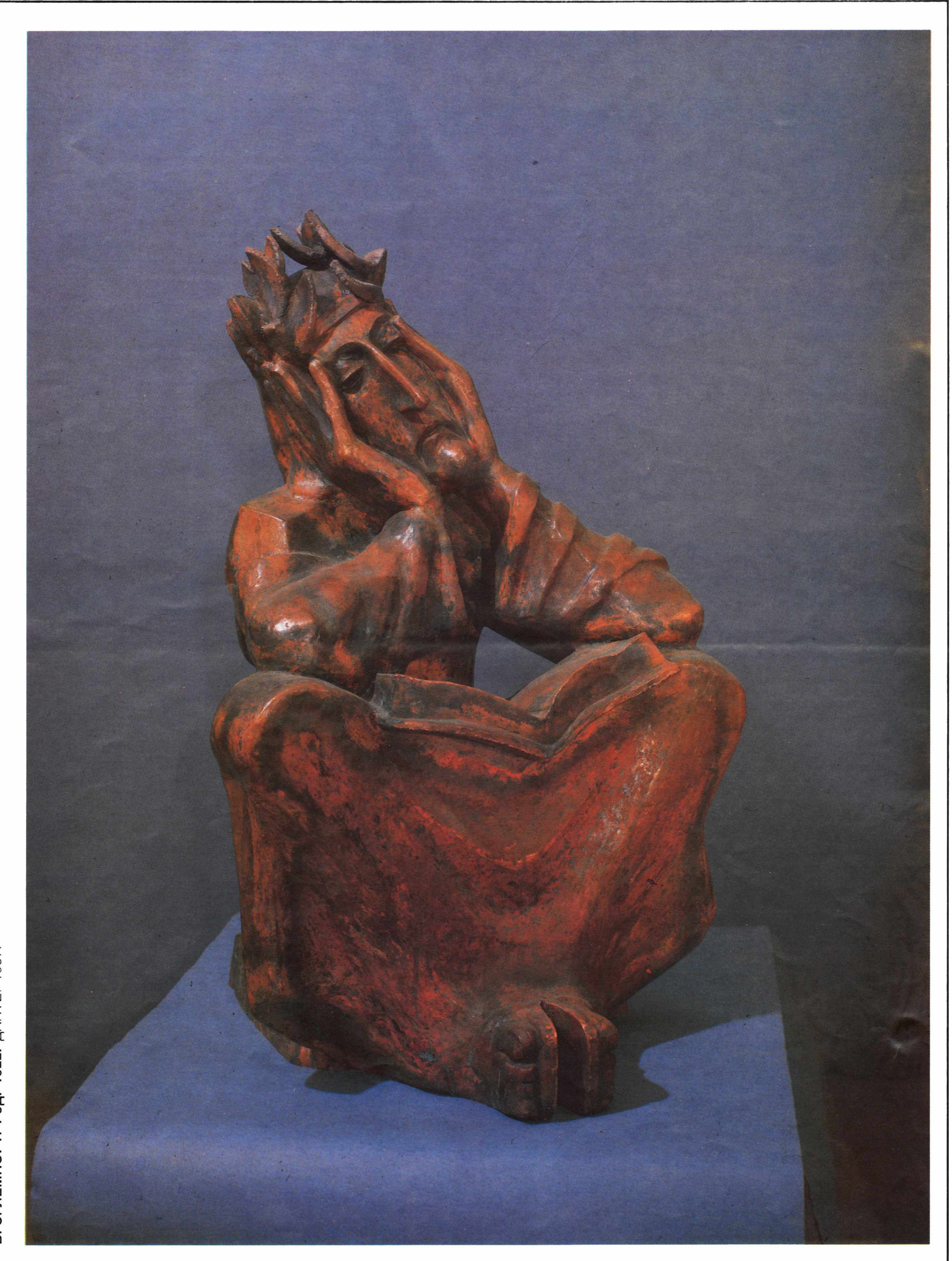
В 1950 году, в год моего окончания училища, мы вместе с Сидуром и Силисом и еще несколькими художниками направили письмо в «Советскую культуру» — «О молодых кадрах и старых порядках», где описали бедственное положение выпускников художественных вузов, а в 1954-м, все еще надеясь на изменения, статью в «Литературку» о том, как молодые художники используются в качестве дешевой рабочей силы маститыми скульпторами, в частности, мы критиковали академика Томского. Статьи напечатали, но наш дальнейший путь, как и следовало предполагать, не был усыпан розами.

1962 год. К 30-летию МОСХа в Манеже открылась нашумевшая выставка. Да, та самая. Впервые за долгие времена увидели свет работы замечательных художников — Кузнецова, Лентулова, Штеренберга, Осмеркина, Фалька, Кончаловского. Среди работ молодых художников были приняты и наши с Сидуром и Силисом скульптуры, чем мы страшно гордились.

Дальнейшее известно: президент Академии художеств Владимир Александрович Серов привез в Манеж Никиту Сергеевича Хрущева и дал ему соответствующие пояснения о выставленных художниках. Никитой Сергеевичем было грозно сказано о Кузнецове, Фальке и прочих — «мазня», а уж о молодых скульпторах...

Естественно, сразу же прореагировала пресса. «Отказ от полноты цвета, от выразительности формы во имя подчеркивания убогости человеческого естества, ограниченности его духовного мира, тоскливой никчемности существования» — так оценил, например, нашего гранитного Назыма Хикмета Юр. Нехорошев в «Комсомольской правде». Ему вторил Борис Едунов в журнале «Молодая гвардия»: «По-моему, на этом скользком пути рождается только примитив, а подчас и окарикатуривание светлых образов, как это мы видели на выставке МОСХа в портретах Хемингуэя и Ромена Роллана работы Лемпорта, Силиса, Сидура».

Но это так, к слову, потому что на своем «скользком пути» мы потрудились немало. И тем счастливы. У подавляющего большинства художников все — на продажу. У нас получилось — впрок, на полку, для себя. А работы, свободные от заказчика, от контролирующих органов, выглядят по-другому. Есть у меня свои Данте и Микеланджело, Бах и Чайковский, Пушкин, Хемингуэй и Пастернак, Петр I, Эйнштейн, Бор, Ландау, Курчатов, Королев... Хотя, скажу честно, заказ необходим и в творческом плане. Он окрыляет, дает зрителя, который так необходим художнику.



В. С. ЛЕМПОРТ. Род. 1922. ДАНТЕ. 1987.

О ДРУГЕ И НЕМНОГО О СЕБЕ

Николай СИЛИС

Убежден: понять себя можно только через другого. Другого скульптора, художника, человека. У нас с Володей Лемпортом этот «другой» вечно перед глазами. В лице «другого» мы постоянно имеем строгого, даже жесткого оппонента. И в то же время у нас нет арбитра, за которым бы осталось последнее слово. Мы — антиподы по всем параметрам. И, наверное, поэтому не давим друг на друга. Только в совместных монументальных работах позволяем себе пересекаться.

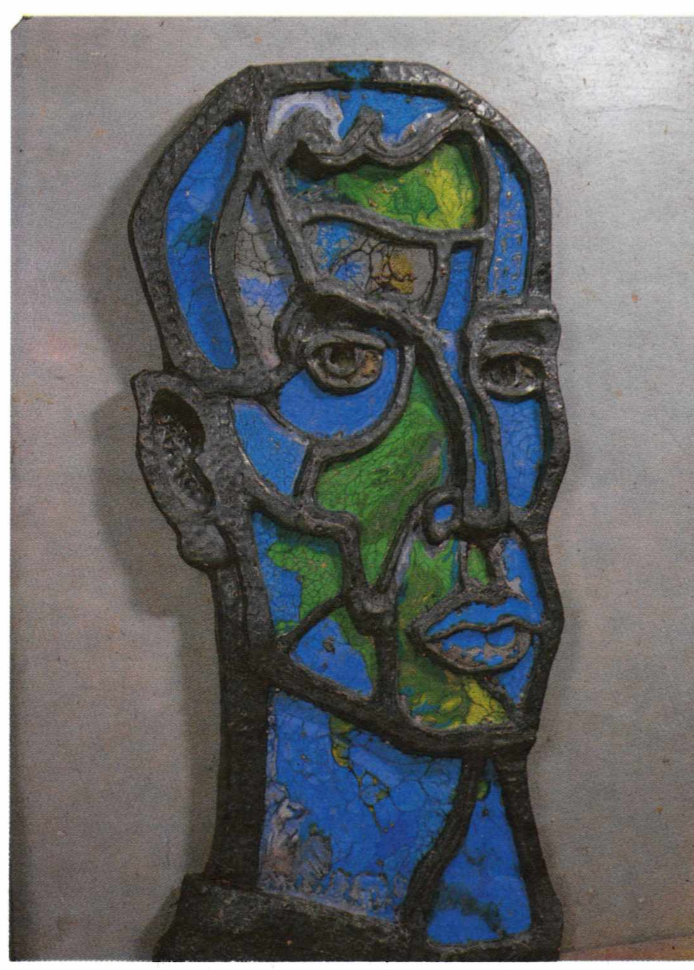
В мастерской постоянно происходит активное общение, обкатка идей, новостей, положений, ошибок. И результаты такого активного совместного общения становятся достоянием каждого из нас.

У нас нет комплекса одиночества, характерного для жизни многих художников. Мы веселы, бодры и немного сердиты. В основном друг на друга.

О Володе Лемпорте я знаю все и ничего. Его действия и поступки подчас непредсказуемы. Именно этим он приводит меня в изумление. Он и сам не всегда знает, что совершит в ближайшую минуту, может быть, поэтому немножко себя побаивается. И удивляется своему поступку не меньше, чем свидетель. Спонтанность — одна из главных черт его характера и творчества. Он все делает мгновенно. А совершив деяние, впадает как бы в дремоту, с тем чтобы через какой-то промежуток времени опять выдать импульсную разрядку.

Скульптуру Лемпорт делает быстро. Почти мгновенно. Если это портрет, то можно только удивляться, каким образом ему удается в считанные минуты сделать столько движений, чтобы из-под его рук вышло абсолютно законченное произведение. И не просто законченное, а прекрасное по своим художе-

Продолжение на 4 вкладке.



В. С. ЛЕМПОРТ.
БОРИС ПАСТЕРНАК. 1962.

Но нам с Николаем Силисом архитекторы всегда протягивали руку помощи, не забывая, что мы скульпторы-монументалисты. И в разных городах есть у нас площади, здания, залы, где остаются наши барельефы, скульптуры, фризы, керамика. И надеюсь, еще будут.

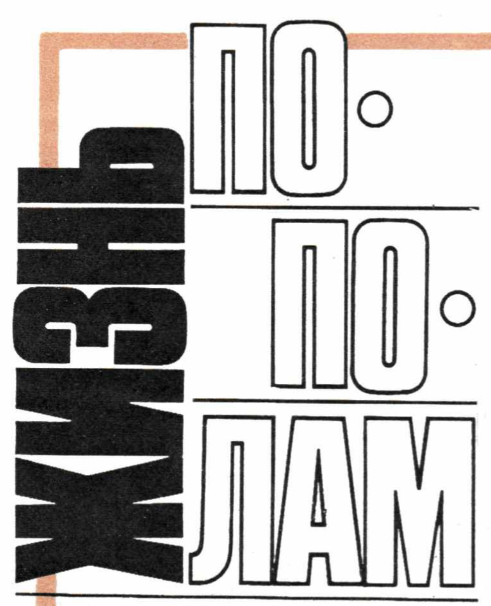
Конечно, мы с Силисом — очень разные. Он идет от общей формы, от движения, абстрагируясь и отталкиваясь от реальной натуры, стремясь как бы к символу. Я — от силуэта, от детали, через проникновение в сущность модели (а это почти всегда человек с его страстями, величием мысли, духа, философией) — фактически стремлюсь к тому же. Мы понимаем друг друга не только потому, что наши характеры совместимы, но главным образом потому, что переводчиком для нас служит искусство.

В начале нашего совместного пути меня очень волновало, обретет ли Коля Силис свою творческую самостоятельность. Он моложе нас с Сидуром и в Строгановку пришел не после десятилетки и войны, как мы, а с незаконченным средним. Однажды так случилось, что мы с Сидуром одновременно уехали из Москвы месяца на полтора. Было это году в 1960-м. А вернувшись в мастерскую, остолбенели: посреди мастерской под самый потолок стояла полированная деревянная статуя, а рядом Силис с белозубой от уха до уха улыбкой. Скульптура была не похожа ни на одну из нами виденных. Женский торс изогнут, как лук, руки сцеплены в кольцо, голова отсутствовала, но она в этом торсе как-то и не требовалась, угадывалась. Самое главное, это было скульптурой, ведь в сталинский период преобладала политическая иконография, причесанная, приглаженная, отрицающая все характерное. Нам стало ясно: перед нами настоящий скульптор. И, пожалуй, в основу всех его работ вошла пластика той женской фигуры 1960 года, певучих линий и огромного внутреннего напряжения.

Будучи отменным мастером в резьбе, Силис сотворил множество деревянных скульптур. Он очень целен и ревниво держится своих выработанных принципов. Поэтому так узнаваем. Правда, иногда мне даже хочется сказать: «Оставь женскую фигуру, попробуй свои способности в мужской». Но я себя останавливаю: лучше не советовать, зачем сбивать художника с его тропы? «Не повреди». А Силис как бы в ответ на мои мысли делает несколько фигур Дон Кихота, уже в металле. Линии у этих скульптур остались протяжными и певучими.

К своему Дон Кихоту он шел давно. Через огромное количество рисунков, иллюстраций к роману, через фигуры в глине и гипсе. Рыцарь Печального Образа все более завладевал его вниманием, становился философией. И, наконец, появился этот Дон Кихот с цветком, почти трехметровый, в металле...

Н. А. СИЛИС. Род. 1928.
ПОДРУГИ. 1987.



Предлагаем вашему вниманию подборку стихов Юрия Кублановского, присланную в редакцию автором. Написать о поэте, недостаточно хорошо известном советским читателям, мы попросили Андрея Вознесенского.

В годы безвременья я написал стихи «Люмпен-интеллигенция», посвященные родившемуся тогда племени университетских выпускников, философов, писателей, которые вдруг пошли в дворники, истопники, лифтеры. Это ограждало от милиции и освобождало от духовного приспособленчества на службе в офисах. Это было молчаливым протестом и отходом от системы. Особо ценилась вакансия ночного сторожа.

Когда читаешь стихи Юрия Кублановского, вспоминается ломкий голос школьника, звонившего из приволжского городка, присылавшего письма со стихами. Потом он приехал сам — долговязый, смущенный, завороженный несвойственным ему авангардизмом. Его матушка, местный партработник, найдя мой телефон, панически умоляла не губить ее сына.

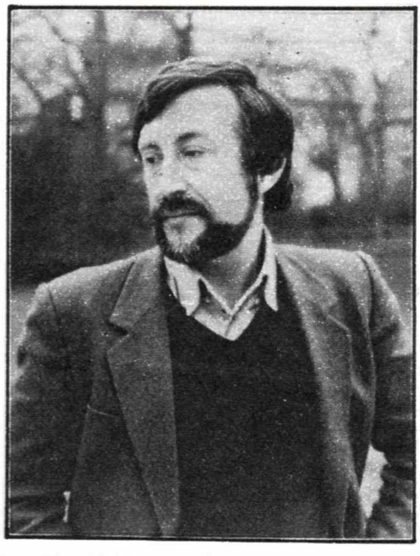
Но юноша уже не принадлежал ни ей, ни мне, ни Рыбинску — им завладела поэзия. Я лишь помог ему с институтом. Окончив, он пошел скитаться по стране, был церковным сторожем, дворником зоопарка. Я написал о нем:

Сторож Московского зоопарка
пишет рифмованные стихи.
Но верблюдам ближе верлибр.

Увы, стихи его не пришлись по вкусу нашей периодике, хотя вроде бы в них и не ночевала политика. Серьезная подборка Кублановского появилась в «Метрополе».

В отличие от своих сверстников, скажем, Алексея Парщикова, у которого уже в первых юношеских опытах, присланных на бумаге в клеточку, можно было угадать будущую манеру, Юрий Кублановский трудно и долго искал свою тропу и обрел ее в традиционной стилистике, напоминающей в лучших его стихах, не отягощенных чуждым влиянием, отечественную живопись конца века,— психологическим пейзажем, точным эпитетом и скорбной гаммой. Ныне Юрий Кублановский, наряду с Алексеем Цветковым, Василием Бетаки, Инной Богачинской, видится значимой поэтической фигурой русского зарубежья. Живет он, кочуя по городам старой Европы.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ



Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

* * *

Дай мне еще раз взглянуть
на тебя —
пахоту белит зима запоздалая,
в хилых занозы стожках теребя,
Псковщина нищая, глушь одичалая,
где с шепелявым ваньком разговор
от бормотухи вдогонку и груб еще
и благолепные главы Печор,
словно заплаты от ризы на рубище.
Здесь я паломничал месяц юнцом
и литургий до конца не отстаивал,
с длинными космами, гладким лицом
от безобразной столицы оттаивал.
Или не петрил тогда ни аза,
или просить не умел, как положено,
только морщины легли под глаза,
мысли беспамятны, сердце
встревожено.
И прикипело — идти за черту,
наскоро шитую белыми нитками,
чтобы на вольных хлебах — в немоту
впасть, наконец, обрастая
пожитками.
Дай я еще покружу над тобой,
пахота мерзлая с горькой
оскоминой,
ветер пронзительный, воздух
рябой...—
вороном вспеpенным в клюве
с соломиной.

1980

ЦИРК

Клоун ногой загребает опилки,
чем вызывает смешки и ухмылки.
Канатоходец идет бечевой,
крепко от жизни устав кочевой.
В ветхом брезенте залатана дырка —
вот атрибуты проезжего цирка.
Я его в детстве с отцом посещал.
Цирк переехал, а я обнищал.

В пятидесятые жалкие годы
он нам показывал фокус свободы.
Рядом топорщились брючины-клеш
и прикрывающий их макинтош.
Только теперь понимаю глубоко,
как было сиро тогда и убого:
публика, купол, брезентовый гул...
Я свою жизнь пополам перегнул.

1969

* * *

Подумать, сколько было вложено
сердечной силы, скорби впрок!
Погребено и обезбожено,
и не пускаем на порог.

А сколько слов в слезах повторено
и в каждом взгляде и черте!
Все позабыто, проворонено,
осталось неизвестно где.

...А для чего сугробы таяли,
в пшенице сохли васильки,
цепные псы на даче лаяли,
о стекла бились мотыльки?

Тогда среди сияний выспренних
еще не открывалось нам,
что много званых, мало избранных
и приуроченных к мирам.

И растекаясь вместе с реками,
и забираясь на холмы,
и с солью радужной под веками...
Да разве думали, кумекали,
что всех недолговечней — мы?

1976

УТРО

В букетик цветного горошка
залез горожанин-комар.
Предутренний холод в окошко
вползает, как радужный шар...

Еще запеленуто тело
и вещи не ожили. Что ж
уже перед зеркалом села
и панцирный гребень берешь?

Кровавишь поджатые губы,
кладешь на глаза изумруд,
и шпильки, зажатые в зубы,
свирепость лицу придают.

Волшбой, самодержица, правишь!
Гнетешь дотлевающим сном.
Все давишь мне на душу, давишь
в светающем доме пустом.

1972

СКОРО

Я не знаю, кем, но ты любима...
И. А.

I

Подмосковной ромашки отважной
по-античному жертвенна стать,
но на каждой, на каждой, на каждой
почему-то нам страшно гадать.
Верно, беден приход — позолотца
понемногу ссыпалась в казну
с лягушиным концертом болотца.
И спешит, помолившись, ко сну
облаков позолотчик и резчик...
Или ты боязлива к судьбе,
или я, от другой перебежчик
в никуда — но сначала к тебе.

II

На признаки Родины скуп я:
лишь тень у родного лица,
сосны лягушиные струпья,
молочных ростков кислотца.
И, что бы ни наобещала
душа в медовеющий мрак,
я знаю, что тоже устала,
и видит, и верует так.
Певуче, нетвердо, греховно
в ней все отвечало, любя.
Но скоро бесследно и ровно
она поглядит на тебя.

1981

АПРЕЛЬ-79

Евг. Попову

Пространства России весною похожи
на свалку
на тлеющем ворсе холмов
бархатисто-облезлых.
Грачи с вороньем, сатанея,
ведут перепалку.
И мертвые твари лежат у полотен
железных,

как будто закланные ветхим
суровым законом
за русскую зиму — к седмице
Страстной, но бесстрастной:
ни ночью, ни утром не слышно
пасхального звона.
Лишь ветер ворует окурок у девицы
красной,

в чьей зябкой головке недавнее
грехопаденье
едва заживляет надежда на встречу
кого-то,
кто б, кроме достатка, и нежность
имел, и терпенье.
Апрельского леса еще холодна
позолота.

...И мнится, что осенью снова
просить у Канады
удачливый хлеб — за колымский
червонец, вестимо,
раз мерзлой земле и теперь
не хватает лопаты.
— Приходится ломом,— пенял
на погосте детина.

Крупица любви прободала болящую
душу.
И в горле першит от Отечества
сладкого дыма...
Схватить бы за горло продавшего
совесть чинушу
и спрятаться в поезд — идущий
до нежного Крыма!

1979

* * *

Сын, мужавший — за семью замками
от моих речей,
все равно когда-нибудь глазами,
честный книгочей,
пробежишь хоть по диагонали
эти горбыли —
жидкие парижские скрижали
бати на мели,

писанные точно бороною,
шедшей под углом,
кто там вспомнит — под какой
звездою,
за каким столом...

Но когда полакомит пороша
горку и межу,
высохшее сердце потревожа,—
землю, где лежу,
и упруго в крест ударит ветер,
я пойму, что так
ты впервой увидел и приветил
мой словесный знак.
Словно ветка выделила иней
из себя самой.
Потому, чем дольше — тем чужбинней
праху под сырой.

13.X.83

* * *

Ростовщичьи кленовые грабки
зажимают парижскую мглу.
И навряд ли доходны и зябки
сны взломхмаченных астр на углу...
Ночью в лаковом логове чарку
исчерпав на глубоком хлебке,
наконец подношу зажигалку
настоящую — к сонной строке

и сквозь желтое марево вижу,
как ершится неоновый еж.
И люблю и вдвойне ненавижу
неродной европейский грабеж.
И кофейная мгла полотенца
неизменно сливается с той,
с коей вы Робеспьера-младенца
и убийцу везли на убой.

...Как не вспомнить родную берлогу,
где давно начала плесневеть
на тиране, закутанном в тогу,
бессловесная русская медь.
Чем глядеть, как убойной десницей
указует он жертву орлам,
лучше б впрямь хитроумной лисицей
обернуться в курятнике нам.

17.X.83

* * *

Где каштаны неохватны в струпьях,
век толки — а все не раздробишь
твой орешек в европейской ступе,
с козырьками красными Париж!

...Далеко за псковским буераком
в непроглядный долгий снегопад
я из тех — кто, помнится, оплакал
каждый камень в кладке баррикад

и беспечный завтрак на лужайке,
но теперь по праву голытьбы
сам примкнул к неблаговидной стайке
отлученных от твоей судьбы,

лишь чуток помешкав возле стойки,
как последний честный графоман,
порешивший с дружеской попойки
не вернуться, вывернул карман.

15.X.83

В прежние времена у каждого писателя, помимо литературы, непременно была еще и другая профессия. Шекспир был актером, Гете — министром, Тютчев — дипломатом, Чехов — врачом.

Евгений Замятин был инженером-кораблестроителем. Весной 1916 года он был командирован в Англию, на завод в Нью-Кастле, где строились ледоколы для России. При его ближайшем участии были построены ледоколы «Святой Александр Невский» и «Святогор» (после революции они стали называться «Ленин» и «Красин»).

Много лет спустя, уже давно распростившись со своей первой профессией, Замятин с нежностью вспомнил о ней в блистательном коротком очерке, который назывался «О моих женах, о ледоколах и о России». Заканчивался этот очерк так:

«Русскому человеку нужны были, должно быть, особенно крепкие ребра и особенно толстая кожа, чтобы не быть раздавленным тяжестью того небывалого груза, который история бросила на его плечи. И особенно крепкие ребра — «шпангоуты», особенно толстая стальная кожа, двойные борта, двойное дно — нужны ледоколу, чтобы не быть раздавленным сжавшими его в своих тисках ледяными полями... Как Иванушка-дурачок в русских сказках, ледокол только притворяется неуклюжим, а если вы вытащите его из воды, если вы посмотрите на него в доке — вы увидите, что очертания его сильного тела круглее, женственнее, чем у многих других кораблей. В поперечном разрезе ледокол похож на яйцо — и раздавить его так же невозможно, как яйцо рукой. Он переносит такие удары, он целым и только чуть помятым выходит из таких переделок, какие пустили бы ко дну всякий другой, более красиво одетый, более европейский корабль».

Эта метафора в полной мере может быть отнесена к самому Замятину — и к личному, и к художественному его опыту.

Ему тоже пришлось вынести немало мощных ударов. И он тоже целым, разве лишь чуть помятым, не раз выходил из таких переделок, какие и не снились его европейским коллегам.

Совсем еще молодым человеком, едва успев закончить кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института, он окунулся в революционное движение, был активным участником революции 1905 года, членом РСДРП(б), подвергался репрессиям.

В 1914 году в мартовской книжке журнала «Заветы» появилась повесть Замятина «На куличках», в которой между прочими персонажами был выведен некий генерал Азанчеев, ворующий трехрублевки из солдатской казны и тратящий наворованные деньги на чудовищное обжорство. За «клевету на офицерство» Замятин был предан суду, а номер журнала, в котором появилась повесть, был конфискован.

В 1920 году Замятин написал (и напечатал) свою пророческую статью о грядущей судьбе русской литературы «Я боюсь». «Я боюсь,— писал он в ней,— что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова». Статья вызвала бурю «общественного» негодования. Журнал «Дом Искусств», в 1-м номере которого появилась эта статья, был закрыт.

В том же году Замятин написал свой знаменитый роман «Мы» (был опубликован в Англии в 1924 году). Переведенный на все европейские языки, он породил целую плеяду последователей и положил начало созданию жанра «антиутопии» в мировой литературе XX века. («Прекрасный новый мир» О. Хаксли, «1984-й» Дж. Оруэлла). Роман «Мы» сейчас у нас опубликован. Но еще сравнительно недавно в «Краткой литературной энциклопедии» он квалифицировался как «злобный памфлет на Советское государство». В той же энциклопедии говорилось, что в своих рассказах и повестях 20-х годов Замятин изображал события гражданской войны и эпохи военного коммунизма «с антисоветских позиций».

Журнально-газетная травля Замятина, начавшаяся в 1920 году, в последующие годы все нарастала. Книги его были запрещены к выдаче из библиотек. Его пьеса «Блоха», с неизменным успехом шедшая на сцене МХАТа 2-го, была снята с репертуара. Даже его комментарий и предисловие к комедии Шеридана «Школа злословия» были запрещены. Самое имя его стало неупоминаемым.

В июне 1931 года, доведенный до отчаяния, Замятин обратился с письмом к Сталину, в котором просил разрешить ему выехать за границу. Благодаря заступничеству Горького просьба эта была удовлетворена.

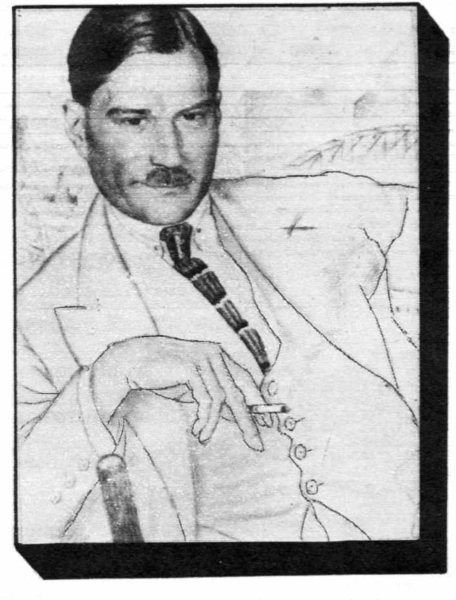
Прочитав рассказ «Наводнение», который мы предлагаем вашему вниманию, вы убедитесь, что проза Замятина, как и описанный им ледокол, «только притворяется неуклюжей».

Рассказ печатается по изданию 1929 года («Земля и Фабрика», Ленинград), любезно предоставленному редакции З. Богуславской.

Евгений ЗАМЯТИН

НАВ

РАССКАЗ



1.

Кругом Васильевского Острова далеким морем лежал мир: там была война, потом революция. А в котельной у Трофима Иваныча котел гудел все так же, манометр показывал все те же девять атмосфер. Только уголь пошел другой: был кардифф, теперь — донецкий. Этот крошился, черная пыль залезала всюду, ее было не отмыть ничем. Вот будто эта же черная пыль неприметно обволокла все и дома. Так, снаружи, ничего не изменилось. По-прежнему жили вдвоем, без детей. Софья, хоть было ей уже под сорок, была все так же легка, строга всем телом, как птица, ее будто для всех навсегда сжатые губы по-прежнему раскрывались Трофиму Иванычу ночью — и все-таки было не то. Что «не то», было еще не ясно, еще не отвердело в словах. Словами это в первый раз сказалось только позже, осенью, и Софья запомнила: это было ночью в субботу, был ветер, вода в Неве поднималась.

Днем на котле у Трофима Иваныча лопнула водомерная трубка, нужно было пойти и взять запасную на складе при механической. В мастерской Трофим Иваныч не был уже давно. Когда он вошел, ему показалось: не туда попал. Раньше здесь все шевелилось, позванивало, жужжало, пело, будто ветер играл стальными листьями в стальном лесу. Теперь в этом лесу была осень, ремни трансмиссии хлопали вхолостую, сонно ворочались только три-четыре станка, однообразно вскрикивала какая-то шайба. Трофиму Иванычу стало нехорошо, как бывает, если стоишь над пустой, неизвестно для чего вырытой ямой. Он поскорее ушел к себе в котельную.

К вечеру вернулся домой — все еще было нехорошо. Пообедал, лег отдохнуть. Когда встал, все уже прошло, позабылось, и только вроде видел какой-то сон или потерял ключ, а какой сон, от чего ключ — никак не вспомнить. Вспомнил только ночью.

Всю ночь со взморья ветер бил прямо в окно, стекла звенели, вода в Неве поднималась. И, будто связанная с Невой подземными жилами, подымалась кровь. Софья не спала. Трофим Иваныч в темноте нашел рукою ее колени, долго был вместе с нею. И опять было не то, была какая-то яма.

Он лежал, стекло от ветра позвякивало однообразно. Вдруг вспомнилось: шайба, мастерская, хлопающий вхолостую ремень... «Оно самое»,— вслух сказал Трофим Иваныч. «Что?» — спросила Софья. «Детей не рожаешь, вот что». И Софья тоже поняла: да, оно самое. И поняла: если не будет ребенка, Трофим Иваныч уйдет из нее, незаметно вытечет из нее весь по каплям, как вода из рассохшейся бочки. Эта бочка стояла у них в сенях за дверью. Трофим Иваныч уже давно собирался перебить на ней обручи, и все было некогда.

Ночью — должно быть, уже под утро, дверь раскрылась, с размаху грохнула в бочку, Софья выбежала на улицу. Она знала, что конец, что назад уже нельзя. Громко, навзрыд плача, она побежала к Смоленскому полю, там в темноте кто-то зажигал спички. Она споткнулась, упала — руками прямо в мокрое. Стало светло, она увидела, что руки у нее в крови.

«Ты чего кричишь?» — спросил ее Трофим Иваныч. Софья проснулась. Кровь была и в самом деле, но это была ее обыкновенная женская кровь.

Раньше это были просто дни, когда ходить было неудобно, ногам холодно, неопрятно. Теперь как будто ее каждый месяц судили, и она ждала приговора. Когда приближался срок, она не спала, она боялась — и хотела, чтобы поскорее: а вдруг на этот раз не будет — вдруг окажется, что она... Но ничего не оказывалось, внутри была яма, пусто. Несколько раз она заметила: когда она, стыдясь, шепотом ночью окликала Трофима Иваныча, чтобы он повернулся к ней,— он притворялся, что спит. И тогда Софье опять снилось, что она одна, в темноте, бежит к Смоленскому полю, она кричала вслух, а утром губы у нее были сжаты еще плотнее.

Днем солнце, не переставая, птичьими кругами носилось над землей. Земля лежала голая. В сумерках все Смоленское поле дымилось паром, как разгоряченная лошадь. Стены в один какой-то апрельский день стали очень тонкими — было отчетливо слышно, как ребята во дворе кричали: «Лови ее! Лови!» Софья знала, что «ее» — это значит столярову девочку Ганьку; столяр жил над ними, он лежал больной, должно быть, в тифу.

Софья спустилась вниз, во двор. Прямо на нее, закинув голову, неслась Ганька, за нею четверо соседских мальчишек. Когда Ганька увидела Софью, она на бегу что-то сказала назад, мальчишкам, и одна, степенно подошла к Софье. От Ганьки несло жаром, она часто дышала, было видно, как шевелилась верхняя губа с маленькой черной родинкой. «Сколько ей? Двенадцать, тринадцать...» — подумала Софья. Это было как раз столько, сколько Софья была замужем, Ганька могла бы быть ее дочерью. Но она была чужая, она была украдена у нее, у Софьи...

Внезапно в животе что-то сжалось, поднялось вверх к сердцу, Софье стало ненавистно то, чем пахла Ганька, и эта ее чуть шевелящаяся губа с черной родинкой. «К папке докторша приехала, он в бессознании»,— сказала Ганька. Софья увидела, как губы у Ганьки задрожали, она нагнулась и, должно быть, глотала слезы. И тотчас же Софье сделалось больно от стыда и жалости. Она взяла Ганькину голову и прижала к себе. Ганька всхлипнула, вырвалась и побежала в темный угол двора, за нею шмыгнули туда мальчишки.

С засевшей где-то, как конец сломанной иглы, болью Софья вошла к столяру. Направо от двери, у рукомойника докторша мыла руки. Она была груда-

стая, курносая, в пенсне. «Ну, как он?» — спросила Софья. «До завтра дотянет,— весело сказала докторша.— А там работы нам с вами прибавится».— «Работы... Какой?» — «Какой! Одним человеком будет меньше, нам лишних детей рожать. У вас сколько? — Пуговица на груди у докторши была расстегнута; она попробовала застегнуть, не сходилось — она засмеялась. «У меня... нету»,— не скоро сказала Софья, ей было трудно разжать губы.

Столяр на другой день умер. Он был вдовый, у него никого не было. Пришли какие-то соседки, стояли у дверей и шептались, потом одна, укрытая теплым платком, сказала: «Ну, что ж, милые, так стоять-то?» — и стала снимать платок, держа булавку в зубах. Ганька сидела на своей кровати молча, согнувшись, ноги тонкие, жалкие, босые. На коленях у нее лежал нетронутый кусок черного хлеба.

Софья спустилась к себе вниз, нужно было сделать что-то к обеду,— скоро придет Трофим Иваныч. Когда она все приготовила и стала накрывать на стол, небо было уже вечернее, непрочное, и его проколола одинокая, тоскливая звезда. Вверху хлопали дверью: должно быть, там соседки уже все кончили и уходили домой, а Ганька все так же сидела на кровати с куском хлеба на коленях.

Пришел Трофим Иваныч. Он стоял возле стола широкий, коротконогий, будто по щиколотку вросши ногами в землю. «Столяр-то ведь умер»,— сказала Софья. «А-а, умер?» — рассеянно, мимо спросил Трофим Иваныч; он вынимал из мешка хлеб; хлеб был непривычнее и редкостнее, чем смерть. Нагнувшись, он начал резать осторожные ломти, и тут Софья, будто в первый раз за все эти годы, увидела его обгорелое, разоренное лицо, его цыганскую голову, густо, как солью, присыпанную сединами.

«Нет, не будет, не будет детей!» — на лету, отчаянно крикнуло Софьино сердце. А когда Трофим Иваныч взял в руки кусок хлеба, Софья мгновенно очутилась наверху: там Ганька, одна, сидела на кровати, у нее лежал хлеб на коленях, в окно смотрела острая, как кончик иглы, весенняя звезда. И седины, и Ганька, хлеб, одинокая звезда в пустом небе — все это слилось в одно целое, непонятно связанное между собой, и неожиданно для самой себя Софья сказала: «Трофим Иваныч, возьмем к себе столярову Ганьку, пусть будет нам вместо...» Дальше не могла.

Трофим Иваныч поглядел на нее удивленно, потом сквозь угольную пыль слова прошли в него, внутрь,

он начал улыбаться — медленно, так же медленно, как развязывал мешок с хлебом. Когда развязал улыбку до конца, зубы у него заблестели, лицо стало новое, он сказал: «Молодец ты, Софья! Веди ее сюда, хлеба на троих хватит».

В эту ночь Ганька ночевала уже у них на кухне. Софья, лежа, слушала, как она возилась там на лавке, как потом стала дышать ровно. Софья подумала: «Теперь все будет хорошо» — и заснула.

2.

Ребята во дворе играли уже совсем по-новому: «в колчака». Один — «колчак» — прятался, другие его отыскивали, потом с барабанным боем, с пением расстреливали из палок. Настоящий Колчак был тоже расстрелян, конину теперь уже никто не ел, в лавках продавали сахар, калоши, муку. Котел на заводе топили еще тем же донецким углем, но Трофим Иваныч теперь брил бороду, угольная пыль легко отмывалась. Без бороды он ходил много лет назад перед свадьбой, и сейчас будто вернулся к тем годам, иногда даже смеялся по-прежнему, зубы белели, как клавиши на гармонии.

Это бывало по воскресеньям, когда он сидел дома и дома была Ганька. Она теперь кончала школу. Трофим Иваныч заставлял ее читать вслух газету. Ганька читала быстро и бойко, но перевирала по-своему все новые слова: «мольбизация», «главнука». «Как, как?» — переспрашивал Трофим Иваныч, закипая смехом. «Главнука»,— спокойно повторяла Ганька. Потом рассказывала, что к ним вчера пришел в школу какой-то новый и стал объяснять, что вот на земле тела — и на небе тоже тела. «Какие тела?» — уже еле сдерживаясь, говорил Трофим Иваныч. «Ну, какие? Вот!» — Ганька тыкала себя пальцем в грудь, остревшую под платьем. Больше Трофим Иваныч уже не мог, смех вырывался у него из носа, изо рта, как пар из предохранительных клапанов распираемого давлением котла.

Софья сидела одна, в стороне. Главнаука, небесные тела, Ганька с газетой — все это было ей одинаково непонятное и далекое. Ганька говорила, смеялась только с Трофимом Иванычем, а если оставалась вдвоем с Софьей, она молчала, топила печку, мыла посуду, разговаривала с кошкой. Только иногда медленно, пристально наплывала на Софью зелеными глазами, явно думая что-то о ней, но что? Так, уставясь в лицо, смотрят кошки, думая о чем-то своем,— и вдруг становится жутковато от их зеленых глаз, от их непонятной, чужой, кошачьей мысли. Софья набрасывала шугайку, толстый платок и шла куда-нибудь — в лавку, в церковь, просто в темноту Малого проспекта — только бы не оставаться вдвоем с Ганькой. Она шла мимо еще не замерзших черных канав, мимо заборов из кровельного железа, ей было зимне, пусто. На Малом против церкви стоял такой же пустой с выеденными окнами дом. Софья знала: в нем уже никогда больше не будут жить, никогда не будет слышно веселых детских голосов.

Она подошла к этому дому как-то вечером в декабре. Как всегда, она торопилась пройти поскорее, не глядя. На лету, углом одного глаза, как видят птицы, она увидела в пустом окне свет. Она остановилась: не может быть! Вернулась назад, заглянула в дыру окна. Внутри, среди обломков кирпича, горел костер, вокруг него сидело четверо отрепышей-мальчишек. Один, лицом к Софье, черноглазый, должно быть, цыганенок, приплясывал, на голой груди у него прыгал серебряный крестик, зубы блестели.

Пустой дом стал живым. Цыганенок чем-то походил на Трофима Иваныча. Софья вдруг почувствовала, что она тоже еще живая, и еще все может перемениться.

Взволнованная, она вошла в церковь напротив. Она не была здесь с девятьсот восемнадцатого, когда Трофим Иваныч вместе с другими заводскими уходил на фронт. Служил все тот же маленький, обомшалый, седой попик. От пения становилось тепло, лед таял, какая-то зима проходила, впереди в темноте зажигали свечи.

Когда Софья вернулась домой, захотелось обо всем рассказать Трофиму Иванычу, но о чем же это — обо всем? Она сейчас уже и сама не знала, и сказала только одно: что была в церкви. Трофим Иваныч засмеялся: «В старую церковь ходишь. Хоть бы к живоцерковцам ходила, у этих Бог все-таки вроде с партийным билетом». Он подмигнул Ганьке. С прищуренным глазом, без бороды — лицо у него было озорное, как у цыганенка, очень много зубов, веселых, жадных. Ганька сидела румяная, она прятала глаза и только исподлобья, зеленовато, чуть покосилась на Софью.

С этого дня Софья часто бывала в церкви, пока однажды к обедне не явился новый живоцерковный поп с толпой своих. Живоцерковец был рыжий верзила, в куцей рясе, будто переодетый солдат. Старый седой попик закричал: «Не дам, не дам!» — и вцепился в него, оба покатились на паперть, над толпою, как знамена, замелькали чьи-то кулаки. Софья ушла и больше не возвращалась сюда. Она стала ездить на Охту, там сапожник Федор — с желтой лысиной — проповедовал «третий завет».

Весна в этом году была поздняя, на Духов день деревья еще только начинали распускаться, почки на них дрожали незаметной для глаза дрожью и лопались. Вечером было непрочно, светло, метались ласточки. Сапожник Федор проповедовал о скором Страшном суде. По желтой лысине у него катились крупные капли пота, синие безумные глаза блестели так, что от них нельзя было оторваться. «Не с неба, нет! А отсюда, вот отсюда, вот отсюда!» — весь дрожа, сапожник ударял себя в грудь, рванул на ней белую рубаху, показалось желтое смятое тело. Он вцепился разодрать грудь, как рубаху — ему нечем было дышать, крикнул отчаянным, последним голосом и хлопнулся об пол в падучей. Около него остались две женщины, все быстро разошлись, не кончив собрания.

От безумных сапожниковых глаз вся напряженная, как почки на деревьях, Софья вернулась к себе. Ключа снаружи не было, дверь была заперта. Софья поняла: Трофим Иваныч с Ганькой ушли куда-нибудь погулять и, наверное, придут домой только часов в одиннадцать; она сама сказала им, чтобы раньше одиннадцати ее не ждали. Пойти разве наверх и посидеть там, пока не вернутся?

Наверху жила теперь Пелагея с мужем, извозчиком. Через открытое окно было слышно, как она говорила своему ребенку: «Агу-агу-агу-нюшки. Вот так, вот так!» Нельзя, не было сил сейчас пойти туда и смотреть на нее, на ребенка. Софья села на деревянные ступени. Солнце было еще высоко, небо

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

блестело, как глаза у сапожника. Откуда-то запахло горячим черным хлебом. Софья вспомнила: в окне на кухне шпингалет сломан, и, наверное, Ганька забыла привязать окно — всегда забывала. Значит, можно открыть снаружи и влезть.

Софья обошла кругом. И правда, окно не было привязано; Софья легко открыла его и влезла в кухню. Она подумала: так мало ли кто может забраться, а может, уж и забрался? Показалось, в соседней комнате какой-то шорох. Софья остановилась. Было тихо, только тикали часы на стенке, и внутри, в Софье, и всюду. Сама не зная зачем, на цыпочках, Софья пошла. Платьем она зацепила прислоненную к двери гладильную доску, доска загремела на пол. Тотчас же в комнате зашлепали босые ноги. Софья тихонько ахнула, попятилась к окну — выскочить — звать на помощь...

Но она ничего не успела: в дверях показалась Ганька, босая, в одной измятой розовой сорочке. Ганька остолбенела, кругло раскрыла на Софью рот, глаза. Потом вся сжалась, как кошка, когда на нее замахнутся, крикнула: «Трофим Иваныч!» и метнулась назад, в комнату.

Софья подняла доску, поставила ее на место и села. У нее ничего не было, ни рук, ни ног — только одно сердце, и оно, кувыркаясь птицей, падало, падало, падало.

Потом тотчас же вошел Трофим Иваныч. Он был одетый, видно, не раздевался. Он стал посредине кухни большеголовый, широкий, ноги короткие, будто был вкопан по колени в землю. «Ты... ты как же это рано вернулась нынче?» — сказал Трофим Иваныч и сам удивился: зачем он это сказал, как мог это сказать? Софья не слышала. Губы у нее дергались; так дергается пенка на молоке, уже совсем застывшая. «Что ж это, что ж это, что ж это?» — с трудом выговорила Софья, не глядя на Трофима Иваныча. Трофим Иваныч весь сморщился, забился в какой-то угол внутри себя, так молча стоял минуту. Потом с корнем выдернул свои ноги из земли и ушел в комнату. Там Ганька уже постукивала полусапожками, одетая.

Все в мире шло по-прежнему, и надо было жить. Софья собрала ужинать. Тарелки, как всегда, подавала Ганька. Когда она принесла хлеб, Трофим Иваныч обернулся, задел головой, хлеб упал к нему на колени. Ганька захохотала. Софья посмотрела на нее, обе они столкнулись глазами, и мгновение совсем по-новому, чем раньше, вглядывались одна в другую. Софья почувствовала, как в ней кругло, медленно поднималось от живота снизу, потом все горячее, быстрее, выше, она задышала часто. Больше невозможно было смотреть на Ганькину русую челку, на черную родинку у нее на губе, нужно было сейчас же закричать, как сапожник Федор, или что-то сделать. Софья опустила глаза. Ганька усмехнулась.

После ужина Софья мыла тарелки, Ганька стояла с полотенцем и вытирала. Это было без конца, это было, может быть, самое трудное за весь этот вечер. Потом Ганька пошла спать к себе на кухню. Софья стала делать постель, внутри все горело, ее трясло. Трофим Иваныч, отвернувшись, сказал ей: «Постели мне у окна на лавке». Софья постлала. Она слышала, как ночью, когда она перестала ворочаться, Трофим Иваныч встал и пошел на кухню к Ганьке.

3

На подоконнике у Софьи стояла опрокинутая вверх дном стеклянная банка; под эту банку, неизвестно как, попала муха. Уйти ей было некуда, но она все-таки ползала весь день. От солнца под банкой была равнодушная, медленная, глухая жара, и такая же жара была на всем Васильевском Острове. Все-таки весь день Софья ходила, что-то делала. Днем часто собирались тучи, тяжелели, вот-вот треснет над головой зеленое стекло и наконец прорвется, хлынет ливень. Но тучи неслышно расползались, к ночи стекло становилось все толще, душнее, глуше. Никто не слышал, как ночью по-разному дышали трое: одна — зарывшись в подушку, чтобы ничего не слышать, двое — сквозь стиснутые зубы, жадно, жарко, как котельная форсунка.

Утром Трофим Иваныч уходил на завод. Ганька уже кончила учиться, она оставалась с Софьей вдвоем. Она была очень далека от Софьи: и Ганьку, и Трофима Иваныча, и все кругом Софья видела и слышала теперь откуда-то издали. Оттуда она говорила Ганьке, не разжимая губ: «Подмети кухню, вымой пшено, наколи щепок». Ганька мела, мыла, колола. Софья слышала удары топора, знала, что это — Ганька, та самая, но это было очень далеко, не было видно.

Ганька всегда колола щепки, присев на корточки, широко раздвинув круглые колени. Один раз, неизвестно почему, случилось так, что Софья увидела

эти колени, чуть подвинутую русую челку на лбу. В висках у нее застучало, она поспешно отвернулась и сказала Ганьке, не глядя: «Я сама... Поди на улицу». Ганька, тряхнув челкой, весело убежала и вернулась домой только к обеду, перед самым приходом Трофима Иваныча.

Она стала уходить с утра каждый день. Пелагея, верхняя, однажды сказала Софье: «Ганька-то ваша с ребятами в пустой дом бегает. Вы бы за ней приглядели, а то добегается девчонка». Софья подумала: «Нужно об этом Трофиму Иванычу...» Но когда пришел Трофим Иваныч, она почувствовала, что не может произнести вслух это имя: «Ганька». Она ничего Трофиму Иванычу не сказала.

Так, стеклянно, бесслезно, давя сухими тучами, прошло все лето, и осень шла такая же сухая. В какой-то синий и не по-осеннему теплый день утром задул ветер с моря. Через закрытое окно Софья услышала пухлый, ватный выстрел, потом скоро другой и третий — должно быть, в Неве подымалась вода. Софья была одна, не было ни Ганьки, ни Трофима Иваныча. Опять мягко стукнула пушка в окно, стекла от ветра звенели. Сверху прибежала Пелагея — запыхавшаяся, разлапая, вся настежь, она крикнула Софье: «Ты, что же, с ума спятила — сидишь-то? Нева через край пошла, сейчас все затопит».

Софья выбежала за ней на двор. Сразу же ветер, свистя, всю ее туго обернул, как полотном. Она услышала: где-то хлопали двери, бабий голос кричал: «Цыплят, цыплят собирай скорее!» Над головой быстро, косо пронесло ветром какую-то большую птицу, крылья у нее были широко раскрыты. Софье вдруг стало легче, как будто именно это ей и было нужно: вот такой ветер, чтобы все захлестнуло, смело, затопило. Она повернулась навстречу, губы раскрылись, ветер ворвался и запел во рту, зубам было холодно, хорошо.

Вместе с Пелагеей Софья быстро перетаскала наверх свои постели, одежду, съестное, стулья. Кухня была уже пустая, только в углу стояла расписанная цветами укладка. «А это?» — спросила Пелагея. «Это... ее»,— ответила Софья. «Чья — ее? Ганькина, что ли? Так что ж ты оставляешь?» — Пелагея подняла укладку и, придерживая ее выпяченным животом, потащила вверх.

Часа в два наверху в окне высадило ветром стекло. Пелагея подбежала — заткнуть подушкой, вдруг взвыла в голос: «Пропали мы... Господи, пропали!» — и схватила на руки своего ребенка. Софья взглянула в окно и увидела: там, где была улица, теперь неслась зеленая, рябая от ветра вода; медленно поворачиваясь, плыл чей-то стол, на нем сидела белая с рыжими пятнами кошка, рот у нее был раскрыт — должно быть, мяукала. Не называя по имени Ганьку, Софья подумала о ней, сердце забилось.

Пелагея топила печку. Она металась от печки к ребенку, к окну, где стояла Софья. В доме напротив, в первом этаже, была открыта форточка; было видно, как теперь ее покачивало водою. Вода все подымалась, несла бревна, доски, сено, потом мелькнуло что-то круглое, показалось, что это голова: «Может, уж и мой Андрей и твой Трофим Иваныч...» Пелагея не кончила, слезы у нее катились — настежь, широко, просто. Софья удивилась себе: как же это она — будто даже забыла о Трофиме Иваныче и все время только об одном, о той, о Ганьке.

Сразу обе — и Пелагея, и Софья — услышали где-то на дворе голоса. Они побежали в кухню, к окнам. Распихивая дрова, по двору плыла лодка, в ней стояло двое каких-то и Трофим Иваныч без шапки. На нем поверх ватной безрукавки была синяя блуза, ветром ее плотно притиснуло с одного боку, а с другого — раздуло, и казалось — он сломан посредине тела. Те двое спросили его о чем-то, лодка завернула за угол дома, за ней, сталкиваясь, пошли дрова.

По пояс мокрый, Трофим Иваныч вбежал в кухню, с него текло, он как будто не замечал. «Где... где она?» — спросил он Софью. «С утра ушла»,— сказала Софья. Пелагея тоже поняла, о ком. «Я уж давно Софье говорила... Вот и догонялась, плывет где-нибудь». Трофим Иваныч отвернулся к стене и стал водить по ней пальцем. Он долго стоял так, с него текло, он не чувствовал.

К вечеру, когда вода уже схлынула, пришел Пелагеин муж. Под висячей лампой блестела его крепкая, спелая лысина; он рассказывал, как господин с портфелем саженками плыл в свой подъезд, как барыни бежали, все выше подымая юбки. «А утопло много?» — спросила Софья, не глядя. «Страсть! Тыщи!» — зажмурился извозчик. Трофим Иваныч встал. «Я пойду»,— сказал он.

Но он никуда не пошел: дверь открылась, в двери стояла Ганька. Платье у нее прилипло к груди, к коленям, она вся была захлюстанная, но глаза у нее блестели. Трофим Иваныч стал улыбаться нехорошо, медленно, одними зубами. Он подошел к Ганьке, схватил ее за руку и увел в кухню, плотно прикрыл за собой дверь. Было слышно, как он сквозь зубы сказал что-то Ганьке и стал ее бить. Ганька всхлипывала. Потом долго плескалась водой и вошла в комнату опять веселая, встряхивая челкой на лбу.

Пелагея уложила ее спать в чуланчике за перегородкой, а Трофиму Иванычу и Софье сделала постель на лавке в кухне. Они остались вдвоем. Трофим Иваныч потушил лампу. Окно побледнело, в тонкой сорочке из облаков дрожал месяц. Белея, Софья разделась, потом — Трофим Иваныч.

Лежа, Софья думала только об одном: чтобы он не заметил, как она дрожит. Она лежала, вытянувшись, будто вся покрытая корочкой из тончайшего льда: в таких непрочных ледяных чехлах бывают ветки деревьев осенью рано утром, и только чуть шевельнет их ветром — все рассыпается в пыль.

Трофим Иваныч не шевелился, его не было слышно. Но Софья знала, что он не спит: во сне он всегда чмокал, как маленькие дети, когда сосут. И знала, почему он не спит: здесь ему уже нельзя было пойти к Ганьке. Софья закрыла глаза, сжала губы, всю себя, чтобы ни о чем не думать.

Вдруг Трофим Иваныч, будто что-то решив, быстро повернулся к Софье. Вся кровь в ней остановилась с разбегу, ноги замерли, она ждала. Месяц, кутаясь в одеяло, дрожал за окном минуту, две. Трофим Иваныч приподнял голову, поглядел в окно, потом осторожно, стараясь не коснуться Софьи, опять повернулся к ней спиной.

Когда он, наконец, задышал ровно и стал причмокивать во сне, как дети, Софья открыла глаза. Она тихонько нагнулась над Трофимом Иванычем, совсем близко, так что увидела один длинный черный волос, спускавшийся у него с брови прямо в глаз. Он пошевелил губами. Софья смотрела, она уже ничего не помнила о нем, его было только жалко. Она протянула руку и сейчас же отдернула: ей хотелось погладить его, как ребенка, но она не могла, не смела...

Так было каждую ночь все три недели, пока нижняя квартира просыхала. Каждое утро перед заводом Трофим Иваныч спускался туда на полчаса, коечто поправлял там. Однажды он вернулся оттуда веселый, шутил с Пелагеей, но Софья видела, как он водил глазами за Ганькой: Ганька, нагнувшись, мела комнату. Уходя, Трофим Иваныч сказал Софье: «Ну, перебирайся вниз, пора — все готово». И потом Ганьке: «Печки протопи получше, дров не жалей, чтоб к вечеру тепло было».

Софья поняла: не к вечеру, а к ночи. Она не сказала ничего, не подняла глаз, только губы у нее чуть дергались, как пенка на молоке, уже совсем застывая.

4

Извозчик, Пелагеин муж, выезжал нынче только после полудня; до тех пор вместе с Софьей и Ганькой он быстро перетаскал все вниз. «Ну, что же, как тебя поздравлять-то: со старосельем, что ли?» — сказал он Софье.

Быстро, в несколько взмахов, как большая птица, Софья облетела глазами комнату. Все стало, как прежде: стулья, тусклое зеркало, стенные часы, кровать, где Софья по ночам будет опять одна. Ей показалось счастьем то, что было наверху: там ночью она слышала его дыхание, он не был с тою, с другой, он был ничей, а теперь — вот сегодня, сегодня же...

Ганьки не было, она ушла за дровами. Софья стояла, прислонившись лбом к окну. Стекло позванивало, был ветер, летели серые, городские, низкие, каменные облака, будто опять вернулись те же душные тучи, ни разу за все лето не прорвавшиеся грозой. Софья почувствовала, что эти тучи не за окном, а в ней самой, внутри, они каменно наваливались одна на другую уже целые месяцы, и, чтобы не задушили сейчас, нужно что-то разбить вдребезги, или убежать отсюда, или закричать таким голосом, как тогда сапожник о Страшном суде.

Софья услышала: вошла Ганька, из мешка вытряхнула дрова на пол, потом стала укладывать их в печку. Окно вздрогнуло, будто снаружи в него стукнуло сердце. Это была пушка, воду опять гнало ветром, она напруживала синие невские жилы. Софья стояла все так же, не оглядываясь, чтобы не увидеть Ганьку.

Вдруг Ганька негромко, в нос запела; раньше этого не случалось никогда. Софья оглянулась. Она увидела: бросив топор, Ганька сидела на корточках и ножом щепала лучину; круглые, широко раздвинутые колени вздрагивали под платьем, и вздрагивала челка на лбу. Софья хотела отвести от нее глаза и не могла. Медленно, трудно, как баржа, канатом подтягиваемая к берегу против течения, канат дрожит и вот-вот лопнет, Софья подошла к Ганьке. От работы Ганька вся разгорелась, Софью окинуло жарким, сладковатым запахом ее пота; должно быть, ночью она пахла вот так же.

И как только Софья вдохнула в себя этот запах, снизу, от живота, поднялось в ней, перехлестнуло через сердце, затопило всю. Она хотела ухватиться за что-нибудь, но ее несло, как тогда по улице несло дрова, кошку на столе. Не думая, подхваченная волной, она подняла топор с полу, она сама не знала, зачем. Еще раз стукнуло в окно огромное пушечное сердце. Софья увидела глазами, что держит топор в руке. «Господи, господи, что же это я?» — отчаянно крикнула внутри одна Софья, а другая в ту же секунду обухом топора ударила Ганьку в висок, в челку.

Ганька и не крикнула ничего, только ткнулась головой в колени, потом с корточек мягко перевалилась на бок. Софья еще несколько раз жадно, быстро ударила по голове острием, хлынула кровь на железный лист перед печкой. И будто эта кровь — из нее, из Софьи, в ней наконец прорвало какой-то нарыв, лилось оттуда, капало, и с каждой каплей ей становилось все легче. Она бросила топор, вздохнула глубоко, свободно — никогда не дышала, вот только что глотнула воздуха в первый раз. Ни страха, ни стыда — ничего не было, только какая-то во всем теле новизна, легкость, как после долгой лихорадки.

Дальше было так, как будто Софьины руки совсем отдельно от нее думали и делали все, что надо, а она сама, в стороне, блаженно отдыхала, и только изредка глаза у нее раскрывались, она начинала видеть, она смотрела на все с удивлением.

Ганькины туфли, коричневое платье, сорочка, политые керосином, уже горели в печи, а сама она, вся голая, розовая, парная, лежала ничком на полу, и по ней не спеша, уверенно ползла муха. Софья увидела муху, прогнала ее. Чужие, Софьины руки легко, спокойно разрубили тело пополам, иначе его было никак не унести. Софья в это время думала, что в кухне на лавке лежит еще не дочищенная Ганькой картошка, нужно ее сварить к обеду. Она пошла в кухню, заперла дверь на крючок, затопила там печь.

Когда вернулась в комнату, она увидела, что новая серая, под мрамор, клеенка вытащена из комода и лежит на полу, разорванная на два куска. Софья удивилась: кто же это разорвал? Зачем? Но сейчас же вспомнила, постелила клеенку на дно в мешок и положила туда половину розового тела. На руки к ней садилась, липла к ним та же муха. Софья отогнала ее, она садилась опять. Один раз Софья увидела ее совсем близко: ноги у нее были тоненькие, как из черных катушечных ниток. Потом муха и все исчезло, было только одно: кто-то стучал в кухонную дверь.

Софья на цыпочках подошла к порогу и ждала. Опять стучали, все сильнее. Софья смотрела, как от ударов вздрагивал крючок, и даже не смотрела, а чувствовала: крючок сейчас был частью ее самой, как ее глаза, ее сердце, ее мгновенно похолодевшие ноги. Как будто знакомый голос крикнул за дверью: «Софья!»; она молчала, чьи-то шаги спускались, затопали по ступеням. Тогда Софья стала дышать, посмотрела в окно. Это была Пелагея, ветром сзади на ней плотно обхлестывало платье, и казалось, что она идет, подогнувши колени.

Опять долго были только одни Софьины руки и не было ее самой. Вдруг она увидела, что стоит на краю канавы, вода в канаве лиловая, стеклянная от заката, и туда же, в канаву, выброшены весь мир, небо, сумасшедше быстрые лиловые тучи, а за спиной у Софьи тяжелый мешок, и что-то такое под пальто придерживает рука, Софья не могла понять — что. Но рука вспомнила, что это — лопата, снова стало все просто. Она перешла через канаву, отдельно от себя, одними глазами, огляделась кругом: никого, она была на Смоленском поле одна, быстро темнело. Она выкопала яму и свалила туда все, что было в мешке.

Когда было уже совсем темно, она принесла полный мешок еще раз, зарыла яму и пошла домой. Под ногами была черная, неровная, распухшая земля, ветер обхлестывал ноги холодными тугими полотенцами. Софья спотыкалась. Она упала, ткнулась рукой во что-то мокрое и так шла потом с мокрой рукой, боялась ее вытереть. Далеко, должно быть, на взморье, загорался и потухал огонек, а может быть, это было совсем близко — кто-нибудь закуривал папироску на ветру.

Дома Софья быстро вымыла пол, сама вымылась в лотке на кухне и надела на себя все свежее, как после исповеди перед праздником. Зажженные Ганькой дрова давно прогорели, но по угольям еще бегали последние синие огоньки. Софья бросила туда мешок, клеенку, весь мусор, какой еще оставался. Огонь ярко вспыхнул, все сгорело, теперь в комнате было совсем чисто. И так же сгорел весь мусор в Софье, в ней тоже стало чисто и тихо.

Она села на лавку. В ней сразу ослабели, развязались все узлы, она внезапно почувствовала, что устала так, как не уставала ни разу за всю жизнь. Она положила голову на руки, на стол и в ту же секунду заснула — полно, счастливо, вся.

(Окончание следует.)

В поисках начала круга

Беседа премьер-министра Дании Поуля ШЛЮТЕРА с главным редактором журнала «Огонек» Виталием КОРОТИЧЕМ

— Сразу же хочу спросить Вас вот о чем: как человек, гражданин Дании, может стать премьер-министром в Вашей стране? Почему люди отдают предпочтение, скажем, именно Вам, Вашим взглядам? Пожалуйста, несколько слов об этом.

— Я нахожусь на своем посту седьмой год. У меня никогда не было большинства в парламенте. Я возглавляю, так сказать, правительство меньшинства. Конечно, советские граждане увидят в этом серьезное отличие от вашей системы. У нас в парламенте представлено много партий. Правительство и оппозиция должны тесно сотрудничать друг с другом. Мы должны находить компромиссы. Это трудно, но это удается. Правительство не может руководствоваться в своей деятельности только собственными устремлениями. Надо пытаться понять доводы оппозиционных партий. Для того, чтобы вообще создать большинство, нам нужна поддержка одной или нескольких оппозиционных партий. Честно говоря, я считаю, что у нас слишком много партий, а у вас слишком мало. Одна — это маловато, одиннадцать, как у нас,— многовато.

— В Вашем положении необходимо проявлять демократизм и объединять усилия всех тех, кто действительно любит Данию и хочет добра своей стране — будь то социал-демократы или консерваторы — не так ли?

— Да. Я думаю, что здесь и вы, и мы сталкиваемся с проблемами. Когда началась политика перестройки, встал вопрос: как обновить общество таким образом, чтобы иметь возможность использовать энергию, инициативу, силы и честолюбие всех его членов? Эта проблема возникает в капиталистических странах. Существует она и в социалистическом обществе. Как оживить систему, чтобы инициатива использовалась в полной мере, чтобы она не спала? Вот задача. Она в равной степени стоит как перед западным обществом, так и перед вашим.

— Вы упомянули капиталистические страны. Не кажется ли Вам, что можно сейчас в Дании использовать определенные социалистические идеи?

— Если вы посмотрите на старые, классические капиталистические страны, то обнаружите, что они после второй мировой войны прошли большой путь в своем развитии. И сегодня это уже иной, обновленный капитализм. Можно утверждать, что в социальном развитии мы пошли очень далеко. Если цель социализма — обеспечить людям безбедное существование, то в такой стране, как Дания, мы сделали очень много в этом направлении. Социальные проблемы можно решать по-разному, можно это делать по-капиталистически или по-социалистически, но, конечно, важно создать такую экономическую систему, которая обеспечит высокий уровень производства. Вы располагаете достаточными ресурсами для того, чтобы эффективным образом решить социальные проблемы.

— Решаете ли Вы ваши социальные проблемы? Многие считают, что при Вашем правлении положение в социальной области начинает постепенно улучшаться. Уверены ли Вы в своих действиях и в правильности выбранного направления?

— Наша консервативная народная партия активно занимается социальными проблемами. С моей точки зрения, эффективная социальная политика может проводиться и в капиталистической стране. Я думаю, это осуществимо.

— Но есть еще культурные и национальные проблемы, определенно интернационализирующиеся. И тем не менее надо быть собой. Что Вы думаете о датской национальной культуре?

— Мы живем в мире, в котором слово «национализм» звучит все значительнее. Дания — небольшая страна с очень ограниченным населением. Хотя мы и состоим в Общем рынке, хотя мы и сотрудничаем в культурной области со многими странами, мы хотим сохранить и развить наше национальное своеобразие, нашу национальную культуру. Я не считаю, что нашим культурным и национальным ценностям грозит уничтожение. Что касается телевизионного бума, то для него характерны как негативные, так и позитивные стороны. Телевидение во многом помогает людям — это, конечно, хорошо. Но я убежден, что даже при наличии 20—30 иностранных программ телезрители большую часть дня будут смотреть передачи датского телевидения, поскольку оно ближе к их образу жизни, понятнее. По другим программам они будут смотреть развлекательные передачи. Несомненно, позитивной чертой является то, что зарубежные телепрограммы помогают изучать иностранные языки. Я не думаю, что датский театр, кинематограф, фольклорное искусство когда-нибудь исчезнут под давлением крупных коммерческих станций.

— В Европе без границ у Вас будет общий рынок, общие организации, общая армия. Что же значит сейчас быть датчанином? Быть европейцем неплохо, но что значит сохранить датское своеобразие?

— Мир стал маленьким в том смысле, что большинству из нас небезразлично, что происходит в других местах — во Франции, США, Индии, СССР. События происходят очень быстро. Все это уже давно стало привычным, но, разумеется, оказывает воздействие на наши взгляды, обогащает культурную жизнь. Однако это не побуждает нас отказываться от нашего культурного наследия. Сегодня многие из нас путешествуют, видят другие страны. Сегодня мы лучше знаем иностранные языки. Легче стало вести диалог и поддерживать контакты, что, конечно, очень хорошо и должно породить бóльшую терпимость. Когда лучше знаешь другие страны, то начинаешь понимать условия жизни в них, их отличия и т. д.

— Мы говорили о социализме, капитализме и проблемах культуры. За период Вашего правления Дания сильно изменилась. Что Вы считаете главным в датском опыте, именно в датском?

— Я не уверен, что понял Ваш вопрос.

— Есть английский путь к социализму, есть китайский путь... Что характерно для Дании?

— Я думаю, что для Дании, как и для других скандинавских стран, типично то, что мы пытаемся развивать капиталистическую систему по-своему. Если представить себе, что капитализм — это тигр, то мы пытаемся лишить его когтей и зубов, используя его мускулы. Большинство датчан верят в то, что нам удастся добиться более высокого уровня жизни и модернизировать без негативных последствий нашу промышленность, если предпринимательская деятельность будет основываться на реализме и частной собственности, поскольку именно это обеспечивает инициативу. Но, с другой стороны, мы хотим избежать того, чтобы при капитализме происходило угнетение рядовых трудящихся с рядовым уровнем дохода. Карл Маркс прогнозировал развитие ситуации в мире, исходя из того тезиса, что капитализм станет настолько силен, а угнетение бедных настолько ужасным, что это обязательно приведет к революции. Следует помнить, что он пришел к этому выводу много лет назад. Впоследствии угнетенные классы нашего общества медленно, но неуклонно приобретали влияние и благодаря нашей демократии получили места и большинство в нашем парламенте. Они лишали тигра зубов...

— Вы одобрительно относитесь к европейскому сообществу?

— Да. Когда в 72-м мы вступали в ЕЭС, по этому поводу шли активные дебаты. Население разбилось на два лагеря: одни были «за», другие — «против». Мы провели референдум, и большинство высказалось за вступление в Общий рынок. Я уверен в том, что сегодня очень значительное большинство — за то, чтобы мы в нем остались. В силу географического положения Дании ей очень важно состоять в этой организации. Мы благодаря этому получили большие политические и экономические выгоды. Мы состоим в организации, мы контактируем с остальными странами, мы участвуем в процессе принятия решений. Те решения, которые принимают ЕЭС и политические руководители других стран, при всех обстоятельствах влияют на нашу повседневную жизнь. Зачем же нам отказываться от участия в процессе принятия решений и возможности повлиять на их результаты?

— Ощущаете ли Вы близость такой мощной и крупной европейской страны, как СССР, или же она далека от Вас и совершенно Вас не интересует? Как Вы относитесь к тому, что Советский Союз является частью Европы? Ощущаете ли Вы это?

— Это очень интересный вопрос. В результате конфронтации после второй мировой войны многие западноевропейцы долго считали, что Советский Союз от них так же далек, как и Азия, если вы извините мне это выражение. Действительно, часть территории СССР находится в Азии. Но, наверное, многие западноевропейцы надолго забыли о том, что во многих областях русская культура тесно связана с культурой остальной Европы. Я хочу, чтобы мы вспомнили об этом. Я говорю об искусстве: русский театр, литература, опера составляют важную часть исторического наследия европейской цивилизации. Я хотел бы, чтобы с годами мирные политические контакты привели к серьезному укреплению наших отношений в области культуры. Я думаю, это будет позитивным фактором. Разумеется, на протяжении последних 60—70 лет наши общественные системы развивались по-разному. Возможно, за следующие 50 лет положение изменится. Конечно, Вы лучше меня знаете, что такое гласность и перестройка, но я очень внимательно слежу за происходящим, поскольку это очень интересный и позитивный процесс. Надеюсь, что он приведет к расширению контактов между людьми, чтобы не только несколько сот политических деятелей или видных журналистов могли встречаться друг с другом. Очень важно, чтобы больше людей в наших странах встречались друг с другом неофициально, видели, как живут люди в другой стране, и т. д.

— Мы все больше начинаем ощущать зависимость друг от друга. Может быть, с этим связано и создание общеевропейского дома...

— Часть Советского Союза не относится непосредственно к Европе, но это важная часть. Я думаю, мы должны это понять. Что касается Восточной Европы — Венгрии, Чехословакии, Болгарии, ГДР, Польши, Румынии,— то у нас есть культурные связи и с этими странами. Нельзя забывать о том, что Европа состоит не только из Западной Европы,

а из множества частей. И сейчас мы стремимся сделать все возможное для того, чтобы ослабить напряженность международной ситуации, что позволит нам укрепить связи во всех областях. Вы занимаетесь этим энергично и с большим успехом.

— Есть много людей, которые хотят изменить ситуацию силой — за счет наращивания танков и самолетов,— считая, что таким образом они станут сильнее и смогут делать все, что захотят. Сейчас легко понять бессмысленность такого подхода. Как можно изменить ситуацию, изменить жизнь, сделать ее более безопасной?

— Необходимы два позитивных события для того, чтобы установилась обстановка подлинного доверия. Во-первых, сокращения вооружений должны дать новые результаты. Во-вторых — и это очень важно,— ваши гласность и перестройка должны выжить. Я думаю, здесь вам предстоит огромная работа. Оба эти фактора важны. Когда я встретился с М. С. Горбачевым в октябре 86-го, после Рейкьявика, у нас состоялась двухчасовая беседа с глазу на глаз. Горбачев был явно взволнован, его переполняли впечатления от встречи в Рейкьявике. В нашей встрече он увидел возможность проинформировать руководителя небольшой западноевропейской страны о своей точке зрения на происшедшее. Я попытался объяснить ему, сколь высоко мы ценим успех переговоров по сокращению вооружений. Но, вероятно, события внутренней жизни в СССР имеют не меньшее значение. По крайней мере я убежден в том, что ваши руководители имеют полную информацию о взглядах населения США, Англии, Дании, Швеции и других стран.

В наших странах плюралистическая система, свобода печати, мы обладаем правом на критику. Это очень интересно для лидеров коммунистического мира — таким образом они могут получить представление о взглядах не только политических лидеров, но и населения в целом. Если такая тенденция в вашей стране будет набирать силу, то это само по себе, может быть, даже в большей степени, чем сокращение вооружений, будет способствовать укреплению доверия в нашем регионе. С этим связана и проблема прав человека. Нет ничего странного в том, что мы по-разному подходим к проблеме прав человека: наши исторические традиции отличаются. Но если бы удалось сблизить наши представления о правах человека, это укрепило бы доверие. Разумеется, мы с огромным интересом следим за попытками создать в СССР более свободное общество. Вот как я это вижу: вы пытаетесь — и это нелегко — привыкнуть к системе, часть которой составляют критика и разногласия. На это требуется время. Но я считаю такие попытки исключительно важными и желаю вам успеха на вашем пути. Нам это должно внушать уважение еще и потому, что преобразовать такое гигантское общество, как Советский Союз, почти так же трудно, как найти начало круга.

— Но сделать это необходимо. Мы все время сталкиваемся с проблемами — экономическими, национальными, демократическими. И мы пытаемся решать их одновременно. Я думаю, Вы понимаете, как нелегко приходится М. С. Горбачеву — надо все проблемы решать одновременно, а против него и отдельные люди, и мрачные традиции, и многое, многое другое. Но вы, как политический деятель, придерживаетесь ли оптимистического взгляда? Считаете ли Вы, что наши дети будут жить в лучшем мире? Как Вы оцениваете ситуацию в мире в целом? Ведь перестройка — это только часть процессов, происходящих на планете...

— Я оптимист. Для меня оптимизм — это метод работы. Как можно жить, не будучи оптимистом? Конечно, надо быть реалистом, но нельзя допускать пессимистов на руководящие посты. Я уверен, что через 20, 30, 40 лет наши дети и внуки будут жить лучше, в лучших условиях, чем мы. Я не уверен, что все они повысят свой материальный уровень. Часть ваших людей этого добьется. Необязательно подобное произойдет с нами, промышленно развитыми капиталистическими странами мира. Но это не так важно.

Что касается мира и отношений между странами, то я убежден, что мы установим достаточно тесные отношения, чтобы избежать новой войны. К сожалению, локальные войны, безусловно, будут происходить, как и после 1945 года: за послевоенный период произошло свыше ста ограниченных локальных конфликтов и войн. Но в нашей части света мы проявляли достаточную ответственность — и в Европе на протяжении длительного времени удавалось избегать кровопролития. С 1945 года по настоящее время в Европе не произошло ни одной войны. Я имею в виду военные конфликты двух видов: между Востоком и Западом и внутри блоков. Это самый продолжительный мирный период в истории Европы. Будем же оптимистами. Давайте надеяться, что если нам удавалось сохранить мир с 1945 года, нам удастся это и впоследствии. А затем нам следует установить достаточное доверие для того, чтобы сократить расходы на оружие. Первые результаты уже достигнуты, а остальные не заставят себя ждать. Это касается и обычных сил, которые обходятся так дорого.

— С какой основной проблемой вы сталкиваетесь сейчас?

— Передо мной — одна главная проблема. Она состоит в том — мне не следует этого скрывать,— что хотя уровень жизни у нас высок, хотя мы создали очень производительное современное общество, в нашем платежном балансе существует большой дефицит. Это может показаться второстепенной проблемой, но ситуация тяжелая. Мы, датчане, расходуем больше денег, чем зарабатываем. Такая ситуация сложилась свыше 20 лет назад. Мы должны показать самим себе, что способны решить эту проблему.

— Вы считаете, что Вам удастся решить эту проблему, не снижая уровня жизни?

— Для того, чтобы ликвидировать дефицит платежного баланса, мы должны сократить частные и государственные расходы. Это тяжелая проблема для руководителя, возглавляющего правительство, не имеющее большинства.

— Может быть, Вы захотите сказать несколько слов читателям «Огонька»?

— За последние два года я не раз думал: насколько заинтересован рядовой советский гражданин в том, что происходит в СССР? Что означают для него такие слова, как «гласность», «перестройка»? Я хотел бы узнать, какие надежды и чаяния связывает так называемый простой человек в России с теми переменами в политике, которые сейчас столь разумно пытается осуществить ваше руководство. Народ — всегда реалист. Я уверен, что для рядового советского гражданина критерием успеха или провала будет его будничная жизнь. Увидит ли он в разумные сроки практические результаты новых идей, которые обеспечат ему и его семье лучшую жизнь, большую свободу выбора, более высокий уровень жизни? Это необычайно важно, и я желаю вам добиться этого. Кроме того, давайте пытаться в будущем лучше понимать, что движет каждым из нас. Разумеется, до тех пор, пока вы будете стремиться к мировой революции, до тех пор, пока вы будете руководствоваться традиционными представлениями об империализме, вы не сможете доверять нам. Как мне кажется, становится все яснее, что перед нами так много сложнейших проблем, что мы должны сначала решить их и таким образом создать климат международного доверия.

КОММЕНТАРИЙ К ФОТОГРАФИИ

«ПРОСТОЙ СОВЕТСКИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ»?

Георгий РОЖНОВ

Сколько раз за годы службы в МВД мне приходилось видеть одну и ту же картину: к воротам следственного изолятора или суда подъезжает спецмашина, и из нее по команде конвоя выходят заключенные. Строго по одному, не задерживаясь и не торопясь, круто заложив руки за спину. Молча они проходят от одних стражей к другим, от одной решетки к другой. И не разу я не видел, чтобы кто-либо из арестованных хоть в чем-то ослушался конвоиров, позволил себе хоть малейшую вольность. Да и как отважиться на такое, если на тебя наставлены автоматы, если солдаты не спускают с тебя глаз.

«Простой советский заключенный» хорошо знает, что бывает за незастегнутую пуговицу, отсутствие головного убора или, упаси бог, за опущенную в карман руку. Выкинуть такой фортель не придет в голову и самому отпетому вору в законе — побережется, себе дороже.

Оговорюсь сразу: такая строгость конвоирования не прихоть охраны, не стремление нагнать страх на заключенных, а давным-давно установленные режимные требования. И для подследственных, и для осужденных они одинаковы — за каждого пассажира конвой отвечает головой.

А что мы видим на этом снимке? Держащий руки в карманах мужчина смахивает скорее на инспектора по особым поручениям, равнодушно проходящего между стоящими без дела солдатами. Это сравнение не мое — читателей. Не успел выйти из печати третий номер журнала с этой примечательной фотографией, как затрезвонили телефоны редакции: уж не в былые ли времена снялся на память среди подчиненных тогдашний генерал-полковник Чурбанов?

Да нет, в самые что ни на есть сегодняшние, уже в ипостаси обвиняемого во взяточничестве. И шествует он не из привычной ранее «Чайки», не из любимого «мерседеса», а из просиженного сотнями других преступников убогого автомобиля. И не в охотничий домик на очередное застолье, как язвят некоторые острые на язык читатели, а на заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР, на скамью подсудимых.

Покажи такую же фотографию конвоирования тому же Чурбанову в бытность его заместителем начальника внутренних войск МВД СССР — сколько бы дисциплинарных оплеух навешал он и начальнику войскового наряда, и командирам всех степеней и рангов!

Вернемся, однако, к фотографии. Прежде всего сниму вопросы об одеянии тогдашнего подсудимого: до оглашения приговора и вступления его в законную силу обвиняемые имеют право носить хоть смокинг, хоть малахай — что кому принесут родственники из домашнего гардероба. А вот шагать под конвоем с такой показной ленцой да еще держа руки в карманах на глазах аж у шести конвоиров — это, увольте, запрещено. И все же — позволили! Почему?

Этот вопрос я задал подполковнику внутренних войск Новикову — его подчиненным было поручено сопровождать Чурбанова с компанией в суд и обратно, в камеры следственного изолятора. Юрий Сергеевич, выслушав вопрос, ответил по-военному четко и однозначно:

— Как только Чурбанов опустил руки в карманы, ему было сделано замечание, и он заложил их назад. Кроме того, фотография была сделана внезапно, без предупреждения и, следовательно, не санкционирована. А потому непонятно, почему она вообще появилась в журнале.

— ...?

По логике подполковника Новикова, получается, что об установленных для заключенных требованиях конвой вспомнил, лишь услышав щелчок затвора фотоаппарата. И кто, дескать, позволил запечатлевать на пленку, а потом публиковать в журнале подлинную, а не заранее подготовленную картину шествия подсудимого, чихавшего и на конвой, и на установленные требования?

Что же касается санкций военных чинов на подобные съемки, то они, как известно, уходят в прошлое вместе с тем временем, когда Чурбанов хапал и должности, и генеральские звезды, и многотысячные подношения чиновных ворюг.

Впрочем, кое для кого то время как бы остановилось — достаточно взглянуть еще раз на фотографию.

МГНОВЕНИЯ, МГНОВЕНИЯ...

Из цикла «Балет».

Алла Демидова в роли Марины Мнишек (спектакль «Борис Годунов» в Театре на Таганке).

Олег Ефремов.

Солист рок-группы «Тяжелый день».

Театр — это мир особый. Он существует по особым законам. То, что здесь совершенно естественно, в любом другом месте может показаться непонятным и даже диким. И наоборот.

Театр — место странное. Можно считать себя его знатоком и писать про него десятилетиями, но совсем необязательно, что при этом ты будешь ощущать Театр. Потому что чувство театра дается человеку при рождении. Как абсолютный музыкальный слух. И если его не дано, то развить невозможно.

С первого взгляда на работы Леонида Зинкевича видно, что создал их человек, у которого театр в крови. Это не значит, что он снимает только театр, просто его он чувствует абсолютно.

Часто фотожурналисты, снимая театр, додумывают происходящее на подмостках за создателей — актеров, режиссера, художника. И порой получают замечательные результаты. Но — увы!— эти работы всегда больше «о себе», нежели о жизни сцены. Зинкевич никогда так не поступит. Он знает: театр — субстанция хрупкая. Рождающаяся, умирающая, изменчивая. Один и тот же спектакль дважды посмотреть невозможно: этот спектакль бывает только раз. Завтра будет совсем не тот, что сегодня...

Он никогда не додумывает. Увиденное фиксирует честно и строго, точно схватывая сущность происходящего, его поэзию. Снимает влюбленно, выявляя то, что равнодушному глазу не откроется.

Поражаешься его умению предчувствовать. Нет, даже не умению — таланту. Зинкевич способен выхватить из спектакля, словно заранее зная, когда это случится, самую блистательную сцену, звездный актерский миг, который, скорее всего, уже не повторится никогда,— и остановить их, сделать вечными...

Снимки Леонида Зинкевича говорят больше, чем многие словесные портреты, написанные мастерами критического слова. Он наделен даром создавать лица-биографии. Портреты-биографии.

Зинкевич — человек, относящийся к своему делу предельно серьезно. Мы не раз работали вместе, и я знаю, что бесполезно пытаться уговорить Леню сделать что-то кое-как: «Поскорей, все равно сойдет». По его представлениям, это несовместимо с понятием профессионализма. Вы увидите, как представительный, солидный мужчина тут же превратится в совершенно несносного, упрямого ребенка. И обязательно обидится. Злиться на Ленино упрямство бесполезно — его не убедишь, халтуры он не переносит. Впрочем, таким, наверное, и должен быть настоящий художник.

Мария ЮРЬЕВИЧ

Александр МОСЯКИН

ПРОДАЖА

Наши художественные ценности, которые хранились в музеях, усадьбах, церквах, домах, в библиотеках (о чем совершенно забыли),— это не просто вещи и памятники, не просто ценности, лежавшие втуне. Вещи живут и действуют, создают культурную атмосферу. Я бы сказал — культурную ауру. Поэтому отсутствие или исчезновение многих этих вещей означало падение, снижение культуры страны. Ослабело силовое поле культуры. Скажем, в Эрмитаже были выставлены «малые голландцы». Они в значительной степени повлияли на возникновение живописи передвижников. В том же Эрмитаже собраны замечательные портреты. Это помогло русскому портрету достигнуть своей высоты. Эрмитаж и Академия художеств вели через Неву молчаливый диалог, диалог двух учебных классов российской культуры. Который больше повлиял на русскую культуру? Я не знаю. Что повлияло на развитие русской архитектуры? Усадебная архитектура и зодчество, скажем, русских, итальянских, голландских, немецких, французских и швейцарских архитекторов или преподаватели Академии? Памятники архитектуры многих выдающихся иноземных мастеров были перед глазами студентов в их родных городах. Разрушение памятников стало разрушением культуры, гибелью современного мастерства. Потому что уровень культуры падает от отсутствия великих образцов. С чего сегодня надо начинать? Я полагаю — с открытия архивов. Хотя многие из них также уничтожены. Вообразить глубину трагедии, которая произошла с нашей культурой, невозможно. Это бездонная пропасть. Но трагедия требует своей истории, своих историков. Время не ждет, историю эту надо писать уже сегодня. И если даже в тех попытках, ныне предпринимаемых, будут неточности,— все равно эти несовершенные попытки станут открывать путь для завтрашних исследователей. Александр Мосякин проделал большую и честную работу. Если есть что в ней уточнить, то, ради Бога, поправьте, уточните. Только таким образом мы создадим историю нашей трагедии. Историю нашей культуры. История культуры заключена в тех ценностях, которые жили в нашем дому, создавали атмосферу видения прекрасного. И религия, как бы к ней ни относиться,— это все равно культура. Культура нравственно-этическая и мировоззренческая. Мы видели в религии только суеверия и не слишком горевали, когда они искоренялись. Здесь и была трагическая ошибка. Продали на Запад за бесценок древнейший Синайский кодекс Библии, Коран с кровью пророка Али, Новый Завет, переписанный митрополитом Алексием. И книги стали недоступны для исследования: удар по религии оказался ударом по культуре, ударом по отечественной науке. И сегодня многие ценности уходят из страны. Только написав историю продажи собственной культуры, мы сможем это остановить. У нас в городах, как ни в одной стране, были сконцентрированы памятники культуры. Уничтожив и разбазарив их, мы принялись за уничтожение и разбазаривание природы. Есть опасность, что дети перестанут понимать пейзажи Левитана, потому что будет уничтожен сам пейзаж. Так вот призыв мой в этом: давайте с чего-то начинать историю наших потерь.

Председатель правления
Советского фонда культуры
академик Д. ЛИХАЧЕВ

«Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит народу. Берегите это наследство... Берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших... Не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, старинные вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это — почва, на которой вырастет ваше новое народное искусство».

(Из воззвания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к гражданам России, 1917 г.)

I. «МАДОННА АЛЬБА» И ДРУГИЕ

Началось это много лет назад, когда однажды, гуляя по Эрмитажу, я с группой экскурсантов оказался в небольшой светлой комнате. У дверей висел пышный гобелен на евангельский сюжет; стены украшали изящные росписи, а в центре комнаты, на фоне высоких расшторенных окон возвышались два деревянных киота, где под стеклом хранились картины в резных рамах.

— Мы с вами находимся в зале Рафаэля,— торжественно чеканя слова, произнесла наша ведущая.— Эрмитаж обладает двумя шедеврами итальянского живописца. Это его раннее тондо «Мадонна Конестабиле» и картина «Святое семейство», известная еще как «Мадонна с безбородым Иосифом». Они составляют гордость эрмитажной коллекции...

Ее мерный голос разносился под сводами зала, я внимательно слушал его, разглядывая картины, и тут обнаружил любопытную деталь. В киотах находилось четыре холста: два принадлежали кисти Рафаэля, а два других были написаны Перуджино и кем-то из его учеников. Между тем было очевидно, что предназначались киоты для картин одного художника: они были единообразно выполнены, помещены в «персональном» зале, и нерафаэлевские полотна откровенно не вписывались в них. Создавалось впечатление, что ими заменили другие картины, которые раньше находились здесь,— и именно картины Рафаэля. Выглядело все очень странно, и, едва наш гид закончила рассказ, я спросил ее об этом, ожидая на естественный и простой вопрос получить столь же простой ответ. Но случилось неожиданное. Экскурсовод заметно опешила, удивленно посмотрела на меня, а потом, неловко помолчав, сказала:

— Так было всегда.

Ну что же, всегда так всегда. Вскоре я уехал из Ленинграда. Дни потекли за днями, и наверняка тот эпизод стерся бы, если б однажды мне не попалась стародавняя книжка об Эрмитаже, где упоминалось с полдюжины картин Рафаэля, некогда хранившихся там (!). Этот факт ошарашил меня. Я вспомнил перипетии той экскурсии, свои сомнения и решил во всем разобраться.

Однако экскурс в новейшие каталоги ничего не дал и лишь подтвердил, что в Эрмитаже хранятся всего две картины «несравненного Санцио» — те самые, о которых довелось тогда услышать. Тогда я обратился к дореволюционным источникам, и тут меня ожидало удивительное открытие. В каталоге картинной галереи Императорского Эрмитажа А. И. Сомова я обнаружил подробное описание пяти картин Рафаэля, и при этом три из них репродуцировались! Помимо упомянутых,там значились: «Святой Георгий, убивающий дракона» (из собрания Кроза), «Портрет старика» (из коллекции нидерландского короля Вильгельма II), а перед ними — тондо «Богоматерь с младенцем Христом и Иоанном Крестителем», всемирно известное под названием «Мадонны дома Альбы». И если о портрете я не имел ни малейшего представления, да и «Святой Георгий» мне мало что говорил, то «Мадонну Альбу» я не мог не узнать. Ее приобрел для Эрмитажа в 1836 году Николай I. Там она впоследствии и находилась, а иностранные искусствоведы даже стали именовать ее «петербургской мадонной».

Это был сюрприз! Рафаэль написал всего три тондо, которые символизировали как этапы его жизни и творчества, так и этапы эволюции итальянского Ренессанса: юность, зрелость, начало увядания. Одно из них — «Мадонна в кресле» — хранится во Флоренции, в галерее Питти, а два других, стало быть, хранились в Эрмитаже. «Мадонна Конестабиле» и ныне там, а вот «Мадонна Альба» украшает сейчас стены вашингтонской Национальной галереи. Но как она оказалась там? Я обложился нашей искусствоведческой литературой, но ничего не нашел, выяснив лишь, что «Портрет старика» по-прежнему находится в Эрмитаже, только сейчас его приписывают кисти Ридольфо Гирландайо. А вот куда делся «Святой Георгий» — осталось для меня загадкой.

Прошло время. Читая переписку В. И. Сурикова, я обнаружил письмо, датированное 17 мая 1884 года. В нем Суриков описывает свои впечатления от посещения Венеции: «Наша эрмитажная Венера с зеркалом чуть ли не лучшее произведение Тициана. Вообще к нам в Эрмитаж самые лучшие образчики старых мастеров попали». И тут же редакционная ссылка: «Картина Тициана «Венера перед зеркалом» ныне в Национальной картинной галерее в Вашингтоне».

Что за чертовщина! Выходит, и этот шедевр хранился в Эрмитаже?! Проверил — и точно: картина входила в состав галереи Барбариго, приобретенной для Эрмитажа в 1850 году за 525 тысяч франков. Из этой галереи, собранной еще в XVI веке, происходят почти все эрмитажные картины Тициана. Среди них была и «Венера перед зеркалом» — любимое детище венецианца. От этой картины исходит целая традиция в европейской живописи Нового времени — от Рубенса и Веласкеса до Делакруа и Эдуарда Мане. Александр Бенуа считал ее «наиболее драгоценным перлом Эрмитажа».

Это открытие сразило меня, но оно было отнюдь не последним. Вскоре мне попалась маленькая книжечка «Рембрандт», написанная в 1926 году искусствоведом М. В. Доброклонским. В конце ее он привел список 42 полотен Рембрандта, хранящихся в Эрмитаже. Для непосвященных дам справку: согласно каталогу Эрмитажа 1981 года, в музее хранится 24 подлинника Рембрандта и 4 картины, где авторство находится под вопросом. Четыре картины были переданы в ГМИИ имени Пушкина в Москву. Но где остальные?

Оставив дела, я с головой окунулся в эрмитажные каталоги разных лет, и их сравнение стало дарить мне сюрприз за сюрпризом. За короткий срок я отыскал десятки известных произведений искусства, которые загадочным образом исчезли из Эрмитажа и осели за рубежом. Боттичелли и Перуджино, братья ван Эйки и Рафаэль, Веронезе и Тициан, Рембрандт и Хальс, малые голландцы и фламандцы, французы, испанцы, немцы... Одни лишь картины Рубенса и Ван Дейка могли бы составить экспозицию превосходного музея! Я понял, что прикоснулся к тайне. Впрочем, адресаты большинства эрмитажных полотен я довольно быстро установил, а вот КАК они попали туда, долго не мог понять и терялся в догадках.

Развязка наступила неожиданно. И началась она все с той же «Мадонны Альбы». Как-то раз, листая альбом фирмы «Абрамс» о Рафаэле, напротив знакомой репродукции я прочел: «Мадонна Альба»(1511).

Хранилась в Эрмитаже, откуда была продана в коллекцию Меллона и в 1937 году подарена им вашингтонской Национальной галерее». А вскоре я узнал судьбу его удивительной коллекции.

Среди разветвленного семейства Меллонов Эндрю Меллон был фигурой, пожалуй, наиболее колоритной. Еще в молодые годы он увлекся коллекционированием живописи, скупая малых голландцев и милых его сердцу англичан. Но шло время. Росло могущество «алюминиевого короля», и провинциальный Питсбург, где он жил, показался ему тесным. Он едет в столицу, где быстро делает политическую карьеру. Респектабельность, богатство, блеск требовали подобающих атрибутов, и тихое увлечение искусством превращается в жгучую страсть. Он заводит контакты с маршанами, посещает аукционы и торги, мечтая о первенстве. А это было нелегко, ведь большинство шедевров давно осело в музеях Старого Света. Но он не терял надежды, и вот однажды ему фантастически повезло — случилось событие, которое Меллон считал звездным часом своей жизни. Вот что пишет об этом Джон Уолкер — автор монографии о вашингтонской Национальной галерее:

«Величайшим поворотом в коллекционерской деятельности Меллона явилось приобретение им в 1930—1931 годах 21 шедевра из картинной галереи Эрмитажа в Ленинграде...

В конце 1920-х годов вокруг Советского Союза кружился рой дельцов от искусства, жужжавших словно пчелы вокруг сахара. Но Эрмитаж — богатейшая сокровищница искусств — оставался неприкосновенным, пока Калюст Гульбенкян (глава «Ирак петролеум компани».— **А. М.**) не помог русским реализовать на мировом рынке нефть и не уговорил их продать ему ряд произведений искусства из их великого музея, чтобы увеличить запасы твердой валюты. Но вскоре этот скрытный человек проговорился. Он попросил молодого немецкого историка искусств, впоследствии возглавлявшего Матхайзенскую галерею в Берлине, быть его агентом по приобретению произведений искусства в России. Однако тот от его предложения отказался, и Гульбенкян, разгневанный на себя за допущенную ошибку, удалился от русского рынка, о чем впоследствии всегда сожалел.

Вскоре, однако, глава Matthiesen Gallery удостоверился, что русские хотели бы иметь с ним дело, и решил использовать это в своих интересах. Но он сознавал, что у него не хватает ни опыта, ни капиталов для такого рискованного предприятия, и обратился за помощью к Колнагису, возглавлявшему лондонских торговцев искусством, а совместно они установили связь с Ноудлером и его партнерами, которые имели в числе своих клиентов одного из богатейших коллекционеров — Эндрю Меллона, тогда министра финансов США. Кармен Мессмо, их агент, знакомый с Меллоном, немедленно отправился в Вашингтон. Он объяснил, что его фирме необходим капитал для приобретения ряда картин в Эрмитаже, и предложил их Меллону, запросив за посредничество 25 процентов комиссионных. Сделка обещала принести прибыль вполовину от продажной цены, и Меллон не устоял. В течение двух лет он доставил все ноудлеровские картины в Америку, заплатив за них около 7 миллионов долларов... Это приобретение Меллона в Советском Союзе навсегда займет место среди величайших сделок в истории коллекционирования».

Так вкратце выглядят факты в изложении Джона Уолкера. Но они нуждаются в дополнении.

В январе 1930 года, на гребне «великой депрессии» в Нью-Йорке произошло непримечательное событие, которому тем не менее суждено было сыграть заметную роль в культурной жизни Америки тех лет. На базе семейной фирмы Ноудлеров родилась новая компания, объединившая группу нью-йоркских торговцев искусством.

Поначалу новоявленная компания находилась в тени наполненной стрессами деловой жизни Нью-Йорка. Но вот в ноябре 1933 года ее президент выступил с сенсационным заявлением, которое поставило доселе малоизвестную фирму в центр общественного внимания. Он сказал: «Четыре года назад мы получили конфиденциальную информацию, что Советы решили избавиться от ряда великих шедевров искусства... Как только возможность продажи столь выдающихся произведений стала известна нам, мы незамедлительно предприняли шаги для установления контактов с их компетентными властями, боясь упустить исключительный шанс в условиях жестокой конкуренции, существующей в мире искусства. Мы начали переговоры и в течение четырех лет приобрели многие шедевры, привезенные в Россию Екатериной Великой. Советы не были склонны расставаться с ними, сознавая их огромную художественную значимость и культурную ценность. Мы намеревались приобрести «Благовещение», «Распятие» и «Страшный суд» ван Эйка. Четыре месяца они отказывались продать их. Но вот позавчера сделка заключена. «Распятие» и «Страшный суд» ван Эйка — основоположника и величайшего художника нидерландской школы... отныне принадлежат Метрополитен-музею».

Заявление наделало много шума, но выглядело очень странным. Был назван адресат лишь двух картин ван Эйка; какова судьба «Благовещения» и «многих шедевров», купленных Екатериной Великой, осталось тайной. Началось общественное дознание. Факт за фактом стали проясняться детали сделки, и вскоре на страницах прессы замелькало имя Эндрю Меллона. Собственно, еще 10 мая 1931 года — сразу после последней меллоновской покупки — в «Нью-Йорк таймс» промелькнула заметка, что Меллон прячет от налогового ведомства сказочные сокровища, которые неизвестно как приобрел. Тогда сведения вроде не подтвердились. Сейчас же тайное становилось явным, и для Меллона настали черные дни. В мае 1935 года началось предварительное судебное разбирательство по поводу неуплаты им огромной суммы налогов (более 32 млн. долларов). Обвинение серьезное. И вот, дабы избежать скандала (а то и тюрьмы!), Меллон решил сделать широкий жест и подарить коллекцию городу Вашингтону, чтобы на основе ее создать национальную галерею искусств.

22 декабря 1936 года он написал письмо Рузвельту: «Дорогой мистер Президент! В течение многих лет я собирал ценные и редкие картины и скульптуры с той целью, чтобы они в конечном счете стали достоянием народа Соединенных Штатов и были помещены в национальную галерею в городе Вашингтоне, для развития и изучения изящных искусств». Через четыре дня последовал ответ: «Дорогой мистер Меллон! Я совершенно восхищен вашим великолепным предложением... Оно было для меня особенно радостным, потому что я давно чувствовал необходимость создания национальной галереи искусств в столице... Франклин Рузвельт».

Вскоре, однако, Меллон умер. Но, согласно завещанию, собранная им коллекция поступила в дар городу Вашингтону, и этот акт считается датой официального основания одного из крупнейших музеев мира. Впоследствии в него влилось много других частных коллекций, но и поныне «гвоздем программы» в галерее являются бесценные полотна, подаренные ей «стариком» Эндрю. Своим «бескорыстным» даром он убил сразу трех зайцев: избежал скандала и суда, избавился от уплаты налогов (а его наследники стали извлекать немалый доход от кассовых сборов) и навеки прослыл великим благодетелем, осчастливившим американскую столицу.

Коллекция Меллона произвела в Америке фурор. Когда она стала достоянием общественности, в меллоновский особняк началось паломничество ценителей искусства. А Джозеф Дьювин, один из ведущих маршанов тех лет, саркастически изрек: «В результате блестящих покупок Меллона Эрмитаж лишился величайшей в мире коллекции картин; она превратилась в деньги». Вот список этих полотен (в скобках указан их бывший эрмитажный номер):

Ян ван Эйк. «Благовещение» (№ 443). Продана в июне 1930 года за 502 899 долларов.

Боттичелли. «Поклонение волхвов» (№ 3). Куплено для Эрмитажа Александром I в 1808 году, продано в феврале 1931 года за 838 350 долларов.

Перуджино. Триптих «Распятие с Богоматерью, святыми Иоанном, Иеронимом и Марией Магдалиной» (№ 1666). Долгое время находился в Италии; потом в коллекции князей Голицыных и, наконец,— в Эрмитаже. Этот шедевр приобретен Эндрю Меллоном за 195 602 доллара.

Рафаэль Санти. «Святой Георгий» (№ 39). Картина за 745 500 долларов оказалась в Вашингтоне.

Рафаэль Санти. «Мадонна Альба» (№ 38). В 1836 году картина была куплена для Эрмитажа за 14 000 фунтов стерлингов, в апреле 1931 года Меллон приобрел ее за миллион, а ныне ее стоимость на порядок выше.

Веласкес. Эскиз к портрету папы Иннокентия X (№ 418). На этом эскизе воспитано не одно поколение великих русских портретистов — от Брюллова и Репина до Серова и Нестерова. Продан в январе 1931 года за 223 562 доллара.

Тициан. «Венера перед зеркалом» (№ 99.) Продана вкупе с «Мадонной Альбой» за 1 710 558 долларов.

Рембрандт: «Жена Потифария обвиняет Иосифа перед мужем» (№ 794), «Польский гетман» («Ян Собесский», № 811), «Турок» (№ 813), «Дама с гвоздикой» (№ 819), «Девочка с метлой» (№ 826).

Франс Хальс: «Портрет офицера» (№ 773), «Портрет молодого человека» (№ 770).

Веронезе. «Нахождение Моисея» (№ 138). Эскиз к большой картине из музея Прадо.

Ван Дейк. Серия блестящих портретов: Изабеллы Брант (№ 575), Сусанны Фоурмен с дочерью (№ 635), «Фламандка» (№ 581 — парный к эрмитажному № 580), лорда Филиппа Уортона (№ 616), Вильгельма II, принца Нассауского и Оранского (№ 611).

Шарден. «Карточный домик» (№ 1515).

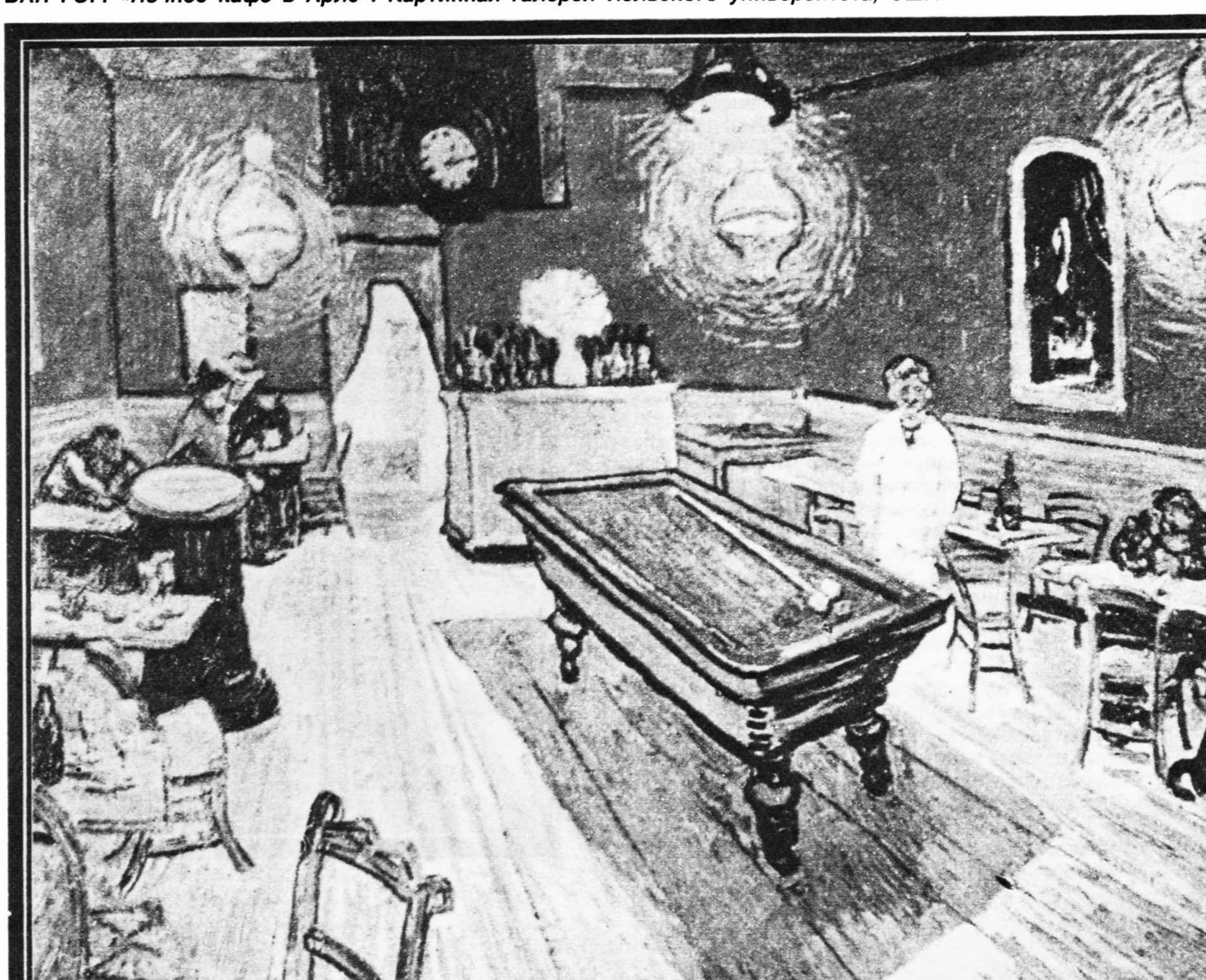
За картины Рембрандта, Хальса, Веронезе, Ван Дейка и Шардена оптом уплачено 2 661 144 доллара; всего за 21 шедевр из Эрмитажа Меллоном на счета «Ноудлер энд компани» переведено 6 654 053 доллара. В 1935 году эти картины были оценены в 50 миллионов долларов, вскоре после войны — вдвое дороже, а об их нынешней стоимости говорить бессмысленно. Они бесценны...

Так завершилось мое знакомство со знаменитой коллекцией Эндрю Меллона. Но это было только начало. Уже занимаясь судьбой меллоновских шедевров, я понял, что коснулся лишь вершины огромного айсберга, об истинных размерах которого могу только догадываться.

Еще одним «пунктом сбора» бывших эрмитажных полотен оказался второй крупнейший американский музей — Метрополитен в Нью-Йорке. Именно там нашел пристанище прославленный шедевр Антуана Ватто «Мецетен», купленный Екатериной II. Он хранился в Эрмитаже до мая 1930 года.

Туда же, в Метрополитен-музей, попал восхитительный портрет Елены Фоурмен кисти Рубенса, из-

ВАН ГОГ. «Ночное кафе в Арле». Картинная галерея Йельского университета, США.



вестная картина Терборха «Концерт», или «Урок музыки» (эрмитажный № 874), «Купальщицы» Ланкре из Строгановского дворца, а также знаменитый складень, принадлежавший князю Д. П. Татищеву. Этот триптих, приписываемый Губерту ван Эйку, включал «Поклонение волхвов», «Распятие» и «Страшный суд». Средник был украден, а боковые створки в 1845 году поступили по завещанию в Эрмитаж, где хранились под № 444 до 1933 года, когда были проданы за 195 000 долларов и впоследствии переданы в Метрополитен-музей из фонда Флетчер.

В филадельфийском Музее искусств я обнаружил шедевр Пуссена «Триумф Нептуна и Амфитриты». Впоследствии эта изумительная картина оказалась в коллекции Кроза, откуда поступила в Эрмитаж, где под № 1400 хранилась до 1932 года, пока не была продана за 50 000 долларов. В «Тимкен галери», в Сан-Диего «уплыло» полотно Рембрандта «Христос и самаритянка», украшавшее стены Строгановского дворца.

Но покупали не только американцы.

В 1660 году, в трудную пору жизни, Рембрандт запечатлел в одном из самых трагических и прекрасных своих портретов предсмертный образ горячо любимого сына Титуса. Удивительный портрет. Он попал в Эрмитаж в 1783 году с коллекцией Бодуэна и последний раз упоминается там в конце 1920-х годов. Потом он исчез и, сменив подряд трех владельцев, оказался в Лувре, куда поступил из собрания Этьена Никола. Сейчас он временно экспонируется в амстердамском Рейксмузеуме.

Там же, в Рейксмузеуме, находится и одна из известнейших композиций Рембрандта «Отречение апостола Петра». Раньше она хранилась в Эрмитаже под № 799.

Своеобразный филиал Эрмитажа открылся в 30-е годы в Лиссабоне. Калюст Гульбенкян, вопреки мнению Джона Уолкера, отнюдь не удалился от «русского рынка». Он успел «кое-что» приобрести, чем существенно пополнил основанный им в португальской столице культурный фонд. Кроме картин Рубенса, Ватто, Терборха, Ланкре, здесь обосновались скульптура Гудона «Диана», картина Дирка Боутса «Благовещение» (в Эрмитаже считалась работой Гуго ван дер Гуса и числилась под № 446); «Портрет пожилого человека» Рембрандта (эрмитажный № 820) — один из выдающихся мужских портретов, который Сомов называет «превосходнейшей картиной художника, относящейся к лучшей поре его деятельности»; «Афина Паллада» Рембрандта (эрмитажный № 809); ряд произведений прикладного и ювелирного искусства, мебели, редких книг.

В Национальной галерее Виктории в Мельбурне отыскался «Пир Клеопатры» Джованни-Батиста Тьеполо. Этот холст (2,49×3,56) был куплен Екатериной II вместе с коллекцией графа Брюля и при императоре Павле I украшал в виде плафона потолок одного из залов Михайловского замка в Петербурге, откуда был передан в Эрмитаж, где хранился до 1932 года под № 317. В Немецком музее в Нюрнберге я обнаружил картину Иоганна Платцера «Концерт» (эрмитажный № 1290), парная к ней картина «Оргия» по-прежнему хранится в Эрмитаже. В Вальраф-Рихардц-музее в Кёльне отыскался «Портрет Ганса Шеленбергера» кисти Бургкмайера, а в Ганновере меня ослепила целая россыпь наших полотен. Среди них были две картины Рубенса (в том числе «Мадонна с младенцем» из бывшего Голицынского музея), пять полотен Ван Дейка, пейзажные работы Верне, Воувермана, Ван де Вельде, Вейнантса...

Находки сыпались как из рога изобилия. Поначалу они исчислялись десятками, потом сотнями; когда же мне попались каталоги зарубежных аукционов 30-х годов и книга профессора истории Роберта Вильямса «Русское искусство и американские деньги», я понял, что речь идет о тысячах и десятках тысяч произведений искусства, о культурной катастрофе невиданных масштабов, осознать которую и детально разобраться во всем нам еще предстоит. Но главное проступает уже сейчас и позволяет сделать определенные выводы.

Слухи о том, что распродают Эрмитаж и сокровища частных собраний, ходили по миру еще с начала 20-х годов. Расположение мировой общественности к Советской России во многом определялось отношением новой власти к культурному наследию прошлого. В 1924 году Бенуа писал: «В мою недавнюю бытность за границей, в беседах с людьми... наибольшее впечатление производили те мои рассказы, в которых я сообщал о сохранности всех драгоценностей, доставшихся революции в наследство от старого строя. Эти мои сообщения опровергали тенденциозные слухи, что после Октябрьской революции все было расхищено и уничтожено. Симпатии к СССР в самых широких западноевропейских кругах завоевывали именно подобные, подтвержденные действительностью опровержения».

Борьба против обвинений большевиков в варварстве и бескультурье была одной из основных задач советской внешней политики в первое послеоктябрьское десятилетие. С этой целью устраивались показательные выставки внутри страны и за рубежом, издавалась специальная литература, организовывались ознакомительные поездки известных западных деятелей культуры и искусства. Одна такая поездка, быть может, самая примечательная, состоялась весной 1924 года, когда Москву и Ленинград посетил популярный английский путешественник и коллекционер, член британского парламента Мартин Конвей. Он приехал в Советский Союз с намерением изучить положение евреев при Советской власти, но по приезде его увлекло совсем иное. Ему была предоставлена возможность широчайшего ознакомления с художественными сокровищами России.

Цель этой акции представляется сейчас весьма двойственной: с одной стороны, по возвращении в Англию Конвей издал книгу «Сокровища искусства в Советской России», в которой, как очевидец, утверждал, что они целы и невредимы; а с другой стороны — ему были показаны как раз те коллекции и произведения искусства, которые вскоре стали предметом сенсационных торгов. Книгой заинтересовались западные коллекционеры и дельцы. Первым на нее откликнулся друг Конвея Джозеф Дьювин, подробно выспрашивавший его, что где лежит и как к этому подступиться. За ним последовали другие. Но до времени их мечта оставалась несбыточной. В конце 1924 года глава советской торговой делегации в Лондоне Ф. И. Рабинович заявил корреспонденту одной из английских газет, ссылаясь на письмо директора Эрмитажа Тройницкого, что «появившиеся в британской прессе статьи об обширных распродажах музейных ценностей из русских музеев, и в первую очередь из ленинградского Эрмитажа, ...не имеют под собой никаких оснований».

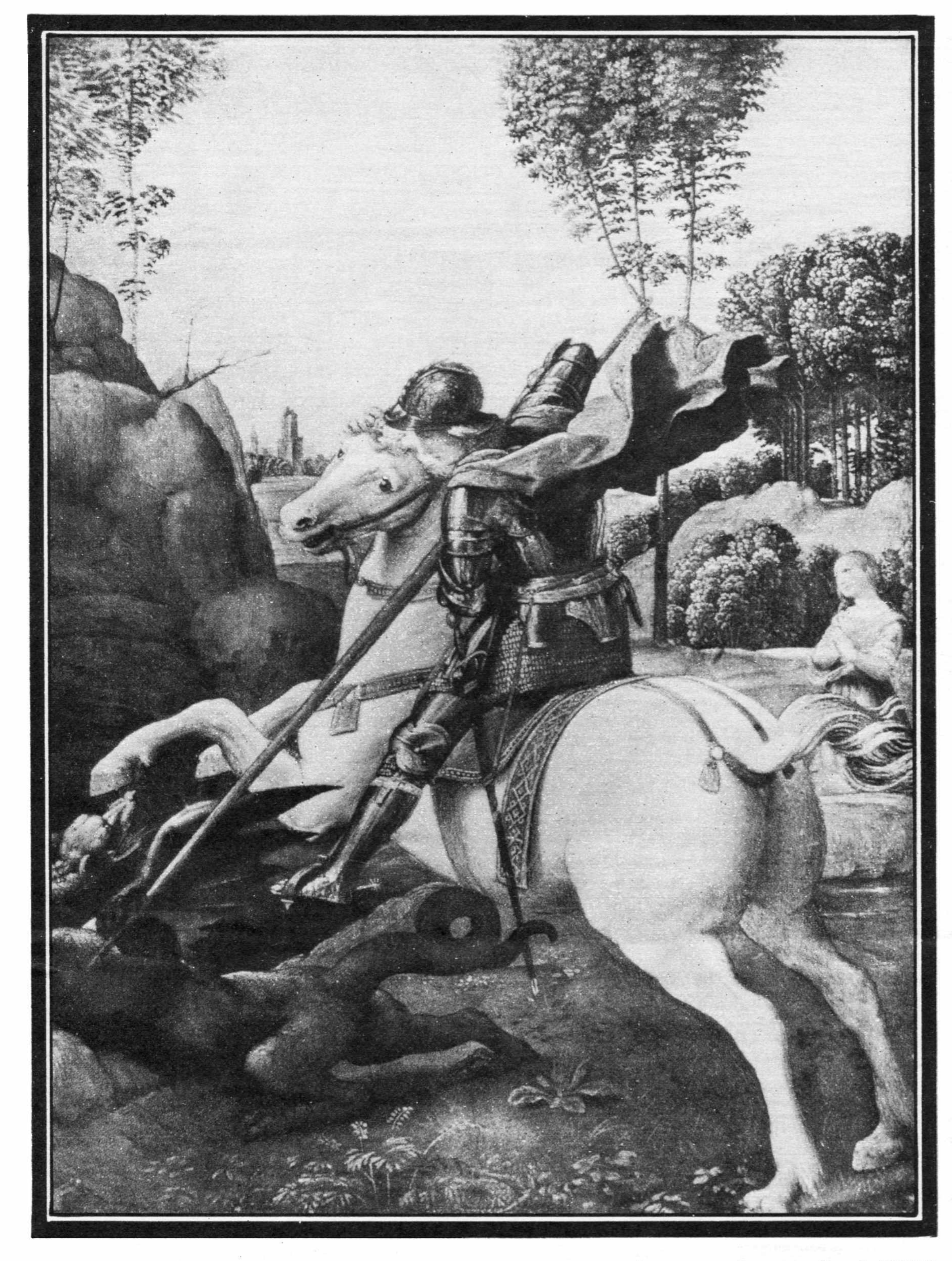
Но вскоре основания появились. Осенью 1927 года влиятельный французский маршан Жермен Селигман был крайне заинтригован предложением советского торгового представителя в Париже Георгия Пятакова принять участие в одном «рискованном коммерческом предприятии». Ему предложили произвести в СССР отбор произведений искусства для иностранных покупателей. Он со своим другом отправился в Москву. Однако там его ожидало разочарование. Визитеру предложили на выбор несколько сотен хрустальных жирандолей и люстр, малахитовых столиков, ювелирных украшений и картин из национализированных частных собраний, но это было не то. Ни о Ватто, ни о Пуссене, которые его интересовали, речи не шло. Несолоно хлебавши, Селигман вернулся в Париж.

Однако через несколько месяцев его посетила другая советская делегация и предложила организовать массовую распродажу культурных ценностей из Советского Союза, обещая при этом полную свободу действий. Предложение было заманчивое, но и опасное,— ведь в Париже обосновалась мощная колония русских эмигрантов, которые могли сорвать торги и потребовать возвращения конфискованного у них имущества. Селигман попытался заручиться поддержкой французского правительства, но оно заявило, что не может гарантировать успех этому «рискованному предприятию». Трудности казались непреодолимыми, и Селигман отступился. Провалом закончилась и попытка организовать торги в Англии. Тогда взоры советских официальных представителей обратились к Германии и США.

...А в это время в Москве шла отчаянная борьба за судьбу Эрмитажа. Собственно, негласная торговля культурными ценностями на валюту шла уже давно,

РАФАЭЛЬ.
«Святой Георгий».
Вашингтон, Национальная галерея.

ВАН ДЕЙК.
«Принц Нассауский и Оранский».
Вашингтон, Национальная галерея.



но это была в основном реквизированная церковная утварь, картины художников-авангардистов и имущество, изъятое после революции и переданное в Государственный музейный фонд. Национальные сокровищницы искусства и в первую очередь Эрмитаж оставались неприкосновенными. Но настал и их черед. Это было ответственное историческое решение. Ведь предстояло не только фактически отменить все ленинские декреты, запрещавшие вывоз и продажу за границу предметов особого художественного и исторического значения, но и выставить себя в определенном свете на суд мировой общественности и потомков. И вот осенью 1928 года такое решение было принято. Все полномочия по его реализации возлагались на Комиссариат внешней торговли и лично на наркома А. И. Микояна. Эрмитаж был отдан на откуп торговле.

Бесплодные попытки спасти музей предпринимал Луначарский. 28 сентября того года у него состоялся нелицеприятный разговор с Микояном. Потом он апеллировал к Сталину. Безрезультатно. А уже через месяц в Берлине и Вене были организованы первые аукционы по распродаже сокровищ Эрмитажа, дворцов Петербурга и национализированных частных собраний. Аукцион «Лепке хаус» 2 ноября 1928 года назывался так: «Дворцы и музеи Ленинграда: Эрмитаж, Михайловский дворец, Гатчина». Таким же был аукцион «Доротеум». И хотя русским эмигрантам удалось снять с торгов ряд вещей, аукционы все же состоялись, хотя уровень цен был разочаровывающе низким.

Однако сам факт распродаж вызвал сенсацию, и слухи о нем заполонили Америку. Зимой 1928/29 года с Армандом и Виктором Хаммерами, жившими тогда в Москве, связался из Нью-Йорка их брат Гарри и сообщил, что синдикат американских торговцев искусством хочет сделать предложение Советскому правительству; если Хаммеры помогут им, то можно рассчитывать на 10 процентов комиссионных за каждую проданную картину. Братья немедленно увиделись с директором Антиквариата Николаем Ильиным и его агентом по экспорту произведений искусства Шапиро. Тот поначалу возмутился, а потом в доверительной беседе сообщил, что «Советское правительство намеревается распродать сокровища Эрмитажа», и в конце добавил: «Если ваши друзья в Америке захотят сделать предложения, мы обязуемся представить их на рассмотрение соответствующих властей, ну а там будут решать».

Уже через два дня синдикат предоставил список сорока шедевров картинной галереи Эрмитажа, за которые он предлагал 5 миллионов долларов. Шапиро оскорбился: «Они что думают, мы дети? Не представляем, сколько это может стоить в Париже, Лондоне или Нью-Йорке? Если хотят вести дела серьезно, пусть делают серьезные предложения». И тут же подал пример. Он взял эрмитажный каталог и, ткнув пальцем в «Мадонну Бенуа» Леонардо да Винчи, предложил два с половиной миллиона долларов. К великому счастью, американцы предложили только два, и «Мадонна Бенуа» осталась в Советском Союзе. Торги еще продолжались, но партнеры так и не сошлись в цене, и эрмитажный выход на американский рынок искусства пришлось на год отложить.

А между тем дело двигалось, и вскоре заработал еще один канал утечки эрмитажных сокровищ, который открылся после встреч Калюста Гульбенкяна с Георгием Пятаковым, теперь уже главой Государственного банка СССР. Этот банк осуществлял все валютные операции с заграницей, включая продажу культурных ценностей через Антиквариат.

Свою первую покупку Гульбенкян сделал летом 1929 года, когда за 54 000 фунтов стерлингов приобрел 24 золотых и серебряных изделия французской работы XVIII века, две картины Гюбера Робера с видами Версаля, «Благовещение» Дирка Боутса и письменный стол короля Людовика XVI. Зимой того же года начались переговоры о второй сделке. Гульбенкян запросил 15 изделий из серебра работы придворных французских мастеров и «Портрет Елены Фоурмен» кисти Рубенса. В конце концов французское серебро и портрет Рубенса за 155 000 фунтов стерлингов отправились в Лиссабон. А в мае 1930 года через ленинградский Антиквариат Гульбенкян приобрел за 140 000 фунтов стерлингов «Диану» Гудона и пять картин Рембрандта, Терборха, Ватто и Ланкре.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось, но вскоре во взаимоотношениях партнеров наступило охлаждение. И, приобретя в октябре за тридцать тысяч фунтов стерлингов «Портрет пожилого человека» Рембрандта, Гульбенкян удалился от эрмитажных дел. Но перед этим он написал любопытное письмо Пятакову, датированное 31 июля. В нем говорилось: «Вы знаете, я всегда придерживался мнения, что вещи, которые многие годы хранятся в ваших музеях, не могут быть предметом распродаж. Они не только являются национальным достоянием, но и великим источником культуры и национальной гордости. Если продажи осуществятся и факт их станет известен, то престиж вашего правительства пострадает. Для России это ошибочный путь, и он не принесет значительных сумм для пополнения финансов государства. Продавайте что хотите, но только не музеи, ибо разорение национальных сокровищниц вызовет серьезные подозрения. Если вы не нуждаетесь в иностранном доверии, то можете делать все что пожелаете, но лучше извлекать пользу от такого доверия, чем делать то, что принесет заведомый вред. Не забывайте, что те, чьего доверия вы добиваетесь, являются и вашими потенциальными покупателями. Я искренне убежден, что вы не должны ничего продавать даже мне. Говорю так, чтобы вы не подумали, будто я написал это из желания остаться единственным покупателем».

Запомним это мудрое предостережение. Но тогда оно воздействия не возымело. Маховик был закручен, и никто из власть имущих не пожелал его остановить. Наоборот, после финансовой осечки с первыми аукционами были сняты последние ограничения, и за границу потоком полились шедевры. Уже на втором берлинском аукционе «Ленинградские музеи и дворцы», где продавалось 325 произведений искусства из Эрмитажа, Павловска, Гатчины, Шуваловского дворца и Румянцевского музея в Москве, в числе 109 картин старых мастеров были: две уникальные флорентийские иконы XIV века «Богоматерь на троне», два полотна Тициана — «Святой Иероним» и «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем», блестящий эрмитажный «Портрет курфюрста Фридриха Вайса» Лукаса Кранаха, «Голова Христа» Рембрандта и «Захоронение Христа» Рубенса, «Портрет графини Кутайсовой» и «Женский портрет» (овал) кисти Левицкого, пейзажи Каналетто, Гварди, де Витте, картины Морони, Бассано, Бордоне, Госсарта, Гойена, Мириса, Метсю, Грёза, Буше...

Потом состоялся третий аукцион, четвертый, пятый... Вслед за «Лепке хаус» к торгам подключились немецкие антикварные фирмы «К. Г. Бёрнер хаус», «Герман Баль и Пауль Граупе»; потом «Ноудлер энд компани», синдикат Дьювина, музеи и частные галереи Европы, Америки, Австралии,— и началась десятилетняя вакханалия безумств, во время которой через Германию и Соединенные Штаты растекалась по миру полноводная река отечественных сокровищ — и в их числе тысячи лучших шедевров Эрмитажа. Нет ни одного отдела, ни одной эрмитажной коллекции, которые бы не пострадали. Распродавались картины и керамика, ювелирные украшения и стекло, изделия художественного металла и оружие, гобелены и скульптура. Была распродана крупнейшая в Европе коллекция рыцарских доспехов — ее жалкие остатки можно сейчас видеть в Рыцарском зале Эрмитажа. А в мае 1932 года на аукционе в Лейпциге распродавалось богатейшее эрмитажное собрание рисунков и гравюр.

Всю свою жизнь великий русский путешественник Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский собирал живопись нидерландской, фламандской и голландской школ. И собрал крупнейшую в мире коллекцию (более 700 произведений свыше 400 мастеров), которую не отдал сыновьям, а подарил Эрмитажу, чтобы служила она народу, и этот его бескорыстный дар первым делом выбросили на подмостки торгов. Что продали, а что осталось, не знают даже правнуки

собирателя, которым дипломатично показали в Эрмитаже тридцать «семеновских» картин. Такая же участь постигла десятки русских частных коллекций, подаренных Эрмитажу или переданных туда после национализации.

Для «успешного» проведения аукционов в Германию были направлены лучшие специалисты. С 1928 по 1933 год членом экспертно-оценочной комиссии при Всесоюзном объединении «Антиквариат» был В. Ф. Левинсон-Лессинг, командированный в качестве эксперта в торгпредство СССР в Берлине. Такую миссию выполняли и другие искусствоведы. Аукционные каталоги «Рудольф Лепке хаус» предварялись броским аншлагом: «По поручению торгового представительства Союза Советских Социалистических Республик». О торгах трубили газеты.

Но, несмотря на все меры, эпопея немецких «русских аукционов» потерпела полное фиаско: спрос был небольшим, а уровень цен смехотворно мал. Об этом говорят сводки аукционных каталогов, которые составлялись по их итогам. Например, на аукционе фирмы «Баль и Граупе» 26—27 февраля 1932 года. Из 40 картин западноевропейских мастеров 22 остались непроданными. Из 14 цветных европейских гравюр было продано только 10. Всего из 97 эрмитажных вещей было продано 57; выручено за них 46 862 марки при лимите 45 835 марок.

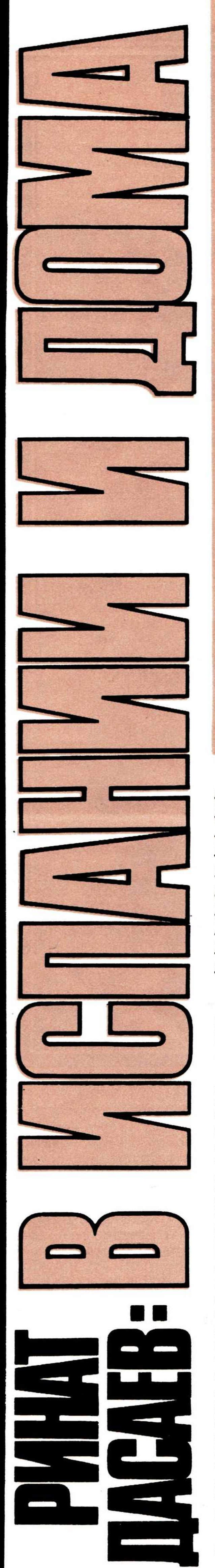
Как правило, на международных аукционах уровень продажных цен во много раз превышает уровень цен лимитных. Здесь же, как видим, они практически совпадают. И это еще хороший результат. Часто бывало хуже, и вещи продавались ниже лимитного предела. Например, на весеннем берлинском аукционе того же года уровень продажных цен составлял лишь 30—50 процентов от лимитов, заявленных в каталоге. Чтобы как-то покрыть провалы аукционных торгов, «специалисты» из Антиквариата прибегали к целевым распродажам наиболее выдающихся произведений искусства. Так, в том же, 1932 году они продали «в нагрузку» такие шедевры, как «Триумф Нептуна и Амфитриты» Пуссена, «Пир Клеопатры» Тьеполо, парный мужской портрет Рембрандта и «Оплакивание Христа» Ван Дейка, а год спустя — «Отречение апостола Петра» Рембрандта и «Татищевский складень» Губерта ван Эйка, выручив за них около миллиона долларов.

К 1933 году, когда торги достигли пика, их полная абсурдность стала очевидной. Зарубежные средства массовой информации писали: «Эрмитаж все сильнее истощается. Многие произведения искусства распродаются с минимальной для великого государства пользой по прихоти политиканов, которые мнят себя апостолами культуры»,— и призывали эрмитажников «предпринять любые шаги для спасения музея». И вот, словно услышав эти призывы, Иосиф Абгарович Орбели, еще не будучи директором Эрмитажа, в октябре 1932 года написал письмо Сталину, в котором убеждал его прекратить разбой. Письмо касалось отдела Востока, хранителем которого был Орбели, и одобрительный ответ с подписью в конце: «С глубоким уважением И. Сталин» — спас эти сокровища. Но остальное продолжали грабить! — и только в 1934 году грабеж Эрмитажа был прекращен. Прекращен у крайней черты, за которой великий музей перестает быть великим. Ибо Эрмитаж лишали звезд, а беззвездное небо способно восхитить лишь слепого. Но спасли Эрмитаж от гибели не письмо Орбели и не сталинская милость (он знал о торгах и самолично санкционировал их), а только то обстоятельство, что торги эти выполнили свое назначение, и то, что к власти в Германии пришел Гитлер.

Однако шесть долгих лет «культурного террора» нанесли Эрмитажу огромный урон. Это были самые трагические годы в жизни музея. По священным залам национальной сокровищницы искусств, как по своей вотчине, ходили иностранные дельцы в сопровождении работников Антиквариата и ОГПУ. Они тыкали пальцами, назначали цены, и любая вещь, на которой сходились в цене, отправлялась за границу. Покупатели приезжали по ночам. Ну, а если днем, то работников музея просто выгоняли из залов или, в лучшем случае, позволяли сопровождать груженную шедеврами тележку. За ней шли заплаканные люди. Легенды об этих похоронных процессиях до сих пор живут в Эрмитаже.

Драматически сложилась и судьба документов об этих событиях: они сгорели в блокаду вместе с частью эрмитажных архивов. Но впоследствии список потерь удалось восстановить, и сейчас он хранится в Эрмитаже. Как хранятся в музейной библиотеке каталоги тех аукционов, где разноцветными карандашами проставлены суммы в марках, за которые продана та или иная вещь, или же красной тушью аккуратно выведено «Z» или «н/п», что означает «не продано». Траурный список Эрмитажа давно пора опубликовать, как и написать правдивую книгу о случившемся, ничего не выдумывая и не тая. Это долг эрмитажников перед народом. И я верю, что такая книга будет написана...

(Продолжение следует.)



РИНАТ ДАСАЕВ: В ИСПАНИИ И ДОМА

РИНАТА Я НЕ ВИДЕЛ ОКОЛО МЕСЯЦА, С САМОГО ОТЛЕТА ЕГО; ПОСЛЕ ОДИННАДЦАТИ СЕЗОНОВ В «СПАРТАКЕ» И ШЕСТИ — В СБОРНОЙ ОН ЗАКЛЮЧИЛ ДВУХГОДИЧНЫЙ КОНТРАКТ С ОДНИМ ИЗ СИЛЬНЕЙШИХ ИСПАНСКИХ КЛУБОВ — «СЕВИЛЬЕЙ». В КАНУН НОВОГО ГОДА ДАСАЕВ ПРИЛЕТЕЛ НА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В МОСКВУ ЗА СЕМЬЕЙ, ЖЕНОЙ НЕЛЛИ И ДОЧУРКОЙ ЭЛЬМИРОЙ, И МЫ УСЛОВИЛИСЬ О ВСТРЕЧЕ. ПЕРВОЕ, ЧТО БРОСИЛОСЬ В ГЛАЗА,— ЗНАМЕНИТЫЙ ВРАТАРЬ ЗАМЕТНО ПОХУДЕЛ. И ПРЕЖДЕ НЕ ИМЕВШИЙ НИ ГРАММА ЛИШКУ, СЕЙЧАС ОН ЯВНО НЕДОБИРАЛ НЕСКОЛЬКИХ КИЛОГРАММОВ. В ЧЕМ ДЕЛО, РИНАТ?

— Тоска заела. Тяжело мне дается разлука с моим «Спартаком» и Родиной. Очевидно, я из тех, в ком ностальгия непобедима — ни умом, ни сердцем. Идешь по Севилье — экзотика, люди доброжелательные, приветливые, а у самого на душе: как там у нас? Особенно трудно по ночам. Чего почти никогда со мной не бывало — даже бессонница стала навещать. Лежишь в своем шикарном номере,— грех обижаться, здесь постарались, чтобы условия у меня были что надо, но лежишь — то улицы астраханские и первый мой стадион перед глазами, то снежок московский тихо-тихо опускается на плечи. Пытаюсь, конечно, контролировать свои чувства, загоняю тоску так глубоко внутрь, чтобы она высунуться не смогла. Верите, порой даже думалось, что, если бы не угроза дисквалификации и огромная неустойка по контракту, бросил бы все — и в Москву, на Ширяево поле, в Тарасовку — там, где мой вечный магнит — «Спартак». Не раскисай, одергиваю себя чуть ли не вслух. Из формы выйдешь, что скажут в новом клубе, слава, мол, далеко впереди него бежала. Словом, прожил я не лучшие свои три недели, отстоял за это время три матча. Старался, конечно, но ловил себя на мысли, что вдохновения и азарта прежнего пока не обрел. Теперь при семье будет легче.

— Как вы думаете, тоскует ли по родине Марадона?

Ринат улыбается.

— Понимаю, куда клоните, что имеете в виду. Встречу Диего, обязательно спрошу об этом. А если говорить серьезно, то думаю, что непременно тоскует, и не только по аргентинскому танго. Так же, как и наши Хидиятуллин, Гаврилов, Шавло, Блохин, Буряк, Заваров, связавшие свою судьбу с иностранными клубами. Хотя я и не уполномочен говорить от их имени, но уверен, что не ошибаюсь. Тоска по родной земле все равно сказывается, каким бы сильным или, наоборот, беспечным ни был характер у спортсмена. Осмелюсь даже заключить, что мне и, полагаю, другим нашим «иностранцам» труднее адаптироваться, чем, скажем, тому же Марадоне. И дело тут не только в уровне мастерства, в первую очередь не в нем.

— А в чем же?

— На мой взгляд, причина в том, что и Марадона, и, скажем, Гуллит или ван Бастен уже с детских лет формируются как профессионалы. На их глазах происходит утечка футбольных талантов — их земляков в именитые богатые иностранные клубы. И сами они уже юниорами мечтают о том времени, когда их выгодно продадут — выгодно и для них самих, и для клуба. Это воспринимается очень естественно, в порядке вещей. Для нас такое положение внове, мы к нему еще попросту не привыкли, поэтому чувствуем себя на чужбине, конечно, с разной степенью остроты у каждого, какое-то время как бы не «в своей тарелке».

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Но думаю, что уже для следующего поколения наших мастеров, к которым проявят интерес зарубежные клубы, проблема не будет стоять столь остро: они уже могут исходить из нашего опыта, да и в обществе по-другому будут восприниматься такие сделки.

— Вы сказали об утечке талантов в применении к мировой практике. В прессе уже были письма болельщиков о том, что, разрешив нашим «звездам» играть в зарубежных клубах, мы лишь обедняем свой футбол — ведь зритель шел «на Заварова», «на Дасаева», «на Блохина», а теперь лишен этой возможности. Как вы смотрите на эту проблему?

— Резон в таких сомнениях, конечно же, есть. Нелепо было бы не замечать остроты ситуации. Не секрет, что без Блохина, а потом и без Заварова даже такой мощный клуб, как киевское «Динамо», смотрелся скучнее, так же как и «Спартак» без такого яркого и самобытного игрока, как Вагиз Хидиятуллин.

— О себе вы умалчиваете?

— Ну, о себе говорить неловко, да и вратарь — особая фигура. Я имею в виду полевых игроков. Хотя последнее время все чаще и чаще иностранные клубы приобретают и классных вратарей: к примеру, бельгийца Пфаффа, западного немца Шумахера. Руководители нашего футбола хорошо изучили зарубежную практику приобретения звезд. Но, по-моему, при этом не замечают одного существенного момента. Положение «там» обстоит несколько иначе: никто не запрещает клубу вместо своей «звезды», выгодно уступленной зарубежному клубу, приобрести большого мастера из другой страны. Часто происходит как бы обмен выдающимися мастерами, не прямой, конечно, но обмен с соответствующими выплатами. У нас же, скажем, ушел из «Спартака» в «Тулузу» ключевой игрок обороны — и какое там! — нет взамен «звезды» ни из своих пределов, ни тем более из заморских.

— Какой же выход?

— Надо быстрее растить своих новых «звезд» вместо уехавших по контрактам. Уверен, что раскрепощенные игроки, не оставшиеся на скамейке запаса, проявят себя в деле гораздо быстрее. Хотите пример? Несколько сезонов меня подпирал в «Спартаке» Станислав Черчесов — парень с незаурядными способностями, лишь эпизодически выходивший на замену. Решился на переход в «Локомотив» — и в бессменных играх заблистал. Бриллиант, как говорится, сверкает после шлифовки. А пребывание в вечном запасе, на вторых ролях — в поле ли, в воротах гасит талант.

— Уж если мы заговорили о вратарях, то кого из ныне играющих стражей ворот вы могли бы выделить?

— Вы, конечно, ждете от меня конкретных фамилий? Не посчитайте за осторожность, уклончивость или тем более за взгляд свысока, но я их не назову. Советский футбол никогда не был обделен высококлассными голкиперами. Не забудем, что «Золотой мяч» лучшего футболиста Европы был присужден всего трем нашим футболистам, и среди них один вратарь — Лев Яшин. Я довольно хорошо знаком с историей нашего футбола и знаю, что у нас никогда не было «безвременья» на высококлассных вратарей — всегда сияло несколько звезд, да и рядом были такие, что не меркли в их тени. Считаю, что сейчас в нашем высшем эшелоне есть по крайней мере 3—4 вратаря мирового класса. Кто? (Ринат улыбнулся.) Настоящий болельщик их всегда выделяет и сам. Но этих трех-четырех подпирают другие почти во всех командах высшей лиги, лишь на «чуть-чуть» уступающие им по классу. Да и первая лига не обделена талантливыми стражами ворот.

— Вы так любовно говорите о вратарях, что даже трудно представить, как перенесете в будущем расстава-

ние с воротами. Наметили ли вы для себя возрастную «планку»?

— Наверное, даже самый беспечный вратарь думает о ней с грустью и заранее. Мне 31. Чувствую себя хорошо, да и бесстрастная медицина объективно свидетельствует об этом. В мировом, да и в нашем футболе было и есть немало вратарей-«долгожителей». Дино Зофф — тренер итальянского «Ювентуса» — стоял в воротах клуба и сборной до 42 лет. И как стоял! Наша живая легенда — Лев Иванович Яшин играл за московское «Динамо» до 41 года. Бельгийцу Пфаффу далеко за 30, а он в строю. Я соблюдал режим, травмы — только «производственные», по счастью, такие, что терпеть можно. Не будет новых — и в охотку можно поиграть еще пять-шесть сезонов.

— Многие известные мастера, расставаясь с большим спортом, отходят от него. Каким вы видите свое будущее? Год назад вы создали детскую школу вратарей — «школу Дасаева», сейчас волею судеб покидаете ее. Не думаете ли, вернувшись после истечения контракта, возродить ее в рамках футбольного союза или «Спартака»?

— Откровенно говоря, со школой у меня не получилось. И не потому, что поостыл к своей идее. Просто действующему вратарю, особенно если он занят на нескольких «фронтах» — в клубе и сборной, невероятно трудно со временем. Как ни старался почаще бывать с ребятами, ничего не получалось: лимитировало время. Дважды всего позанимался с ними, но во вкус вошел. Конечно же, мысль об организации такой школы будет теперь жить во мне постоянно. Надеюсь, что через годы у меня, «свободного от ворот», появится возможность растить вратарей из одаренных детей.

— По числу игр за сборную страны вы уступаете только Олегу Блохину и Альберту Шестерневу, причем последнему всего на 2 матча. Не опасаетесь, что «разлука» прервет вашу серию игр за сборную?

— Конечно, мечтаю выступать за сборную и дальше. До рекорда Олега Блохина, видно, дотянуть не удастся, подняться же на вторую ступеньку — вполне реально. Но проявят ли тренеры сборной интерес ко мне в следующих сезонах, будет зависеть и от меня, моей спортивной формы. Ведь привлекали же к участию в отборочных матчах чемпионата мира Заварова и Хидиятуллина, и они, как говорится, обедни не испортили. Кстати, условиями контракта с «Севильей» оговорено отпускать меня на матчи в составе сборной СССР. Надеюсь уже в апреле сыграть официальный матч за сборную страны в отборочном цикле очередного чемпионата мира.

— Каким достижением в своей спортивной карьере вы более всего гордитесь? (Честно говоря, задавая этот вопрос, я более всего ожидал услышать в ответ, казалось бы, естественное — признание лучшим вратарем мира в 1988 году.) Ринат, немного подумав, убежденно сказал:

— Тем, что и в «Спартаке», и в сборной товарищи доверили мне быть капитаном. Не назначили «сверху», а избрали — этим я очень дорожу и горжусь. Звание лучшего вратаря — совсем иное дело. А капитанство — признание и мастерства, и определенных человеческих качеств. Но я бы слукавил и был неискренен, если бы не сказал, что мне приятно и радостно то, что я назван лучшим вратарем мира в 1988 году. Только я не закомплексован магией этого признания. Возгордишься, а тем более станешь кичиться (грудь колесом — «я, мол, лучший!») — и не заметишь, как тебя обошли в мастерстве те, кто еще совсем недавно явно уступал тебе. Таких примеров — пруд пруди. Так что — как там сказано у поэта? — работа, работа — до жаркого пота...

— Что вы думаете о Футбольном союзе, который рождается в таких муках?

— Из действующих футболистов в число его учредителей вошли двое — Олег Протасов и я. Не знаю, как Олег, но я, честно говоря, вовсе не участвовал в разработке и обсуждении его Устава, не был и на Учредительной конференции. Тот вариант его, с которым я ознакомился во время своего краткого пребывания в Москве, вызвал у меня ощущение, что неизвестные авторы боятся решительных перемен в нашем футболе, создания принципиально новых структур в управлении им. Я не увидел в нем ничего такого, что бы приподнимало футболиста-профессионала как личность, как гражданина и, извините, как мужчину — главу семейства, заботящегося о доме. Тем более странной мне показалась точка зрения, высказанная на конференции, что Устав Футбольного союза можно было бы принимать уже и в таком виде, а позднее доработать. Зачем эта поспешность? Не зря ведь сказано: семь раз отмерь... Создается впечатление, что кое-кому трудно оторваться от лакомого пирога, а иные ретиво рвутся к нему. А от государственного подхода к делу далеки и те, и другие. Не знаю, подошли ли бы нам болгарская или венгерская модели футбольных союзов, но на конференции, насколько мне известно, никто о них ничего не сказал. Может быть, потому, что в этих странах нет единого Управления футбола и хоккея и там этот вопрос решался проще?

— Разрешите поговорить не на футбольные темы. Вопросы от имени читателей. Первый задают ребята одной из сельских школ Кокчетавской области, где создан «уголок Дасаева». Они спрашивают, какие качества в людях вы более всего цените, что отвергаете, ненавидите?

— В мужчинах ценю прежде всего прямодушие и ответственность — в ней и дисциплина, и чувство товарищества, и готовность помочь в беде; в женщинах — преданность и, само собой разумеется, женственность. Ненавижу злость и злобу. Иногда просто поражаешься, сколько их скопилось в людях и как бездумно и охотно — «запросто» выплескивают они эти «чувства» на окружающих. Доброжелательности — вот чего не хватает нам в повседневной жизни. И еще ненавижу скрытность, жаление исподтишка, не приемлю людей «себе на уме».

— Вы больше всех из вратарей признавались лучшим вратарем сезона и удостаивались приза, учрежденного нашим журналом. Болельщик «Спартака» В. Балабанов из Краснодара спрашивает: «Как Дасаев относится к «Огоньку»?»

— Читаю регулярно. «Огонек» о спорте пишет немного, но всегда старается вскрывать самые острые проблемы — будь то в теннисе, футболе, хоккее или, скажем, положение спортсменов в нашей стране, их права и т. д. Но «Огонек» ценю прежде всего за материалы о перестройке, о проблемах духовной жизни. В Испании мне явно будет недоставать вашего журнала. Выпишу обязательно, если это возможно в Севилье.

— Теперь несколько сугубо «испанских» вопросов. Когда зарубежные клубы стали «охотиться» за вами?

— «Изловили» меня сразу же после чемпионата Европы. Были телексы от нескольких западногерманских и итальянских клубов, но настойчивее всех оказалась «Севилья», предложившая подобную сделку через фирму «Дорна». Оттуда и из клуба быстро прибыли гонцы — менеджер, юрист... И контракт состоялся, хотя сам я долго колебался, взвешивая все «за» и «против».

— В первом интервью с вами один из испанских журналистов сказал, что после сообщения о вашем приезде число членов клуба «Севилья» сразу возросло на пять тысяч человек.

— Рад, если этот факт связывают с моей игрой и приездом. Я убедился, что в «Севилье» дорожат членами клуба, создавая для них много привилегий. Система отношений клуб — болельщики очень продумана и четко действует. Нам этому надо просто учиться, особенно сейчас, когда наш футбол переходит на хозрасчет и самоокупаемость.

— Вы член «Клуба Яшина», сыграли на «0» более двухсот матчей в чемпионатах страны, Европы, мира, на Олимпийских играх, по этому показателю далеко обойдя остальных вратарей. Однако, выступая за «Севилью», в одном из матчей пропустили четыре мяча — четвертый случай в вашей карьере. Чем это объясняется?

— Вернемся к началу нашей беседы. Я рассказывал, как нелегко дается мне адаптация, привыкание к чужой земле. Отчасти объясняю и этим, хотя надо учитывать, и какие голы забивались. Но есть еще два важных момента. Не сочтите за нескромность, но, пожалуй, ни у одного из наших вратарей не было такого напряженного сезона, как у меня,— первенство Союза, Европы, Кубок чемпионов и под занавес — без передышки, без отпуска — контракт с «Севильей». Усталость все-таки сказывается. Знаете, даже эти пять суматошных дней в Москве считаю разрядкой, хоть каким-то отдыхом.

Второй момент — чисто профессиональный, но объяснить его болельщикам надо. Дело в том, что севильский клуб, как почти все испанские, часто применяет искусственное положение «вне игры». Прием очень эффективный. Помните, как часто «спотыкались» на нем наша сборная и клубы в матчах с бельгийцами, датчанами, итальянцами, не всегда находя противоядие. Но прием этот требует от защитников четкости, предельной синхронности. Зазевался игрок обороны — держись, вратарь! — выход форварда один на один с тобою обеспечен. Вот на этом нас и ловили. Да, я пропустил четыре мяча, но никто не кинул камня в мой огород.

— Как вам дается испанский?

— Наверное, срабатывает инстинкт самосохранения — стараюсь не попадать в неловкие ситуации. Сказывается также и опыт общения в многочисленных поездках по всему свету. Выручает разговорник, да и переводчик был временно. Теперь же будет постоянный — от клуба. Первыми словами вместе с «водой» и «хлебом» были чисто профессиональные: слева, справа, беру... Конечно, испанским овладею. А вообще без «языка» в большом спорте плохо. Корю себя, что, будучи школьником в Астрахани, сбегал с уроков иностранного. Да и позже упустил время. Вот теперь и приходится наверстывать.

— Болельщики знают ваш торжествующий жест после забитых «Спартаком» или сборной мячей — высоко поднятые руки, сжатые кулаки. Не изменили ли своей привычке в новом клубе?

— Нет, это уже устойчивый рефлекс. Радостные эмоции в матче просто необходимы.

— Ринат, вопрос на деликатную тему. Его задают в нескольких письмах...

— Извините, что перебью. Если на деликатную, значит, о деньгах? Так ведь?

— Вы угадали, хотя авторы подобных писем почти все оговариваются, что они не любители считать деньги в чужих карманах. Некоторые из них добавляют, что, уступив вас за два миллиона долларов, «Спартак» «продешевил», и сравнивают эту сумму с пятью миллионами, уплаченными итальянским «Ювентусом» за киевского динамовца Заварова.

— Те, кто говорит о двух и пяти миллионах, просто не представляют особенностей подобных сделок, их, если хотите, парадоксов. К тому же в мире есть считанное число сверхбогатых клубов, способных заплатить столько, сколько «Наполи» за Марадону или «Ювентус» за Заварова. Два миллиона долларов — очень высокая цена. Для непосвященных скажу, что в Европе ежегодно совершаются десятки контрактов, при которых даже очень большие мастера уступаются за миллион или даже полмиллиона долларов. Иное дело, что при этом учитываются и интересы клуба и не ущемляется бюджет самих игроков. У нас же и Госкомспорт, и Минфин Союза установили, по сути, кабальные ограничения, определив такой потолок нашей зарплаты за рубежом, что, если бы не премиальные за победы и ничьи, мы бы выглядели сиротами на фоне игроков, приобретенных из других стран. Этот порядок надо менять, подойти к «деликатному» вопросу с учетом реалий сегодняшнего дня.

Что касается лично меня, то я не закомплексован на деньгах. Моя жизненная философия проста: всех денег не заработаешь, поэтому я никогда не завидую, узнав, что кто-то получает больше меня. Подписав контракт, я не остался внакладе: сверх зарплаты (о ней я не могу сказать по условиям контракта) мне полагаются премиальные за победы и ничьи. Кроме того, клуб предоставил мне коттедж, автомашину, переводчика.

— У вас спортивная семья. Нелли — мастер спорта международного класса по художественной гимнастике. Сможет ли она тренировать девчонок на новом месте?

— В Испании, насколько я увидел и понял, этот вид спорта очень популярен, и к Нелли как специалисту в разговорах со мной уже проявляли интерес. А предложат ли ей работу — посмотрим. Во всяком случае, при моем переезде этот вариант не учитывался. Пусть пока тренирует дочку Эльмиру.

— Звонили ли вам из нашего посольства, интересовались, как устроились?

— Признаюсь, я очень ждал такого звонка, хотя помощи никакой не требовалось. В моем положении на первых порах обычное человеческое «как дела?», «все ли в порядке?» воспринималось бы как большая моральная поддержка, тем более что в Севилье нет нашего консульства, ни одного советского гражданина. Но, наверное, в аппарате посольства нет болельщиков, во всяком случае, спартаковских. Может быть, когда будем играть в Мадриде со знаменитым «Реалом», встречусь с соотечественниками — в столице ведь немало наших.

Интервью близилось к завершению. И Дасаев словно почувствовал это, упредил меня: я знаю, что вы пожелаете мне достойно представлять советский футбол. Заверяю болельщиков, что буду стараться со всей ответственностью, которую воспитал в себе,— ответственностью и мастерством. И все же хочу, чтобы в сегодняшней беседе последнее слово было за мной. Шесть раз редколлегия «Огонька» отмечала меня призом «Лучшему вратарю сезона». Я признателен коллективу за высокую оценку моей игры. И вы знаете, огоньковцы почти всегда попадали в «десятку»: всего два раза ваша оценка расходилась с решением Футбольной федерации — она называла меня первым номером восемь раз. А лично с вами — у меня особые счеты: помню, что пять раз из шести приз «Огонька» вручали мне вы.

— Так что я могу считать себя «соавтором» вашего успеха?

Ринат шутку принял.

— Во всяком случае, счастливым талисманом: вот только жаль, что седьмого огоньковского приза — хрустальной вазы или мяча — в моей домашней коллекции, наверное, уже не будет...

— Но почему же? — возразил я.— Вернетесь из «Севильи» и снова будете радовать болельщиков. И, значит, дорога к седьмой вершине не заказана.

— Ну, что ж,— заключил Ринат,— я еще поборюсь всерьез.

Беседу вел Алексей ПАНЧЕНКО.

Н. А. СИЛИС. ДОН КИХОТ. 1987.

Начало на 8 стр.

ственным достоинствам, глубокое по психологическому образу и крепкое по форме.

Неизменный налет non finito только усиливает впечатление от легкости, с которой родилась скульптура. Может быть, поэтому основной материал его — глина. В дальнейшем она закрепляется обжигом и становится керамикой или же переводится в гипс, в медь, в бронзу.

В твердых материалах ему работать несподручно. Эмоция расходуется раньше, чем успевает наметиться возникший в голове образ.

То же самое и в рисунках. Лемпорт не боится чистого листа бумаги. Он никогда не предполагает ошибиться. Поэтому линии его точны, уверенны и ложатся так, как ему хочется. Кажется, что весь процесс рисования для него заключается в том, чтобы не мешать руке прогуливаться по бумаге.

На любое действие извне он реагирует мгновенно. На любое слово или неожиданный вопрос — тоже. Не терпит уходящего из-под носа транспорта и, как правило, догоняет его, вскакивая в захлопывающиеся двери.

Но самым удивительным для меня остается, пожалуй, его способность работать над монументальными произведениями. Это довольно специфический жанр в изобразительном искусстве и далеко не всем, даже очень хорошим художникам, удается сделать здесь что-либо значительное. Несмотря на то, что мы по диплому являемся профессиональными скульпторами-монументалистами и нами на этой стезе выполнено немалое количество работ, каждый новый заказ для нас — травма, эмоциональная травма. Если мгновенно не приходит нужное решение, травма переходит в тяжелое заболевание. Володя, как правило, первым выходит из шока. Сначала в его голове появляется пластический образ. Потом образ начинает насыщаться тематическим содержанием. Появляются люди, характеры, атрибуты, детали. В этот момент важно, чтобы под рукой оказалась бумага, фломастеры или глина в рабочем состоянии. Травма мгновенно сменяется триумфом. И абсолютной убежденностью, что только такое решение может быть у задачи. Поток фантазии в этот момент у него неиссякаем. Я до сих пор не могу понять, каким образом он смог почти мгновенно придумать и нарисовать сложнейший по теме многофигурный рельеф (чуть ли не в сто метров!) для здания посольства СССР в Афинах.

Чем бы Володя ни занимался, он делает это неистово. Захотелось поговорить по-французски с милым человеком — выучил язык. Услышав однажды Брассанса, он полюбил его и двадцать лет потратил на его переводы на русский. А чтобы можно было самому исполнять, научился профессиональной игре на гитаре. И это с рукой, движение которой ограничено пулевым ранением.

Еще штришок. Помню, как лет двадцать назад журналист Ванда Белецкая, которая и подвигла сейчас нас на столь длинные монологи для «Огонька» (ведь скульпторы — народ молчаливый) в пору нашего беззаказья и регулярного отклонения работ на выставки, не выдержала и запричитала: «Что же это такое? Когда же придет ваш час?» Володя Лемпорт, как и подобает истинному мужчине, осадил ее: «Помолчи. Мой час, когда я работаю!» Под этими словами я тоже рад подписаться.

И последнее. На нашей недавней выставке мы с Лемпортом, пожалуй, впервые взглянули на себя и друг на друга со стороны. По-видимому, нам предстоит еще много разочарований, споров и очередных выносов скульптур в дальнюю комнату мастерской. После этой нашей персональной выставки у нас проявилась ностальгия по зрителю. (Выставка широко посещалась.) Художник без зрителя — патология. Выставляться необходимо, но ждать этой возможности по тридцать лет, как ждали мы, вряд ли целесообразно. Мы ищем своего зрителя, пытаемся придумать новые формы общения с ним. Почему бы, например, не организовать встречи в мастерских? Не разрешить самим художникам выпускать мини-каталоги или небольшие буклеты своих работ к таким выставкам? Не организовывать кооперативные выставки в пустующих залах учреждений, фойе кинотеатров и клубов, в парках?

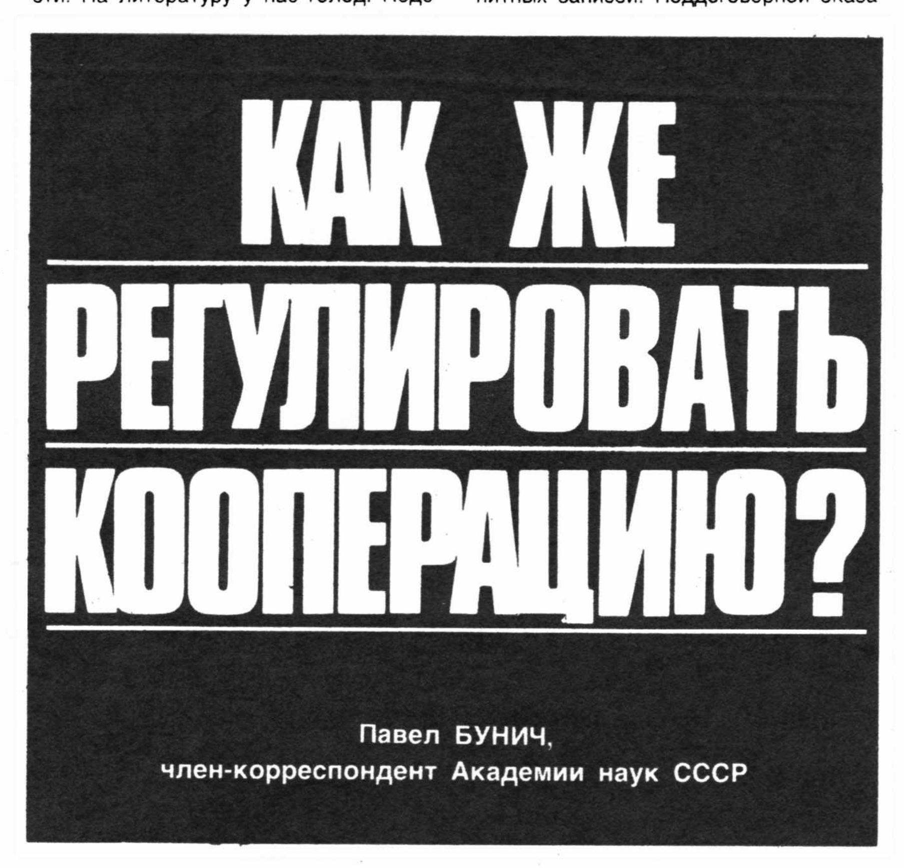
Мы еще не знаем своего зрителя, а он не знает нас. А пора бы уже нам найти друг друга.

Монологи друзей
записала Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Н. А. СИЛИС.
ГРАЦИИ. 1981.

В. С. ЛЕМПОРТ.
АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН. 1970.

ПРОШУ СЛОВА!



Новогодний подарок кооператорам, да и всему обществу: постановление со скромным названием «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР».

Достаточно прочесть приложение к этому документу, чтобы узнать, что «отдельными видами деятельности» именуется весьма крупная часть кооперативного сектора! Настораживает и оговорка: в соответствии с Законом. Вроде бы все, что сейчас делается в стране, должно соответствовать законам — истина эта в постоянном повторении не нуждается. Но здесь, похоже, авторы документа хотели предотвратить возможный упрек в том, что они порой отходят от принципов Закона на старые позиции.

Постановление начинается с утверждения, что оно регламентирует кооперацию в соответствии со статьями 3 и 54 Закона о кооперации. Прежде чем заглянуть в эти статьи, приведем выдержки из других, ибо постановление должно отвечать Закону по всем статьям, а не по некоторым. Статья 1 гласит: государство всемерно поддерживает кооперативное движение, содействует его расширению. Правомерно ли, однако, считать проводимое закрытие ряда кооперативов их всемерной государственной поддержкой? Невольно всплывает ассоциация о веревке, которая таким же способом кое-кого поддерживает. И с каких пор сужение можно рассматривать как тождество расширения? Прежде эти понятия считались полярными.

Во вводной части Закона утверждается, что он направлен на «равноправное взаимодействие государственного и колхозно-кооперативного секторов». Постановление же вводит длинный перечень видов деятельности, которыми кооперативы вправе заниматься только на основе договоров, заключаемых с предприятиями, организациями и учреждениями, для которых эти виды деятельности являются основными. Иными словами, работа кооперативов ставится в зависимость от согласия высоких сюзеренов. Во многих случаях, думаю, такое согласие они получат. За хорошие отношения, услуги, мзду в собственный карман, эквивалентную бюрократическому рэкету (в дополнение к существующим поборам «отдельных» местных органов милиции, санэпидстанций, пожарной охраны, службы архитектора, поставщиков энергии и т. д.). Но допустимо ли расценивать отношения между работником и хозяином как равноправные? Мне видятся равноправными лишь отношения между хозяевами, когда все являются таковыми и никто не владеет привилегией определять, что такое хорошо и что такое плохо.

Теперь о статьях, на которые ссылается постановление. В статье 3 говорится, что «кооператив вправе заниматься любыми видами деятельности, за исключением запрещенных законодательством». Против такой формулировки в принципе возражать не приходится. Есть виды деятельности, не допустимые для кооперации (как, впрочем, и для госсектора). Никому нельзя изготавливать оружие, боеприпасы, наркотические и ядовитые вещества, организовывать и содержать игорные заведения, проводить азартные игры, делать ставки на различных состязаниях, производить и использовать зарегистрированные товарные знаки и фирменные наименования, выпускать ордена, медали, печати, штампы (кроме спецпредприятий).

Естественно, что ни кооперация, ни госсектор не вправе изготавливать и реализовывать продукцию общественного питания в условиях, не отвечающих санитарным требованиям, применять пищевые добавки, запрещенные санитарными нормами и правилами. К этому списку можно было добавить запрет пользоваться чужими фирменными знаками, обманывать потребителей лживой рекламой, производить и продавать товары со скрытыми дефектами. Таких ограничений постановление почему-то не содержит. А зря. Зато вводятся запреты, представляющиеся мне избыточными, необоснованными. Не допускается, например, изготовление лекарств. Почему? Если они отвечают разрешенным лицензиям, то, произведенные кооперативами, вполне могут соперничать с лекарствами, выпускаемыми госсектором.

Спорным представляется мне и перечеркивание издательской деятельности. На литературу у нас голод. Недостает и мощностей, и бумаги, и издательств. Трудно пробиться сквозь частокол сложившихся отношений и стереотипов. И вот появляется кооперация, которая приспосабливает под типографии подвалы, ремонтирует или арендует в свободное время неиспользуемые мощности, организует переработку макулатуры в бумагу, выпускает на книжный рынок новые имена. Казалось бы, все это явление достойное, а не застойное. Ан нет. Закрыть то, что открыто, и впредь не открывать!

Табу наложено на производство и тиражирование кино- и видеопродукции, соответствующую внешнеэкономическую деятельность. Это задержит преодоление нашего огромного дефицита в удовлетворении нужд населения в кино- и видеофильмах, закрепит сложившийся госмонополизм со всеми его вредными последствиями.

Иконы, церковную утварь, предметы религиозной символики и атрибутики государство не производит. Теперь их не могут выпускать и кооперативы. Вся «тяжесть» подобной работы ляжет на церковь и на людей, которых она вправе свободно привлекать к собственному производству. Где же выигрыш?

Странная все-таки у нас жизнь. Не успели отгреметь литавры по поводу первых кооперативных школ, комитет по образованию выступает за свободу избираемых учителем методов обучения, и тут же появляется решение о недопустимости организации кооперативами школ общеобразовательного типа. Кто-то говорит: кооператоры худо учат. Позвольте, но такая учеба будет иметь своим финалом разочарование ученика, который уйдет сам и заставит поостеречься других. Другой аргумент: так, мол, возникнет расслоение между детьми из более и менее обеспеченных семей. Как будто его нет и без того. Происходящая дифференциация доходов этот разрыв не уменьшает, а увеличивает.

Значительная часть деятельности кооперативов поставлена под контроль договоров с государственными общественными предприятиями. В этот разряд попало изготовление парфюмерных и косметических изделий, товаров бытовой химии, хотя соблюдение правил их производства (единых с госсектором) достаточно для страховки нужного качества. То же можно сказать об изготовлении множительных и копировальных аппаратов, производстве, тиражировании и продаже грампластинок, магнитных записей. Поддоговорной оказалась лекционная деятельность кооператоров, таким образом заведомо считающаяся менее надежной, чем аналогичная работа вузов и общества «Знание».

Теперь о статье 54. Она последняя, самая маленькая и вроде незаметная. Статья утверждает, что особенности применения Закона о кооперации в отдельных отраслях народного хозяйства и к отдельным видам кооперативов определяются Советом Министров СССР. Когда Закон был еще проектом, я присутствовал на ряде его обсуждений. Случалось, что их участники энергично выступали против каких-то туманных пунктов, видя в них лазейку для последующего использования против кооперации. Говорили, что если Закон, как сыр, состоит из дыр, то это крайне отрицательно. Мне казались такие подозрения неосновательными. Я полагал, что двусмысленно звучащие положения не имеют в виду худшего, их следует понимать только в самом прогрессивном смысле. Но скептики оказались правы. Точнее, даже они не предвидели подобного оборота дел. Если в Законе «особенности» закреплены за союзным правительством, то в постановлении, принятом «в соответствии с Законом», такое же право впервые предоставлено и Советам Министров союзных республик, которые могут вводить новые ограничения.

Ошибкой кажется мне и то, что столь существенные коррективы в кооперативное построение внесены без их предварительного обсуждения в духе гласности. Эти перемены подготовлены в «рабочем порядке» и прозвучали как гром среди и без того не ясного неба.

Откуда такая жесткая линия в отношении кооперации? Что является ее действительной подоплекой? Думаю, высокие доходы кооператоров, в несколько раз превосходящие заработки в госсекторе. Они обусловлены, во-первых, значительным перевесом заинтересованности кооператоров в труде и его повышенной производительностью, предприимчивостью, гибкостью в обновлении производства поисковыми и рисковыми решениями. Они связаны, во-вторых, с апатией и неконкурентоспособностью госсектора, скрытой перекачкой его средств в пользу кооперативов (достаточно напомнить о непомерных ценах, уплачиваемых госпредприятиями за кооперативные услуги, перепродаже кооператорам многих видов первичного и вторичного сырья, оборудования по бросовым ценам), вялой и примитивной налоговой политикой в отношении кооперации, бюрократическим сдерживанием ее деятельности и возникновением кооперативного монополизма. Кооперация не вносит платы за трудовые ресурсы, освобождена от взносов налога с оборота.

В ответ на примерно такое же утверждение, высказанное мною в «Огоньке» раньше, я получил от кооператоров письма, в которых они утверждают, что «грабят» не они, а их: часть средств производства покупается ими по ценам с повышенными коэффициентами, во многих средствах производства начисто отказывают, даже запрещают покупать в госмагазинах, заставляют отвечать в пределах стоимости всего имущества, а не хозрасчетного дохода, как госпредприятия. Все чаще кооператоров просят выйти вон из арендуемых ими помещений. Все это действительно ущемляет кооперативы, но... не обогащает госпредприятия, не дает им преимуществ, не перекачивает в их карманы кооперативные доходы, ибо в рамках современной финансовой системы возникшие у госпредприятий «излишки» автоматически вычерпываются бюджетом, а «недобор», наоборот, покрывается за его счет. В итоге какие бы льготы ни получал госсектор, ему они ничем «не грозят», прироста заработков не дают. Кооперация же, когда она активно работает, имеет шансы на успех.

Что же делать? Тактика должна отвечать стратегии, а не противоречить ей. Поэтому нельзя строить новую кооперацию административно-силовыми средствами подавления, давно и неоднократно доказавшими свою бесперспективность. Когда кооперативы без веских оснований закрываются, тогда вложенные в них инвестиции в той или иной мере пропадают. Появляются убытки от своеобразной экспроприации, национализации, возникает общая неуверенность в завтрашнем дне, парализующая интерес к будущим накоплениям, техническому прогрессу, постоянно действующим силам поступательного экономического развития. Это чревато не только свертыванием кооперативной реформы сегодня, но и потерей к ней доверия со стороны потенциальных участников движения.

Необходимо, как подчеркивал М. С. Горбачев, умнее работать с кооперацией, учитывать опыт ее развития в России в первые годы Советской власти, в соцстранах, Швеции, Норвегии, где управление кооперативным производством имело и имеет своим фундаментом экономические методы. Главные средства преодоления искажений в кооперативном движении: обновление госсектора на основе равноценного с кооперацией хозрасчета, выравнивание условий ее деятельности с госпредприятиями, форсирование кооперативов.

Думается, еще не поздно узнать и учесть все многообразие мнений нашего общества, в том числе кооператоров, об адекватных, правильных мерах регулирования «отдельных видов» их деятельности.

26 МАРТА — ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

МЫ — САМИ!

Гавриил ПОПОВ

Предстоящие в марте выборы народных депутатов СССР — событие, вокруг которого уже сейчас кипят общественные страсти. И все же свои заметки я бы хотел начать с землетрясения в Армении.

Казалось бы, какая связь между внезапным ударом подземной стихии, десятками тысяч погибших, искалеченных, оставшихся без родных и без крова и выборами как этапом формирования нового политического механизма?

От стихийных бедствий никто не гарантирован. А вот масштаб жертв от этих бедствий прямо связан с социальным устройством жизни людей. С одной стороны, наш общественный строй дал впечатляющие образцы солидарности, помощи, сочувствия. Помощь Армении миллионов рядовых трудящихся из других республик говорит о том, что наши межнациональные отношения определены не только тем, что их формировала Административная Система со всеми вытекающими отсюда следствиями. В то же время я далек от заклинаний иных агитаторов забыть из-за землетрясения все проблемы и броситься друг другу в объятия. Ведь не может иметь будущего строй, который сплачивает людей только в беде и который только в несчастье демонстрирует свои возможности.

Читаю статью в «Правде» о том, как в Ленинакане пяти- и десятиэтажные дома превратились в железобетонные курганы над заживо погребенными людьми. А вот полторы сотни невысоких домов уцелели, уцелел и железнодорожный вокзал. И авторы заметки смотрят на обломки железобетона, пытаясь определить, сколько в нем песка, а сколько цемента. Полностью правы они и в желании узнать: сколько возбуждалось в прошлом уголовных дел против строителей-бракоделов и чем эти дела заканчивались?

Но долг перед всеми, кто погиб, и всеми, кто пришел на помощь, требует продолжить анализ, иначе Армения может стать очередной «черной дырой» нашей экономики, типа АПК или БАМа, в которых исчезают миллиарды. По чьей руководящей прихоти стали возводиться «почти столичные» кварталы многоэтажек? Кто утверждал проекты? Надо вспомнить: кто входил в комиссии, принимавшие дома?

Нельзя забыть и всех рядовых сотрудников нашего великого аппарата: в отделах горкомов, райкомов, исполкомов. И все службы: архитектурные, санэпидстанции, пожарные и многие иные, без подписей которых просто нельзя начинать новое строительство.

Всех этих разных по профессии, возрасту и положению работников Административной Системы в данном случае объединила прежде всего некомпетентность. Они взялись руководить жизнью народа, вести его, не имея для этого необходимых данных. Их объединила безответственность. Ибо они работали в полной уверенности, что отвечать перед народом за свои решения никогда не придется. Их объединил произвол. Это они одобряли или не одобряли по своему вкусу проекты зданий, решали, что красивее.

И все же указать на аппарат Административной Системы — советский, хозяйственный, партийный — еще недостаточно. Ведь этот аппарат как будто формируют наши избранники — депутаты и делегаты. Они утверждают и годовые, и пятилетние планы, они голосуют персонально за руководителей или за состав комитетов.

Мне говорят: что мог знать о девятиэтажке в зоне сейсмичности рядовой депутат — неплохой и честный пастух, учитель, наладчик станков или продавец? Они же некомпетентны. Позвольте! Ведь они сами согласились быть депутатами. Они одобряли то, в чем не разбирались. Это они не воздерживались при рассмотрении неясных им вопросов. Вот ведь что интересно. В части славы и благ, положенных депутату, они были вполне компетентны. Это они, депутаты, были главным прикрытием администрирования. Надо поименно назвать всех, кто в любой форме руководил Арменией и особенно Ленинаканом и другими разрушенными городами. Именно всех, и указать меру вины каждого. Нужен суд народа, и именно армянского.

Дело не в мере наказания. Дело в ответственности. Горькие уроки прошлого — от коллективизации до Чернобыля — показывают, что Административная Система сумела так рассредоточить ответственность, что возникает ситуация, когда или надо признать вину всего народа, или никого не обвинять, и в крайних случаях искать в качестве ответчиков либо стрелочников, либо вождей. Пора нам научиться судить всю Систему. Иначе мы ни от чего не гарантированы: ни от крушений поездов, ни от строительства очередной атомной станции в не менее сейсмоопасном Крыму.

И в суде надо сломать созданную Административной Системой гарантию безответственности на всех уровнях руководства. Иначе у нас никогда не переведутся кадры, легко соглашающиеся быть делегатами любой конференции, депутатами любого Совета, руководителями любого ранга, работниками любого аппарата.

Теперь о самих выборах. Четыре проблемы привлекают здесь внимание: кандидаты, платформы, избиратели, процедуры.

Кандидаты. Первый подход к оценке кандидатов выявился еще в ходе выборов делегатов на XIX партконференцию. Один товарищ на вопрос о его платформе возмущенно ответил: «Какая вам нужна платформа? Я стою на платформе партии». При таком подходе все становится ясным, кроме одного: почему из всех нас, тоже стоящих на платформе партии, мы должны избрать в руководители именно этого товарища?

Второй подход тоже наметился при выборах делегатов XIX партконференции. В центре внимания оказались личности делегатов, степень их активности в перестройке. Я уверен, что оценка личности кандидата, его компетентности в какой-то области и его вклада в дело перестройки за прошедшие почти четыре года — фактор очень и очень существенный. Уместно напомнить слова В. И. Ленина об обязанности работников контроля «следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел».

Третий подход наметился в ряде тех довыборов в Советы, которые состоялись в последние два года. В центре программ альтернативных кандидатов оказались конкретные проблемы местной жизни: строительство дороги, очистка реки, закрытие вредного производства и т. д. Я думаю, что и в нынешних выборах такие проблемы должны занять очень важное место, стать пробным камнем отношения кандидатов и к людям, и к волнующим их личным проблемам.

Но главное все же в том, что недостаточно основой нынешней избирательной кампании сделать признание кандидатами общей партийной платформы перестройки. Я уверен, что имеется полная возможность сформулировать цельную предвыборную программу, которая будет полностью базироваться на общей платформе партии и, в то же время отразит специфику подхода к проблемам перестройки наиболее прогрессивных сил нашего общества.

Платформы. Я исхожу из того, что в рамках общепартийной платформы есть достаточное поле для вариантов конкретных решений по перестройке. И все многообразие этих вариантов можно объединить в два главных. Это аппаратный вариант перестройки и вариант демократический.

В различных статьях, в том числе и в «Огоньке», я уже не раз пытался показать, в чем именно заключается демократический вариант тех изменений, которые предусмотрены общепартийной платформой.

Если кратко выразить идею демократического варианта, то она сводится к максимальной свободе для желающих работать и зарабатывать трудящихся

и надежным социальным гарантиям человеку труда. Основным источником этих гарантий будет подъем экономики, освобожденной от наручников и ошейников Административной Системы.

Как экономист, я в первую очередь говорю об экономических аспектах демократического варианта. Но он охватывает все сферы жизни. Так, нужен перевод всех средств массовой информации на полный хозрасчет. Создание конкурирующих органов печати: газет и журналов, редакторы которых утверждаются съездами и конференциями партии, и газет, журналов, издаваемых выборными парткомитетами этих же уровней. Точно так же надо иметь газеты Советов и параллельно газеты исполкомов этих Советов. Соответственно иметь четыре группы программ радио и телевидения.

Избиратели. В «нормальных» выборах дело избирателей — оценивать платформы и кандидатов. Но у нас выборы особые. Впервые мы имеем потенциальную возможность влиять на выбор депутатов. Но нельзя ни на секунду забывать, что аппарат тоже сохранил все возможности влиять на отбор депутатов. Наш нынешний избирательный закон — своего рода компромисс. Так что конечный итог будет зависеть от соотношений активности «низов» и «аппарата».

Вот почему активность избирателей — условие реализации их прав. Автоматизма в реализации их прав нет, он в Законе не закреплен, возможен произвол бюрократии.

В прошлых выборах, как мы помним, создавались агитколлективы. Кандидат был один — был один и агитколлектив. Теперь; мне кажется, надо тоже создавать агитколлективы — в организациях, по месту жительства. Только теперь это будут целевые коллективы — под платформу «Избиратели — за демократическую перестройку». На избирательных участках и в округах эти агитколлективы могут создавать координационные комиссии.

Именно агитколлективы должны рекомендовать трудовым коллективам и жильцам домов выдвигать таких-то кандидатов. А если достойные уже названы — поддерживать их.

Агитколлективы должны обеспечить главное — контроль за регистрацией кандидатов, за их включением в избирательные бюллетени. А затем — за ходом агитационной кампании.

Процедуры. Закон о выборах уже принят, и надо исходить из его реальностей.

На мой взгляд, Закон дает все права на выдвижение кандидатов демократической ориентации. Но он дает право и на выдвижение любых других. Поэтому центр борьбы сместится из звена выдвижения в звено регистрации кандидатов. И тут надо добиться твердого соблюдения Закона.

По Закону на окружное собрание, решающее вопрос о том, кого включить в список для голосования, должно прийти равное число представителей от всех коллективов, выдвинувших кандидата. Поэтому если, например, Иванова выдвинуло три коллектива, то на окружном собрании он будет располагать голосами трех делегаций. Вывод: чем больше коллективов поддержат и официально направят свою заявку в окружную комиссию, тем больше будет сторонников кандидата на окружном собрании.

Так как в Законе четко не определено, как и кем будут избираться делегаты, то надо их избирать сразу же, выдвигая кандидата. Иначе в качестве «делегатов» от выдвинувшего Иванова трудового коллектива окажутся как раз те, кто был против его кандидатуры. Делегатов на окружное собрание надо избирать самых боевых: ведь там — главный бой. Надо, далее, чтобы эти делегаты проверили полномочия других делегатов на окружном собрании: выбраны они избирателями или их кто-то делегировал. Нет иных авторитетов на окружном собрании, кроме делегатов от избирателей.

По Закону число кандидатов не ограничено. Поэтому всякие «уговоры» сократить список являются сугубо нежелательными. Надо твердо стоять на включении всех кандидатов в список. Не надо бояться повторного голосования. Как раз после первого голосования и выяснится, кого надо исключить из списка кандидатов.

И последнее. Надо всем коллективам, выдвинувшим кандидата, которого отвергло окружное собрание, помнить о своем праве сразу же обжаловать это решение, особенно если на окружное собрание попали «представители» избирателей, за которых избиратели не голосовали.

Дело теперь только за нами. Пришло время действовать. Если платформа демократической перестройки соберет даже небольшую группу депутатов, обстановка на заседаниях съезда народных депутатов изменится принципиально.

НЕСКОЛЬКО МНЕНИЙ О «ПИСЬМЕ СЕМИ»

По просьбе моих товарищей я передал письмо в редакцию газеты «Правда» 23 января с. г. лично главному редактору В. Г. Афанасьеву. 26 января он сообщил мне, что редколлегия отказывается публиковать полный текст нашего письма, весьма странно аргументировав свое решение тем, что никто из его авторов не был лично задет на страницах газеты.

Поясню: наше выступление было ответом на «Письмо в «Правду», подписанное М. Алексеевым, В. Астафьевым, В. Беловым, С. Бондарчуком, С. Викуловым, П. Проскуриным и В. Распутиным («Правда» № 18, 1989 год). На наш взгляд, соавторы не только необоснованно обвинили «Огонек» во всех смертных грехах, но и поставили под сомнение выстраданное нашей прессой право на открытую, принципиальную критику. Недаром трое из подписавших были и авторами «письма одиннадцати».

Письма — особенно такие — не должны, по-моему, оставаться без ответа. Считаю, что наше мнение необходимо сделать достоянием гласности.

Прошу опубликовать полный текст ответного письма в вашем журнале.

Евгений ЕВТУШЕНКО

На недавней встрече в ЦК КПСС представителей интеллигенции настойчиво призывали к повышению культуры дискуссий.

Появилась надежда, что этот день станет переломным в отношениях между деятелями культуры, литераторами, отстаивающими различные точки зрения на отечественную историю и пути развития нашего общества. Тем больше наше недоумение, чувство неловкости вызвало переполненное политическими ярлыками, голословными утверждениями, фактическими неточностями «Письмо в «Правду» (№ 18, 1989 год), подписанное семью деятелями литературы и искусства. На страницах центральной партийной газеты они обвинили популярный журнал «Огонек» в «извращении истории», ревизии «социальных достижений народа», «опошлении культурных ценностей», «реабилитации сомнительных явлений прошлого», наконец, в «недостойной возне», идущей «в русле (?) оплевывания...». Неужели авторы «письма семи» не замечают, что от самих этих формулировок веет давно ушедшими временами?!

В отличие от них мы считаем, что журнал «Огонек» немало сделал и делает для демократизации нашего общества и расширения гласности. Именно он начал серьезный разговор о необходимости полного избавления от ждановщины. Принятое постановление ЦК КПСС по этому вопросу опубликовано в том же номере газеты, что и «письмо семи». «Огонек» одним из первых во весь голос заговорил об увековечении памяти жертв сталинизма, был инициатором проведения «Недели совести». Этот журнал воскресил имена многих поэтов, писателей, художников; выступлением академика Д. С. Лихачева открыл рубрику «Боль Отечества», взяв под защиту культурные, исторические, национальные ценности; постоянно развивает тему милосердия... Всего не перечислить.

Несостоятельными нам представляются и предъявленные «Огоньку» обвинения в публикации «Открытого письма Юрию Бондареву». Оно не «сработано», как пишут авторы «письма семи», журналом, а передано туда писателем-фронтовиком М. Колосовым, главным редактором «Литературной России» (теперь уже бывшим), и содержит не оскорбления «известного художника», а претензии к Ю. Бондареву как заместителю председателя СП РСФСР, упреки в административно-командных методах управления газетой.

Мы не исключаем того, что в ряде материалов «Огонька» кто-то может увидеть и полемические перехлесты. Но нельзя не заметить откровенно недоброжелательных оценок, затрагивающих честь и достоинство деятелей литературы и искусства, бездоказательных обвинений в их адрес на страницах именно тех журналов, редакторами и членами редколлегий которых являются авторы «письма семи».

Требовать неприкосновенности для «своих» и не стесняться в средствах по отношению к другим — это ли пример культуры дискуссии?

Цель нашего выступления — не усугубление конфронтации. Мы еще раз хотим предложить вести литературную полемику честно и принципиально, уважительно относясь к работе коллег, не пользуясь приемами, печально известными со времен сталинщины и застоя.

Среди многих надежд, которые мы связываем с демократизацией нашего общества, есть и надежда на то, что отомрет сам жанр подобного рода писем. К чему они приводили совсем недавно, мы хорошо помним. В «Нашем современнике» (№ 1, 1989 г.) перепечатано «письмо одиннадцати» против «Нового мира». Аналогия напрашивается сама собой.

Перестройка должна быть выше личных амбиций и групповых интересов.

В. БЫКОВ, Б. ВАСИЛЬЕВ,
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, Д. ГРАНИН,
И. ДРУЦЭ, В. ДУДИНЦЕВ,
Е. ЕВТУШЕНКО, Ф. ИСКАНДЕР,
Б. ОКУДЖАВА, А. ПРИСТАВКИН

Множество писем, аналогичных этому, получил не только «Огонек», но и газета «Правда». (Мы судим по присланным нам копиям.) Вот цитата только из одного: «Я никогда не предполагал,— пишет инвалид Великой Отечественной войны Н. Ф. Яснопольский из Москвы,— что донос может появиться на страницах «Правды»...»

Видимо, обилие подобных оценок подвигнуло газету к разъяснению своей позиции в редакционной заметке «Во имя консолидации», опубликованной под рубрикой «Мнение редакции» (№ 28, 1989 г.).

Жаль, что свое мнение «Правда» не высказала сразу же, заставив читателей гадать об истинной позиции редакции.

Между тем последствия были предсказуемы. В своем интервью «Ленинградской правде» академик Д. С. Лихачев сказал, что он ужаснулся, прочитав в центральной газете «письмо семи». Если помнить идеологические кампании недавнего прошлого, такая реакция на содержащуюся в этом письме апелляцию к властям представляется вполне естественной.

А пока попытки дискредитации «Огонька», «Знамени», «Нового мира», «Юности», «Советской культуры», «Московских новостей», «Книжного обозрения» и ряда других изданий продолжаются. (См. последние номера «Нашего современника», «Москвы» и «Молодой гвардии».)

Повторим, что дискуссии, которые навязывают нам иные оппоненты, вести неприлично. Хотя бы потому, что не ради дискуссий они затеваются. И мы не можем полемизировать с тем, кто любыми средствами пытается торпедировать гласность и скандалом спровоцировать оргвыводы.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

НАПРАВЛЕН ПОСЛОМ...

Начало на стр. 6.

кретный момент я, пожалуй, один сомневался относительно кандидатуры Брежнева. Между прочим, Брежневу об этом стало известно: «Ты вот поддерживаешь Николая, а он выступал против тебя».

— Кто доложил?

— Это неважно, кто... Я знаю, и этого достаточно. Тем более знать и доказать, это ведь не так однозначно.

— И вам до сих пор случается встречаться с этим человеком?

— Приходилось и встречаться.

— Выходит, Брежнев ждал примерно три года, чтобы при случае припомнить вам ваше негативное отношение к его кандидатуре?

— Я думаю, что у него было что припомнить, кроме этого факта. А на октябрьском Пленуме 1964 года членов ЦК объединяло общее критическое отношение к ошибкам и недостаткам Хрущева, к его отступлению от идей XX и XXII съездов партии, что, как мы все видели, мешало нашему движению вперед.

И в тот момент трудно было предположить, что цели людей, стремившихся к восстановлению ленинских принципов руководства, и цели самого Брежнева и его ближайшего окружения не совпадали. Но когда Леонид Ильич пришел к власти, стал подбирать всю «команду», только тогда эти расхождения стали проявляться.

Должен сказать, лично у меня поначалу с ним сложились достаточно хорошие отношения. Я часто встречался с ним, высказывал свои предложения, замечания и даже свое несогласие с чем-то. И он выслушивал, иногда советовался. Но в какой-то момент я ему, видимо, надоел, может быть, даже стал мешать...

— Некоторые считают, что Брежнев был подставной фигурой своего окружения, которое, двигая его вперед, превознося его, и само продвигалось...

— Я не думаю, что он был чьей-то подставной фигурой. Другой вопрос — он опирался на людей под стать себе, не особенно глубоких, не особенно утруждавших себя работой. Пользуясь вседозволенностью, некоторые из них опускались все ниже и ниже. Авторитет себе он хотел завоевать скорым и легким способом. Для этого сразу внес предложение повысить зарплату целому ряду категорий работников. Зарплату-то подняли, но ее нужно было еще и чем-то отоварить. А товаров народного потребления и услуг в нужном объеме не дали, излишки денег нужно было чем-то покрывать. Стали увеличивать производство водки, дешевого вина. И это был очень опасный путь. Огромные деньги, которые накопились ныне в сберегательных кассах или имеются на руках у населения,— прямые последствия той необдуманной политики. Пьянство, алкоголизм, так бурно расцветавшие в годы застоя,— тоже ее результат.

— Но, как я вас понял, были и другие идеи, предложения после октябрьского 1964 года Пленума ЦК?

— Разумеется. И они были высказаны делегатами XXIII съезда партии. В частности, и мною лично. Тогда в прениях я должен был выступать первым. И Брежнев очень хотел, чтобы мое выступление полностью отвечало положениям его доклада, например, чтобы не были подняты вопросы культа личности. Хотя весь мир ждал, что после XX и XXII съездов наш новый форум подтвердит неизменность курса КПСС на преодоление последствий культа. Когда Леониду Ильичу печатали последний вариант доклада, он третий или четвертый экземпляр прямо с машинки по страничкам присылал мне, в горком: «Николай, посмотри, как там на твой взгляд».

— Вы были на «ты»?

— Он меня на «ты», я — на «вы»: все-таки между нами была разница в 14 лет... Так вот, посылал он мне странички своего доклада, я-то отлично понимал, не потому, что интересовался моим мнением, а чтобы я в своем выступлении, учитывая такое доверие докладчика, не допустил ничего, что было бы нежелательно ему.

— И вы учли это в своем выступлении?

— Нет. Я все-таки сказал (разрешите, прочту прямо по стенограмме): «Культ личности, нарушение ленинских норм и принципов партийной жизни, социалистической законности — все то, что мешало нашему движению вперед, решительно отброшено нашей партией, и возврата к этому прошлому не будет никогда! Надежной гарантией тому служит курс XX съезда и октябрьского Пленума ЦК КПСС».

Я знал, что иду против линии, которая наметилась в деятельности Брежнева...

— Хотя вроде бы и хвалили решения октябрьского Пленума, который избрал его на пост Первого секретаря...

— Да, хотя и хвалили решения Пленума. И это не прошло незамеченным. На следующий день получаю я тассовский материал и вижу, что во всем мире, рассказывая о съезде, в первую очередь обратили внимание как раз на этот абзац из моего выступления. Леонид Ильич ничего мне не сказал по этому поводу, но, как я почувствовал, сильно осерчал.

— Но в вашем выступлении было не только это...

— Да, были и другие моменты... Я вспомнил, что в свое время при создании у нас индустрии партия выдвинула два лозунга: «Техника решает все» и «Кадры, овладевшие техникой, решают все». Лозунги были правильные, полезные, но на каком-то этапе была допущена недооценка марксистско-ленинского положения о том, что исключительно высоким темпам развития производительных сил при социализме должно в полной мере соответствовать и совершенствование производственных отношений и что, хотя социалистический способ производства впервые в истории создает все условия для такого соответствия, он, разумеется, не действует автоматически. Марксистско-ленинское понимание роли науки требует прежде всего глубокого теоретического изучения и обобщения сложнейших процессов, происходящих в экономике нашей страны. А то, что наши производительные силы обогнали производственные отношения, уже чувствовалось.

После моего выступления академик П. Н. Федосеев упрекнул меня, что я, мол, не за свой вопрос взялся.

«Да,— говорю,— это не мой вопрос, и я не собираюсь его разрабатывать, но как практик я чувствую, что недооценка этого положения мешает нам сегодня двигаться вперед. И, надо надеяться, ученые возьмутся за него, разберутся и дадут нам рекомендации»... Однако так не произошло, о чем свидетельствует соответствующее положение в докладе М. С. Горбачева на XXVII съезде партии.

— Откровенно говоря, Николай Григорьевич, я что-то не усмотрел в вашем выступлении никакого криминала. Не могу понять, что тут могло не понравиться Леониду Ильичу.

— Конечно, никакого криминала и не было. Но, как видно, упоминание о культе личности не понравилось, могли не понравиться рассуждения о недостатках в экономической науке, в организации производства и управлении социалистическими предприятиями, в системе подготовки руководящих кадров и другие. Мое выступление как-то выпадало из наметившейся тенденции к чрезмерному восхвалению наших успехов.

— Вы почувствовали, что вашим выступлением остались недовольны?

— Да, и мне дали это понять. Отношения с Брежневым после съезда заметно изменились в худшую сторону. А уже с самого начала 1967 года он вообще старался меня не принимать. Однажды как бы невзначай он предложил мне перейти в МИД заместителем министра, от чего я отказался, сославшись, что не являюсь специалистом.

Передо мной было два выбора: слиться с течением, которое возглавил Брежнев, вероятно, успешно участвовать в общественно-политической деятельности или остаться самим собой. Я выбрал второй путь, который оказался трудным, но зато совесть осталась спокойной.

— Ну и?..

— На июньском (1967 года) Пленуме ЦК КПСС я выступил остро критично. Как вы знаете, в повестке дня тогда было два вопроса: о политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке и о тезисах к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Пленум проходил два дня. Я выступал в первый, где-то в середине...

— О той вашей речи мне довелось слышать много всяких пересудов, но прочесть ее так и не удалось...

— У нас традиционно публикуются с Пленумов только информационные сообщения и основной доклад. Выступления же тех, кто принял участие в его обсуждении,— нет. Но у меня сохранилось то мое выступление. Теперь оно не представляет никакого секрета, так что могу зачесть некоторые положения.

Николай Григорьевич вынул из письменного стола стопку листков форматом в половину машинописной страницы (наверное, потому что так удобнее положить в карман перед выходом на трибуну), полистал, нашел нужное место...

— Послушайте, что я тогда сказал:

«События на Ближнем Востоке вызвали среди наиболее отсталой части нашего населения некоторые нездоровые настроения. Я говорю прежде всего о таких отвратительных явлениях, как сионизм и антисемитизм. Чтобы они не получили развития в дальнейшем, не следует проходить мимо них сегодня, как бы не замечая их. Ведь нездоровые проявления национализма и шовинизма в любой форме очень опасны. Владимир Ильич Ленин всегда уделял большое внимание национальному вопросу. Сейчас с развитием нашего социалистического многонационального государства отношения между нациями становятся все богаче и многообразнее. Порой в этих отношениях могут возникать и какие-то сложные явления, особенно в условиях ожесточенной идеологической борьбы между двумя мировыми системами. Таким образом, национальный вопрос — это живой процесс общественного развития. И едва ли правильно, что вот уже несколько десятков лет он не разрабатывается во всем его многообразии. Чаще всего дело ограничивается темой дружбы между народами нашей страны. Да, дружба народов — величайшее завоевание ленинской национальной политики партии.

Порой проблемы реконструкции Москвы приходилось обсуждать с выездом на место.

В короткие минуты отдыха во время государственного визита в Югославию.

Перед вручением верительных грамот королю Дании.

В небе Афганистана парашют был обязателен.

Вместе с тем глубокое теоретическое исследование национального вопроса в целом может быть очень полезно, особенно для нас, практических работников партии...»

— Николай Григорьевич, это было сказано вами двадцать один год назад, а звучит слишком уж современно. Неужели уже тогда чувствовались проблемы, которые с такой жесткостью встали перед нами сегодня?

— Да, уже в те годы межнациональные отношения в нашей стране стали усложняться, а мы продолжали делать вид, что все в порядке...

— В чем это проявлялось конкретно? Можно привести какие-то факты?

— Видите ли, тут главное было не столько в фактах, сколько в общей тональности, особенно что касалось национальной культуры, родного языка. И, видимо, основания для подобных настроений были, с ними надо было разобраться, а не загонять болезнь вглубь. В некоторых республиках проявились осложнения в кадровой политике, несколько ухудшилось отношение местных национальностей к русскому населению. Нельзя сказать, что эти трения проявлялись сильно, что дело доходило до открытых конфликтов, но в своей практической работе мы их начали ощущать, и они нас беспокоили...

Не смог я обойти молчанием и вопрос, который меня тогда по-прежнему волновал. Я сказал: «Серьезный урон нашему делу был нанесен в связи с культом личности Сталина. Партия преодолела это уродливое, чуждое ленинскому духу явление. Огромное значение в жизни партии имеет октябрьский Пленум 1964 года. Центральный Комитет единодушно осудил волюнтаристические методы и субъективизм Хрущева, который в последний период своей деятельности отошел от ленинских норм и принципов руководства, пытался единолично командовать партией и управлять страной... И пусть не радуются наши враги. Как ни стараются они изобразить наши трудности как пороки, раздуть наши ошибки и недостатки в практической работе, Коммунистическая партия в борьбе с трудностями лишь крепла, завоевывала все больший авторитет в народе, мировом коммунистическом и рабочем движении. Ведь партия — это не только и не столько Сталин или Хрущев. Это миллионы коммунистов-ленинцев, это многотысячный преданный делу наш замечательный партийный актив, это, наконец, наш Центральный Комитет КПСС».

И это было напоминанием, это расценивалось как предупреждение от новых ошибок. Пленум притих, понимая, в чей адрес данное обращение.

Это не могло понравиться Брежневу. Он хотел забыть любое упоминание о культе и его осуждении. Потому что уже в 1967 году все заметнее стала намечаться тенденция к возвеличиванию самого Леонида Ильича...

— Июньский Пленум 1967 года проходил через декаду после окончания так называемой «шестидневной войны», где нашим друзьям, Египту и Сирии, израильская военщина нанесла жестокое поражение. Во всем мире оно было расценено и как наша крупная политическая неудача на Ближнем Востоке. Не случайно вопрос об этом был включен в повестку дня Пленума, и многие ораторы коснулись его в своих выступлениях. Говорят, что вы высказались на эту тему наиболее резко. Наверное, думаю, люди, причастные к проведению нашей внешней политики, и Брежнев в первую очередь, могли расценить ваши слова как критику в свой адрес.

— Действительно, я затронул эту тему... В апреле 1967 года я побывал в Египте во главе советской делегации в течение 10 дней. Даже такого краткого визита было достаточно, чтобы убедиться: наши представления о положении в этой стране далеко не соответствуют истинному состоянию дел, что вопрос «кто кого?» в Египте не был еще решен. Естественно, я в своем выступлении не мог не поделиться этими наблюдениями. Не буду повторять все сказанное, прочту лишь фрагментарно... Ну, вот, например: «В настоящее время Насер возглавляет в ОАР наиболее прогрессивные силы. Уход его в отставку на деле означал бы удар по левым силам страны, по тем прогрессивным преобразованиям, которые проводятся в ОАР, означал бы победу правых, имеющих явную прозападную ориентацию. Поэтому линия ЦК КПСС на укрепление и поддержку режима Насера, на восстановление изрядно пошатнувшегося авторитета ОАР в арабском мире, помощь арабским странам в преодолении разногласий между ними, усиление их политических позиций на Ближнем Востоке и объединение всех сил на борьбу против империализма и укрепление обороноспособности арабских государств, эта линия единственно правильная, она найдет поддержку не только в нашей партии и стране, но и среди всех прогрессивных сил мира.

При этом, исходя из тех факторов, которые приводил товарищ Брежнев в докладе, хочу высказать пожелание, чтобы в наших отношениях с ОАР и лично с президентом Насером при оказании помощи этой стране было бы побольше требовательности. Уж очень беспечны и безответственны часто бывают некоторые наши друзья... Что стоят, например, безответственные заявления президента Насера о том, что арабы никогда не согласятся на сосуществование с Израилем, о тотальной войне арабов против этой страны, или заявление каирского радио в первый день войны о том, что наконец-то египетский народ преподнесет Израилю урок смерти. Подобная безответственность в сочетании с беспечностью может привести мир к еще более тяжелым последствиям».

— Слухи приписывали вам и такую фразу: «Помогая своим друзьям, мы готовы снять с себя последнюю рубашку, а они не знают, как ее вообще надевают...»

— Нет, этого я не говорил...

— Утверждают также, что вы критиковали и состояние противовоздушной обороны. Вы были хорошо знакомы с ее объектами?

— Я, что называется, позиции ПВО Москвы на брюхе прополз, так что знал состояние дел не по докладам подчиненных или заинтересованных лиц, а видел сам. Теперь, двадцать один год спустя, это уже не является тайной, поэтому можно сказать, что тогда ПВО столицы была ненадежной... До октябрьского 1964 года Пленума ЦК КПСС принимались волевые решения, которые нанесли урон Вооруженным Силам, в особенности авиации, Военно-Морскому Флоту, в какой-то степени мотомеханизированным войскам. Кстати, в то время нашлись не в меру ретивые исполнители этих волевых решений. Устарел флот — порежем корабли. Не нужна авиация — перестроим некоторые авиационные заводы на выпуск другой продукции. Именно в те годы в Москве был закрыт вертолетный завод. Поэтому я сказал в своем выступлении: «Может быть, я слишком заостряю вопрос, в чем-то не прав, в силу своей недостаточной осведомленности. Но я считаю, что оборона страны — слишком важное дело, и поэтому ничего, если мы здесь, в ЦК, в чем-то обострим вопрос, лишь бы была польза делу... Меня, например, беспокоит состояние противовоздушной обороны столицы. Существующая система все более морально стареет. Модернизация ее должного эффекта не дает. Создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается...»

Скорее всего товарищам из руководства ЦК не очень понравилось и такое мое предложение: «Может быть, настало время, продолжая линию октябрьского 1964 года Пленума ЦК, на одном из предстоящих Пленумов в закрытом порядке заслушать доклад о состоянии обороны страны и о задачах партийных организаций, гражданских и военных». Мое предложение могло быть расценено как попытка принизить роль Политбюро, поставить его деятельность под контроль Центрального Комитета, что в общем-то соответствовало бы Уставу КПСС и не позволило бы принимать такие опрометчивые решения, как, например, ввод советских войск в Афганистан.

Короче, выступление получилось довольно острое и в этой части. Должен сказать, что Пленум очень внимательно и одобрительно принял мое выступление.

— Но кого-то оно, видимо, задело, кому-то не понравилось?

— Очень задело Дмитрия Федоровича Устинова. Он был в то время секретарем ЦК, курировал оборонную промышленность. А моя критика как раз и была направлена на перекосы, которые были допущены в оборонной промышленности.

— Но я думаю, что и Брежнев имел все основания обидеться: как Председатель Совета Обороны он нес персональную ответственность, в частности, и за ПВО Москвы... Как же дальше развивались события?

— После меня в тот день выступило еще человека три, и никто из них ни словом не обмолвился в критическом плане ни обо мне, ни о моих соображениях. В тот день заседание Пленума было прервано на полчаса раньше намеченного времени. До следующего заседания, как мне известно, была проведена определенная работа с членами ЦК, и когда на следующее утро первым на трибуну поднялся Шараф Рашидов, то он начал примерно так: «Николай Григорьевич, противовоздушная оборона начинается не в Москве, она начинается в Ташкенте». Ну и так далее. Примерно в том же духе выступили Мжаванадзе (Грузия), Катушев (Горький), Ахундов (Азербайджан), хотя они и не знали, в каком состоянии находится ПВО Москвы.

А я сидел и думал: «Когда в сорок первом враг оказался у порога столицы, то вся полнота ответственности за оборону Москвы легла на плечи москвичей. Конечно, нам помогала вся страна, но ведь это я со своими товарищами, а не Рашидов сидел в окопчике у моста через канал, с бутылками и гранатами, ожидая немецкие танки...»

Честно скажу, выслушивать все это было не очень приятно...

— А дальше?

— А дальше события разворачивались предельно просто. На другой день после Пленума я пришел к Брежневу и сказал: «Я понимаю, что руководить партийной организацией Москвы можно только тогда, когда ты пользуешься поддержкой Политбюро и руководства партии. Мне в такой поддержке, как я понимаю, отказано. Поэтому я прошу дать согласие на уход». Брежнев говорит: «Напрасно ты так драматизируешь. Подумай до завтра». На самом же деле не мне нужны были эти сутки, а Брежневу, так как по его заданию в Москве уже шла работа с партийным активом.

Назавтра я снова прихожу к нему. Он спрашивает: «Ну как? Спал?» «Спал»,— отвечаю. «Ну и как решил?» — «Я еще вчера сказал, как решил».— «Ну ладно. Какие у тебя просьбы?» — «Просьба одна: я должен работать...» — «Не волнуйся, работа у тебя будет...»

— Он был доволен, что вы сами развязали ему руки в этой достаточно щекотливой ситуации?

— Вероятно, доволен... Я думаю, что он побаивался, что Московская партийная организация не примет мою отставку. Но я его уверил, что все пройдет хорошо, что никаких эксцессов не будет. Московская партийная организация не должна была внести какой-либо разлад в единство партии. Да и я понимал, что Брежневу оказано доверие всей партией. Это его время. И если в наших отношениях возникли разногласия, то уйти должен я. А будущее покажет, кто был прав. И пленум МГК действительно не доставил никому хлопот, он прошел молча. Присутствовали на нем Суслов, Капитонов, Гришин. Суслов выступил, сказал, что, мол, так и так, товарищ Егорычев попросил, чтобы его освободили от обязанностей первого секретаря МГК, ЦК его просьбу принял, и в связи

с этим и переходом на другую работу предлагает его освободить. Дальше Суслов стал говорить уже о Гришине, которого предложил избрать вместо меня. Ни о только что закончившемся Пленуме ЦК, ни о моем выступлении на нем он ничего не сказал. И мне слова не предоставил, хотя у меня была заготовлена речь, в которой я бы рассказал, почему в сложившихся условиях я не могу оставаться первым секретарем МГК. Видимо, это и беспокоило Леонида Ильича, поэтому наш городской пленум там, «наверху», и было решено провести без прений...

— Извините, Николай Григорьевич, но я, видимо, чего-то недопонимаю. Какая-то странная ситуация. Брежнев и его окружение остались недовольны вашим выступлением на Пленуме. Ну и что? Надо было отстаивать свою правоту. А вы вдруг добровольно, без их принуждения подаете заявление об отставке. И ваши товарищи по работе, члены МГК партии, без объяснений с вашей стороны, без обсуждения вопроса принимают эту отставку. Мне это кажется тем более странным, что в тот период Московская партийная организация добилась заметных успехов. Как я помню (приходилось писать об этом), за первые пять месяцев 1967 года объем промышленного производства в Москве вырос на 7,2 процента, производительность труда — на 6,9 процента по сравнению с тем же периодом прошлого года. Начала ускоренными темпами обновляться номенклатура выпускаемой продукции. Как раз тогда появились сконструированные московскими КБ новые авиалайнеры Ил-62 и Ту-154, была запущена новая гамма станков, телевизоров, электромоторов. Большой экономический эффект в пересчете на год — сотни миллионов рублей — дало повышение качества продукции. Столица отказалась тогда от ввоза рабочей силы со стороны, от так называемых «лимитчиков», приток которых через несколько лет породил сложнейшие проблемы... То есть Москва была на подъеме.

Как все это совместить? Как понять? Как очередной образец демократического централизма и партийной дисциплины? Но ведь именно такое непротивление злу и привело нас к эпохе застоя...

В конце концов у вас, я уверен, были единомышленники, которые должны были поддержать вас на том Пленуме и после него.

Или я не прав?

— К сожалению, в тот момент нельзя было сделать ничего такого, о чем вы говорите. Понимаете, сейчас наблюдается несколько облегченный, поверхностный подход к сложному процессу, который в конце концов привел нас к застою. Все было гораздо сложнее.

Методы руководства, которые характеризуют время Брежнева, сформировались не вдруг, не сразу. Они постепенно врастали в нашу жизнь, как постепенно вокруг Леонида Ильича образовывалось руководящее ядро, безоговорочно поддерживавшее его во всем. Пробиться через их плотные ряды с какими-то новыми идеями, а тем более критическими замечаниями было невозможно. Вспомните хотя бы хозяйственную реформу 1965 года. Предложенная Косыгиным, она встретила поддержку в партии и народе. Но постепенно, причем довольно скоро, ее свели на нет. На словах все еще вроде бы двигалось вперед, на деле торможение шло по всем направлениям. Когда Брежнев, создав надежное окружение, полностью почувствовал свою силу, он связал руки Совмину, Косыгину, а в конце концов добился назначения Председателем Совмина СССР Н. А. Тихонова, человека лично ему преданного, но недостаточно компетентного для столь высокой должности. Помню, еще до июньского Пленума 1967 года я сказал одному из наших писателей: «У меня такое чувство, что мы встали поперек потока нашей жизни, пытаемся его остановить. Сделать это невозможно. Поток сметет нас. Надо встать во главе этого движения, и направлять его по правильному руслу». И эти мои «крамольные мысли» донесли Брежневу.

— Николай Григорьевич, почему бы тогда, на июньском Пленуме, не сказать именно об этом? Я считаю ваше выступление и так достаточно острым. Но, честно говоря, вы затронули вопросы, которые скорее были все-таки следствием того положения в партии и стране, которое сложилось к лету 1967 года...

— Вы правы. Но я надеялся, что у меня будет возможность выступить еще на одном Пленуме...

— Но вам могли просто не дать слова для выступления...

— Дали бы при условии, если бы я оставался все еще первым секретарем МГК КПСС. Я верил, что у меня еще есть в запасе время...

Но были еще и другие обстоятельства, которые сейчас почему-то совсем не учитываются, хотя они имели большое значение. Брежнев со своим окружением и я с людьми, которые придерживались примерно одних со мной взглядов, принадлежали к разным поколениям. Мои сверстники не участвовали в революции. Мы были первым поколением, родившимся в советское время. Но мы, если можно так выразиться, развивались на дрожжах революции. Нашими воспитателями были те, кто участвовал в революции, в гражданской войне, были активными творцами тех исторических событий. Вот, скажем, моя классная руководительница, когда ей было восемнадцать лет, работала в политотделе Первой конной армии. Преподаватель физики был командиром полка в гражданскую войну. И после нее военную форму не снял: приходил на уроки в гимнастерке и галифе. Они были отличными учителями и замечательными воспитателями. Через них мы впитывали идеи революции. Непосредственно мы не принимали личного участия в коллективизации, индустриализации страны, но все это проходило у нас на глазах.

Наше поколение пережило 37—38-й годы, мы были свидетелями тех трагических для страны событий, но мы остались с чистыми руками. Наше поколение первое после революции по-настоящему образованное. Но это вырубленное войной поколение.

— После войны было подсчитано, что из сотни молодых солдат, родившихся в начале двадцатых годов, с фронта вернулись домой только трое.

— Да, наше поколение прошло довольно незаметно в политической жизни страны. Если бы оно не было вырублено войной, оно могло бы принять эстафету от предшественников, чтобы потом передать тем, кто шел следом. Но, к сожалению, сделать нам этого не удалось.

— И все-таки... Если строго разобраться, то разрыв между вашим поколением и предшествующим был все-таки не так велик. И они, ваши предшественники, вернулись с фронта героями-победителями. Да и условия для деятельности были более благоприятные, чем, допустим, перед войной. Ведь в период Брежнева, будем честны, не было тех репрессий и того жестокого террора, как при Сталине. Но все больше и больше процветали безынициативность, торможение, коррупция, взяточничество, кумовство, пьянство, стремление проехаться за чужой счет или за счет государства...

— Знаете, сталинское время уничтожило значительную часть руководящих работников, а остальные кадры оно искалечило. Я думаю, это самый большой урон, который нанесен нашей стране и народу культом личности. И период после XX съезда оказался слишком коротким для того, чтобы перевоспитать кадры, восстановить демократию, гласность.

— Но и тогда было в руководстве немало людей, которые были молоды и по-новому мыслили...

— К сожалению, их было мало. Да и тех быстро устранили. Кто-то поехал работать в дальнюю область, кого-то послали на дипломатическую работу в Африку, Австралию, Европу, на Американский континент. Мы мешали Брежневу, а он хотел иметь около себя только тех, кто беспрекословно поддерживал его, кто ему нравился. Мне, например, приближенные к Брежневу люди не раз говорили, что надо поднимать авторитет Леонида Ильича. Я отвечал всегда: «Я за то, чтобы поднимать авторитет Генерального секретаря, но по делам. Раздувать же его не следует, это нанесет урон и партии, и лично Брежневу, и поступать так я не буду». И это мое мнение Брежневу было известно.

— Вы уже тогда чувствовали, что его авторитет начали раздувать не по заслугам. Вернее, это уже тогда начало проявляться, а не в последние годы его жизни, когда славословие в адрес нашего руководителя, его бесконечные награждения стали производить обратный эффект: его популярность все больше и больше от этого падала?

— Да, лесть и славословие он любил всегда.

— Неужели ничего нельзя было поделать в то первое время, когда застой и все сопутствующие ему явления не расцвели столь пышным цветом?

— Сложность ситуации заключалась в том, что негативные процессы проявились не сразу. Страна шла вперед, развивалось народное хозяйство. И хотя замедлились темпы этого движения, хотя всем было ясно, что мы не выполняем намеченные планы, немногие догадывались, кто и что является причиной торможения. Я уверен, что секретари обкомов и крайкомов, успешно работавшие на местах, полностью поглощенные решением своих местных проблем, просто бы удивились, предъяви я на Пленуме какие-то обвинения лично Леониду Ильичу. Они бы сказали, что я не прав, что им никто не мешает работать!

Особенно если учесть, что Брежнев, если хотел, оставлял о себе положительное мнение. Он всегда мог принять областного секретаря, запросто поговорить с ним, пообещать помощь, похлопать на прощание по плечу. Все мы люди, и, согласитесь, когда Генеральный секретарь ЦК дружески тебя хлопает по плечу или сам звонит тебе в область, спокойно с тобой говорит — это приятно, это вызывает симпатию. И поверить, что такой добрый, доступный человек может ошибаться или может вести себя не по-партийному — невозможно...

Так что более резкое мое выступление на том Пленуме ничего бы не дало. Нужно было время, чтобы люди прозрели.

— Но когда многие прозрели, ситуация изменилась настолько, что поделать уже ничего было нельзя... Конечно, Николай Григорьевич, я скорее всего ошибаюсь, потому что у меня за плечами нет, как у вас, двадцати лет работы в партийном аппарате, но все-таки, мне кажется, бой надо было дать уже тогда, в июне шестьдесят седьмого. Пусть бы это не привело к победе, но хотя бы заставило задуматься, может быть, ускорило прозрение других...

— Я не уверен... К тому же надеялся, как говорил, что у меня в запасе еще один Пленум, где можно будет продолжить начатый разговор.

— Думаю, вы согласитесь, что застой как явление имел все-таки и свое начало. Конечно, оно развивалось исподволь, шло незаметное количественное накопление каких-то элементов, которые в один «прекрасный» момент сработали и дали новое качество ситуации. Ведь все эти «зоны вне критики», «персоны вне критики» возникли не сразу. Как вы считаете, когда?

— Я думаю, что до 1970 года процесс этот шел не очень заметно. А пышным цветом, по-моему, он расцвел в середине 70-х годов с легкой руки Кунаева, который первый наградил Леонида Ильича всеми положительными эпитетами. А потом эстафету восхваления подхватил Рашидов, а дальше пошло-поехало по всей стране.

— Николай Григорьевич, а как отнеслись к вашему уходу с поста первого секретаря МГК ваши знакомые, друзья? Изменилось их поведение?

— Кое у кого изменилось. Но большинство держалось так, будто ничего не произошло, и даже проявляли ко мне особое внимание. Мои товарищи по учебе и работе в МВТУ — практически все до единого человека — меня поддержали. Особое внимание оказали мне Н. С. Патоличев, В. Э. Дымшиц, А. А. Вишневский, В. А. Кириллин, П. Л. Капица, М. К. Янгель и даже маршал Г. К. Жуков, и многие другие, всех перечислить невозможно.

Вскоре после моего освобождения звонит мне домой Константин Михайлович Симонов: «Николай Григорьевич, я тебе дал посмотреть свои дневники «Сто дней войны». Как ты их находишь?» Я говорю: «Константин Михайлович, зачем тебе мое мнение, я уже не первый секретарь МГК...» «Теперь-то,— говорит Симонов,— мне твое мнение как раз и важно». Приехал ко мне домой, вот в этом кабинете просидели мы почти три часа... Константин Михайлович таким вот образом оказал мне поддержку.

Это доброе отношение людей очень помогало мне. Да и с работой все устроилось хорошо. Меня назначили заместителем министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Когда я пришел к министру Ивану Флегонтовичу Синицыну, он говорит: «Николай Григорьевич, я был на Пленуме, все видел, слышал. Очень рад, что ты пришел ко мне работать. Сходи в отпуск — и приступай...» Да и в коллективе министерства меня приняли тепло, всячески старались помогать в работе.

Синицын создал мне очень хорошие условия для работы, хотя участок дал тяжелый: строительство новых предприятий отрасли. Когда я приезжал на места — в Омск, Целиноград, Волгоград, Челябинск, на Украину, в Белоруссию — мои товарищи по партийной работе всегда старались оказать помощь и поддержку в работе. И дело пошло... Наверное, это не особенно понравилось Брежневу. Во всяком случае, через три года сочли целесообразным послать меня послом в Данию, где я проработал четырнадцать лет. И там удалось с пользой для нашей страны провести эти годы: в десять раз увеличился товарооборот между СССР и Данией, укрепились и развивались добрососедские отношения с этой страной. И то, что парламент Дании давно уже фактически поддерживает внешнеполитическую линию Советского Союза на разоружение и разрядку, является хорошей иллюстрацией этого... Во всяком случае, на этой работе я чувствовал себя нужным и полезным, был свободен от необходимости громкого излияния своих чувств в адрес Л. И. Брежнева.

Между прочим, мне не раз говорили: «Брежнев тебя ждет». Понимая под этим, что я должен попроситься к нему на прием. Однако я всегда отвечал: каяться мне не в чем, а если Л. И. Брежнев хочет встретиться, пусть вызывает. От Копенгагена до Москвы — всего два часа лету.

На уговоры я не поддался и не жалею. В любое время трудно иметь и отстаивать свои убеждения и принципы, зато, если сумеешь их отстоять, обретаешь такие бесценные вещи, как уважение людей и уважение к самому себе. Думаю, именно поэтому спустя 20 лет я был удостоен чести быть избранным делегатом на Девятнадцатую партконференцию от родной мне Московской партийной организации.

НЕ БЫТЬ МАНКУРТАМИ

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

В канун Нового года любители музыкальной классики получили подарок — открылся после ремонта Большой зал Московской консерватории. Иррациональная, логике неподвластная ситуация, когда на основе заключений анонимных экспертов, решений, принятых за закрытыми дверьми, Москва была на полтора года отлучена от Большой музыки («Огонек» писал об этом в № 27 за 1987 год и № 4 за 1988 год). Единственный в нашей столице зал, отвечающий самым взыскательным требованиям исполнителей и слушателей академических жанров, продолжает свою творческую жизнь.

Нельзя не сказать слова благодарности Е. Светланову, И. Архиповой, Н. Дорлиак, В. Горностаевой, С. Рихтеру, И. Козловскому, З. Соткилаве, В. Федосееву, многим их коллегам, сыгравшим огромную роль в судьбе Большого зала.

Немало людей сплотились в стремлении помочь в трудное время классике и ее любителям. Печать, радио, телевидение не допустили келейного решения судьбы Большого зала, довели до всеобщего сведения истинное положение дел, потребовали незамедлительных действий.

Не секрет, что работа по возвращению в строй Большого зала по-настоящему развернулась тогда, когда на месте побывали высокие партийные руководители. Но трудно удержаться от вопроса: что было бы, если бы они не дали строгие указания об объективной экспертизе и сроках завершения ремонта? Ведь не землетрясение случилось — почему же пришлось прибегать и здесь к командным методам?

По существу, сейчас проведен только профилактический ремонт. За девяносто лет службы возникла необходимость и в капитальном обновлении, нужно построить закулисные помещения, которых не было изначально. К тому времени, когда придется этим заняться, должна быть подготовлена достойная замена главному концертному залу страны. Столица уже давно нуждается в современном Доме музыки. Ведь с революционных времен мы в основном довольствуемся тем, что не нами построено.

Тем не менее десятилетиями мы убеждали себя, что классика процветает только у нас, а Запад разлагается под аккомпанемент рока. Но вот гласность высветила: в США — более 1200 симфонических оркестров, сотни самодеятельных, но располагающих очень высоким уровнем музыкальных коллективов. У нас — 57 оркестров, да и те не можем обеспечить ни хорошими залами, ни помещениями для репетиций, ни инструментами. Заработная плата большинства музыкантов — немыслимая для творчески, напряженно работающих людей. В последнее время, в условиях внедрения хозрасчетных отношений, рухнул и миф о надежной социальной защищенности наших артистов — немало их оказались полубезработными или совсем лишились ангажемента. А сколько дирижеров отлучены от профессии! Каковы у них перспективы, учитывая число наших оркестров, залов и заинтересованность публики? Исходя из реалий музыкальной жизни, видится такой выход из положения: телемост, американский оркестр под управлением советского дирижера выступает перед слушателями, собравшимися у гигантского видеоэкрана в ультрасовременном концертном зале в Японии, а мы обо всем этом своевременно узнаем из газет (ибо упаси бог судить об исполнении при акустических данных нашей телеаппаратуры).

Без серьезной помощи классика не живет нигде в мире. А потенциальных спонсоров, благотворителей, способных взять на себя финансовые и организационные заботы, у нас отыскать непросто. Пожалуй, нигде эстетическая и интеллектуальная деградация общества не зашла так далеко, как в отношении к музыкальной культуре.

Самое сложное — восстановить приоритет и понимание предназначения классики, ее незаменимости в духовном развитии личности. Запретами и командами, призывами и заклинаниями делу не поможешь. Очень важна преемственность, традиция беззаветного служения музыке, объединяющая интересы исполнителей и слушателей.

Именно сегодня острей, чем ранее, мы ощущаем последствия ждановской «заботы» о музах, об эстетическом и нравственном здоровье народа. В тридцатые — сороковые годы творила, пусть и в стеснении, и при суровом надзоре, замечательная плеяда гениев музыкальной культуры, в числе которых были Прокофьев, Шостакович, Нейгауз, Ойстрах, Оборин, Гилельс, Софроницкий, Юдина, на ту пору пришлись становление и расцвет таланта Рихтера, Ростроповича. Сегодня, когда границы творческой свободы невиданно расширились, такого созвездия музыкантов в стране нет. Не парадокс ли? Сложившееся положение, однако, вполне объяснимо. Все крупнейшие советские музыканты имели блистательных учителей, были активно приобщены ко всей сокровищнице мировой культуры. Даже после погрома сороковых годов, когда из консерваторий были изгнаны лучшие педагоги, теория и практика музыкальной жизни сохраняли еще высокие ориентиры, освещенные как бы светом угасших звезд. Но время шло — и последние зарницы догорали. Образовавшиеся ниши заполняли люди, которым удавалось найти общий язык с феодалами от культурной политики. И целые поколения композиторов, исполнителей оказались отлученными от настоящей школы, от высококультурной среды, без чего формирование крупного музыканта невозможно.

Отношение к классическому наследию, к мастерам культуры — один из важнейших показателей развитости личности и общественных институтов. Быть ли манкуртами, полуобразованными люмпенами эпохи НТР, или утверждать цивилизованное бытие — этот выбор теперь возможен. И нам предстоит осуществить его на деле.

Леонид ГОЛЬДИН, профессор, доктор философских наук.

ПОПРОБУЙТЕ ВЫНЯНЧИТЬ ТИГРА!!

Темно-коричневый медвежонок и мягкий, как игрушка, львенок то ссорились, задирая друг друга, то мирно прогуливались рядом. В сторонке сидела громадная овчарка Рэда и посматривала — не слишком ли расшалились малыши?

Виталий Иванович Петрухин стоял здесь же, у вольера, и рассказывал о том, какие ловкие звери медведи. «Они только на вид увальни...»

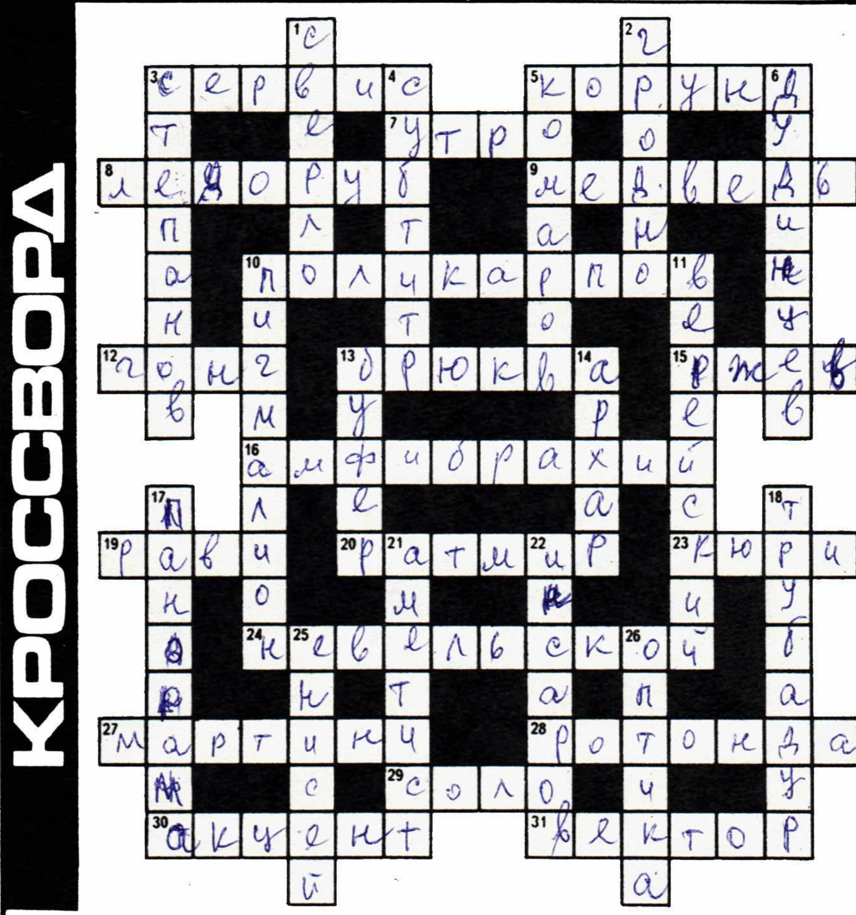
До недавнего времени Петрухин работал в Московском передвижном цирке, а теперь решил открыть кооперативный зверинец «Малыш». Собрать в нем разных зверят-малышей. В стране более десяти передвижных зооцирков — им нужны «воспитанные» звери. Поэтому директора согласны внести лепту в кооператив: арендовать на долевых началах помещение и разместить в нем под присмотром Виталия Ивановича нуждающихся в тепле и холе братьев наших меньших — «артистов», «циркачей».

Мечтает Виталий Иванович выхаживать двух-трехнедельных тигрят, львят, пантер и даже удавов... Не только вынянчить зверюшек, но и привить им первые сценические навыки.

Зоя КРЯКВИНА

Фото Анатолия БОЧИНИНА

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Обслуживание населения. 5. Минерал, абразивный материал. 7. Картина Б. М. Кустодиева. 8. Инструмент альпиниста. 9. Советский спортсмен, неоднократный чемпион Олимпийских игр по вольной борьбе. 10. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 12. Ударный музыкальный инструмент. 13. Овощ, корнеплод. 15. Город в Калининской области. 16. Стихотворная стопа. 19. Река в Индии и Пакистане. 20. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 23. Французский физик, один из создателей учения о радиоактивности. 24. Русский исследователь Дальнего Востока, адмирал. 27. Итальянский композитор и теоретик XVIII века. 28. Круглая постройка, увенчанная куполом. 29. Музыкальное произведение для одного исполнителя. 30. Знак ударения в слове. 31. Отрезок определенной длины и направления.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Режущий вращающийся инструмент. 2. Областной центр в Белоруссии. 3. Русский художник-передвижник. 4. Надпись на кадре фильма. 5. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 6. Советский писатель. 10. Пьеса Д. Б. Шоу. 11. Советский график, иллюстратор произведений Твардовского, Шолохова. 13. Приспособление у локомотива, вагона для ослабления удара. 14. Горный баран. 17. Вид местности с высоты. 18. Опера Д. Верди. 21. Драгоценный камень. 22. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 25. Река на границе Западной и Восточной Сибири. 26. Раздел физики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. «Фобос». 6. Славка. 7. Каперс. 9. Зурна. 10. «Рогнеда». 11. Запруда. 14. Пособие. 16. Отчизна. 18. Публицист. 19. Дидактика. 22. «Батраки». 23. Новатор. 25. «Флуераш». 28. Реформа. 29. Табло. 30. Кресло. 31. Ласкин. 32. Ферзь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Баянист. 2. Фаза. 3. Борт. 4. Сказ. 5. Реприза. 6. «Столп». 8. Сидра. 12. Декламация. 13. Концертино. 15. Брусника. 17. Чистяков. 20. Стрелец. 21. Стройка. 22. Беляк. 24. Рюмин. 26. Штоф. 27. Сбор. 28. Роль.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея **МЕРИНОВА**

● ХАЛЬС.
«Портрет офицера».

● ВАТТО. «Мецетен».

● ПЕРУДЖИНО.
«Распятие с предстоящими святыми» (триптих).

● РАФАЭЛЬ.
«Мадонна Альба».

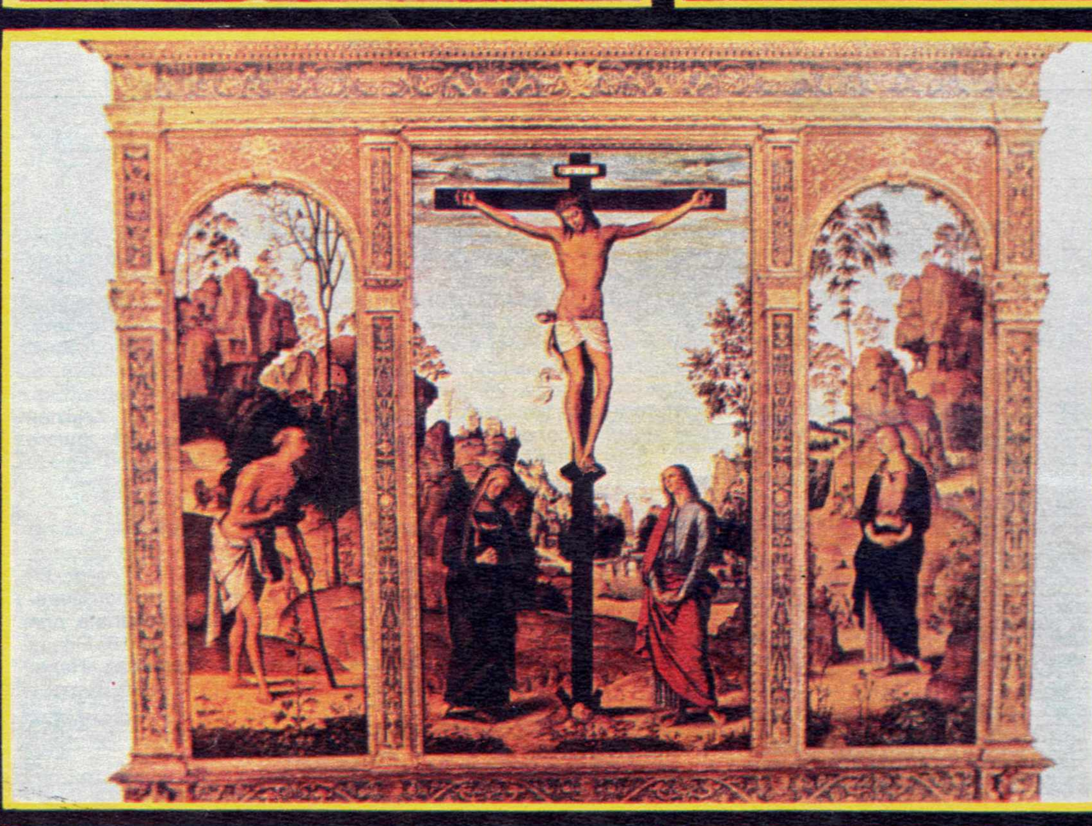
● ВЕЛАСКЕС.
«Портрет Иннокентия X».

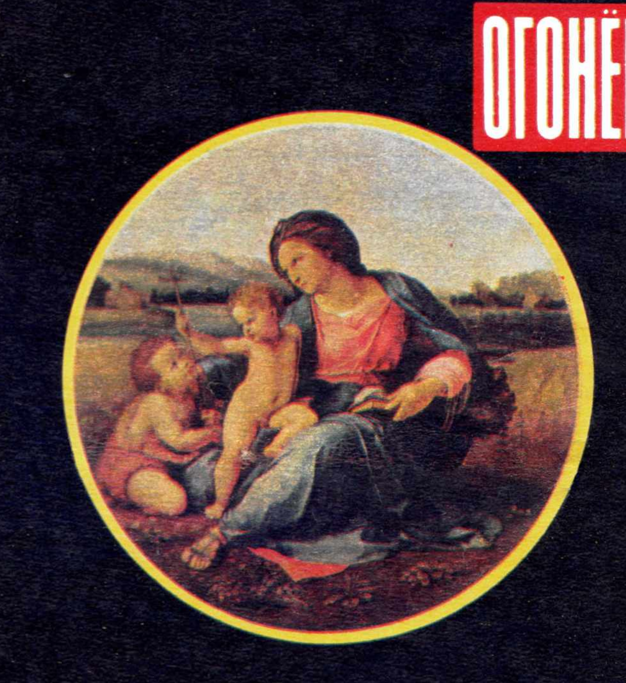
● РУБЕНС.
«Портрет Елены Фоурмен».

● ТИЦИАН.
«Венера перед зеркалом».

О судьбе этих шедевров и многих других культурных ценностей, вывезенных из нашей страны, читайте очерк Александра МОСЯКИНА «Продажа».

ОГОНЁК





40 коп.
Индекс 70663